

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

На правах рукописи

Артемова Инна Юрьевна

***НАМЁК* В РУССКОМ УСТНОМ МЕЖЛИЧНОСТНОМ ДИСКУРСЕ:
ПРАГМАСЕМАНТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

Специальность 10.02.01 – русский язык

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени кандидата филологических наук

Научный руководитель:
д.ф.н., проф. Любимова Н.А.

Санкт-Петербург

2014

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА 1. ПРЕДПОСЫЛКИ ОПИСАНИЯ <i>НАМЁКА</i> С ПОЗИЦИЙ ПРАГМАТИЧЕСКОЙ СЕМАНТИКИ	10
1.1. <i>Намёк</i> и коммуникативно-прагматический подход к его изучению	10
1.1.1. Феномен <i>намёка</i> в лингвистических исследованиях: область изученного и неизученного	10
1.1.2. Устный публичный межличностный дискурс как сфера функционирования <i>намёка</i>	18
1.1.3. Способ осуществления <i>намёка</i> : возможные подходы к описанию	25
1.2. <i>Намёк</i> как объект функционального анализа в прагматическом исследовании	28
1.2.1. Высказывание как единица функционирования речи	29
1.2.2. Категория модальности и вопрос о её объёме	31
1.2.3. Перформативность как характеристика высказывания	33
Выводы.....	36
ГЛАВА 2. ВЫРАЖЕНИЕ <i>НАМЁКА</i> В РАЗЛИЧНЫХ ПРАГМАТИЧЕСКИХ ЦЕЛЯХ	38
2.1. <i>Намёк</i> как речевая форма осуществления речевых действий ...	38
2.1.1. <i>Намёк</i> в русском устном межличностном дискурсе: определение понятия	39
2.1.2. <i>Намёк</i> и его соотношение с другими способами не прямой передачи смысла в русском устном межличностном дискурсе ..	49
2.1.3. <i>Намёк</i> в русском устном межличностном дискурсе: особенности речевой ситуации и дискурсивные факторы	52
2.1.4. Семантика <i>намёка</i> в русском устном межличностном дискурсе	56

2.1.5. Высказывание как единица функционирования <i>намёка</i> : принципы выделения	59
2.1.6. Стратегия вуалирования и иллокутивная тактика речи (ИТР) как способ осуществления <i>намёка</i>	62
2.2. Изменение информационного состояния собеседника	67
2.2.1. <i>Намёк-указание</i>	67
2.2.1.1. Ситуация указания	67
2.2.1.2. Реализация <i>намёка-указания</i> в ИТР	69
2.2.2. <i>Намёк-осуждение</i>	82
2.2.2.1. Ситуация осуждения	82
2.2.2.2. Реализация <i>намёка-осуждения</i> в ИТР	84
2.2.3. <i>Намёк-убеждение</i>	105
2.2.3.1. Ситуация убеждения	105
2.2.3.2. Реализация <i>намёка-убеждения</i> в ИТР	106
2.2.4. <i>Намёк-возражение</i>	109
2.2.4.1. Ситуация возражения	109
2.2.4.2. Реализация <i>намёка-возражения</i> в ИТР	112
2.2.5. <i>Намёк-согласие</i>	129
2.2.5.1. Ситуация согласия	129
2.2.5.2. Реализация <i>намёка-согласия</i> в ИТР	132
2.3. Изменение акционального состояния собеседника	141
2.3.1. <i>Намёк-просьба</i>	141
2.3.1.1. Ситуация просьбы	141
2.3.1.2. Реализация <i>намёка-просьбы</i> в ИТР	142
Выводы.....	146
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	155
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	159
СПИСОК СЛОВАРЕЙ И ИСТОЧНИКОВ И ИХ УСЛОВНЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ	173

ВВЕДЕНИЕ

Настоящее исследование посвящено изучению феномена *намёк* в русском устном межличностном дискурсе.

Намёк является одним из видов непрямой коммуникации, широко представленным в телевизионном формате устного межличностного дискурса, предполагающим воздействие собеседников друг на друга. При этом способы такого воздействия в межличностном общении в целом, и особенно в форме *намёка*, не были освещены в лингвистических исследованиях. Неясными представляются и причины проявления *намёка*, а также потенциал *намёка* в указанном типе общения. Вместе с тем межличностный устный дискурс полемической направленности занимает огромное пространство в ежедневной коммуникации. Владение этим типом дискурса в первую очередь определяет статус языковой личности и её роль в обществе. Использование не прямых способов осуществления воздействия в соответствии с ситуацией является не переменным условием становления языковой личности, поскольку не прямая коммуникация занимает в нашем повседневном общении гораздо большее место, чем прямая. К тому же можно с достаточной уверенностью предположить, что среди способов непрямого воздействия можно выделить универсальные и национально-специфичные характеристики. Например, множество не прямых способов воздействия мотивировано соблюдением правил вежливости. В то же время каждая речевая культура обладает набором узко-специфичных, нередко клишированных средств, для правильной интерпретации которых необходимо как понимание специфики речевой ситуации, так и правильное вычисление мотивов говорящих, знание особенностей построения речевых контекстов и понимание передаваемых высказыванием импликаций. В этом отношении изучение способов непрямого воздействия является актуальным и с точки зрения преподавания русского языка как иностранного, поскольку *намёк* в настоящем исследовании рассматривается как в статическом, так и в динамическом аспекте. Таким образом, предлагаемое исследование выполнено в соответствии с антропоцентрической парадигмой в современной лингвистике, поскольку

ориентировано на естественное использование языка в совокупности с различными экстралингвистическими факторами. Так, среди направлений лингвистики, занимающихся вопросами пользования языком человеком, выделяются, по крайней мере, три основных направления: коммуникативная лингвистика, дискурсивный анализ, лингвистическая прагматика. Вместе с тем все эти направления не исключают, а дополняют ставшие классическими подходы к изучению языка. Исключительно важную роль указанные направления играют в изучении устной формы использования языка, а особенно при изучении имплицитных смыслов. Сказанное выше определяет **актуальность** настоящего исследования.

Объект исследования – речевые действия в русском устном межличностном дискурсе в форме *намёка*.

Предмет исследования – способы осуществления *намёка* в их соотношении с ситуационной спецификой общения, дискурсивными факторами, мотивами, передаваемыми импликациями и особенностями контекстуального выражения в речи.

Гипотеза исследования исходит из положения о том, что в условиях устного русского межличностного дискурса *намёк* представляет собой форму осуществления речевых действий, получающую выражение в контексте посредством характерных для определённого типа *намёка* тактик речи, что мотивировано особенностями ситуации: определёнными дискурсивными факторами и мотивами говорящего.

Цель исследования – выявить и описать способы реализации различных типов *намёка* в русском устном межличностном дискурсе.

Из поставленной цели вытекают следующие **задачи**:

- 1) установить содержание понятия *намёк* и определить место *намёка* в кругу других схожих явлений;
- 2) выявить релевантные для проявления *намёка* особенности речевой ситуации и дискурсивные факторы;
- 3) определить минимальную единицу анализа;

4) описать подход к явлению *перформативности* и установить способ выявления скрытых перформативных смыслов;

5) определить типы *намёков*, характерные для рассматриваемого типа дискурса;

6) выявить набор тактик, к которым прибегает говорящий для реализации того или иного типа *намёка*, и описать релевантные для проявления того или иного типа *намёка* особенности контекстов намекания;

7) выявить тактики, требующие наибольших и наименьших когнитивных усилий от собеседника для интерпретации *намёка* в аспекте интенсивности оказываемого перлокутивного эффекта.

Научная новизна исследования заключается в комплексном подходе к описанию способов непрямого речевого воздействия, а именно – в форме *намёка*, с позиций прагматики, грамматики, теории текста и коммуникативной лингвистики в интеракционном, динамическом аспекте, а также в выделении характерных для русского устного межличностного дискурса семантических типов *намёка*: *намёк-указание, намёк-осуждение, намёк-убеждение, намёк-возражение, намёк-согласие* и *намёк-просьба*.

Материалом для исследования явились записи телевизионных передач, представляющих межличностную ситуацию общения при обсуждении социально значимых тем. Это такие передачи, как «Нереальная политика», выходившая на телевизионных каналах РЕН ТВ и НТВ (URL:http://www.youtube.com/watch?v=vfd_1Ez8QPw&feature=plcp) в период с 2009-го по 2010-ый год, и «Открытая студия» на Пятом канале (URL:<http://www.5-tv.ru/video/programs/1000006/>) города Санкт-Петербурга, выходящая в эфир с 2004-го года по настоящее время. При этом отбирались телепередачи, вышедшие в эфир во временном промежутке с 2009-го по 2014-ый год, то есть за последние 5 лет. Всего проанализировано более 250 часов звучащей речи. В качестве иллюстративного материала также привлекались данные Национального Корпуса Русского Языка (URL:<http://www.ruscorgora.ru>). Выбор телевизионного материала объясняется прежде всего доступностью и возможностью исследовательской

рефлексии в виду зафиксированности этого типа дискурса, что оказывается сложно осуществимым в естественной коммуникации. Помимо этого, указанный тип устного дискурса реализуется в публичном общении, что имеет следующие последствия для его качественной характеристики: 1) является носителем социальной нормы, оказывающей огромное влияние на становление нормы языковой; 2) в виду ситуативной упорядоченности оставляет меньше возможностей для интерпретации неявных смыслов и принуждает к общению, что проявляется в большем, по сравнению с естественной коммуникацией, количестве реакций, служащих маркерами при вычленении рассматриваемых имплицитных смыслов; 3) стимулирует к использованию неявных языковых средств для осуществления воздействия в виду публичности этого типа дискурса, а также особого статуса собеседников.

Методы и приёмы, используемые в работе: метод сплошной и направленной выборки материала из телевизионных программ, метод направленной выборки из современной периодики, а также художественной прозы (по данным Национального Корпуса Русского Языка), метод наблюдения, описательный метод, метод дистрибутивного и компонентного анализа, метод контекстуального анализа, приёмы количественной и частотно-статистической характеристики.

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что предложенный подход в изучении способов непрямого воздействия может быть использован при разработке проблем устной коммуникации на других типах дискурса; при разработке проблем речевого воздействия с учётом комплексного подхода к общению, то есть с позиций коммуникативного, функционально-семантического и прагматического подхода.

Практическая значимость настоящей работы связана с возможностью использования результатов исследования в теоретических курсах, посвящённых проблемам семантики, прагматики, коммуникативной и функционально-семантической грамматики русского языка, в практике перевода с русского и на

русский язык, а также в практике преподавания русского языка как иностранного, в том числе при обучении культуре общения на русском языке.

Теоретико-методологическую базу диссертационного исследования составили: работы, посвящённые собственно *намёку* как лингвистическому явлению (А.Н. Баранов, И.М. Кобозева, Н.И. Лауфер, И.Б. Шатуновский), исследования в области лингвистической прагматики и семантики (Н.Д. Арутюнова, В.В. Богданов, Е.В. Падучева, И.В. Галактионова, Г.П. Грайс, В.З. Демьянков, Л.П. Крысин, Джон Лангшо Остин, Н.К. Рябцева, Дж. Р. Сёрль, Д. Вандервекен, П.Ф. Стросон, Н.И. Формановская, Н. Haverkate), работы, посвящённые исследованиям дискурса (Э. Бенвенист, Т.А. ван Дейк, В. Кинч, А.А. Кибрик), исследования, обращённые к проблемам текста (И.Н. Борисова, Ю.М. Лотман, К.А. Рогова, Е.В. Сидоров), работы, посвящённые различным аспектам изучения разговорной/устной речи (Е.А. Земская, М.В. Китайгородская, Е.Н. Ширяев, Л.А. Капанадзе, О.А. Лаптева, Н.Ю. Шведова), исследования в сфере изучения имплицитно передаваемых смыслов и подтекста (И.В. Арнольд, А.В. Бондарко, К.А. Долинин, Е.В. Ермакова, Н.В. Пушкарева, Е.И. Шендельс), работы, затрагивающие различные аспекты функционирования высказывания (В.Г. Гак, В.А. Звегинцев, Г.А. Золотова, Н.К. Онипенко, М.Ю. Сидорова, Г.В. Колшанский, А.И. Смирницкий, Т.В. Шмелева), исследования в сфере невербальной коммуникации (Г.Е. Крейдлин), работы в области коммуникативной лингвистики (О.С. Иссерс, Ю.Н. Караулов, Н.А. Кузьмина, Ю.Е. Прохоров, И.А. Стернин), работы, посвящённые разным аспектам интонации (Т.М. Николаева, И.Г. Торсуева), исследования в области изучения метафоры, пословицы и крылатых слов (Н.Д. Арутюнова, В.П. Жуков).

Положения, выносимые на защиту.

1. *Намёк* – это форма осуществления речевых действий, предполагающая передачу интенциональных смыслов от говорящего к слушающему с расчётом на их извлечение последним в виде импликаций.

2. *Намёк* как речевая форма представляет собой контекст разной протяжённости, в котором могут быть выделены типичные лексико-грамматические, просодические или композиционные черты.

3. Семантика *намёка*, а также способы его осуществления определяются особенностями речевой ситуации, а точнее дискурсивными факторами: социокультурной ситуацией, возможностью акцентировать внимание слушающих на наиболее значимых социальных вопросах, соблюдением этических норм поведения, необходимостью убеждать собеседников в своей точке зрения, возможностью дискредитации собеседника, а также необходимостью изменить ход разговора.

4. В русском устном межличностном дискурсе выделяются такие семантические типы *намёка*, как *намёк-указание*, *намёк-осуждение*, *намёк-убеждение*, *намёк-возражение*, *намёк-согласие* и *намёк-просьба*.

5. Особенности организации контекстов *намёка* целесообразно описывать с точки зрения используемых говорящим тактик речи, которые представляют собой способы организации вербальных средств языка для реализации модуса говорящего.

Апробация результатов исследования: основные положения и результаты исследования обсуждались на аспирантских семинарах кафедры «Русского языка как иностранного и методики его преподавания» и были представлены на научных конференциях: «XLII международная филологическая конференция» (СПб: СПбГУ, 2013 г.); Третья Межвузовская научно-практическая конференция «Актуальные проблемы современной лингвистики» (СПб: СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2014 г.); V международная научная конференция «Актуальные проблемы теории и методологии науки о языке» (СПб: ЛГУ им. Пушкина, 2014 г.).

По теме диссертации опубликовано 6 работ, из них в журналах, рекомендованных ВАК РФ, – 3.

Структура работы: работа состоит из Введения, двух глав, Заключения, Списка литературы и Списка словарей и источников.

ГЛАВА 1. ПРЕДПОСЫЛКИ ОПИСАНИЯ *НАМЁКА* С ПОЗИЦИЙ ПРАГМАТИЧЕСКОЙ СЕМАНТИКИ

1.1. *Намёк* и коммуникативно-прагматический подход к его изучению

Поскольку предметом интереса настоящего исследования является осуществление речевых действий в форме *намёка* в русском устном межличностном дискурсе, то на первый план выходит необходимость учёта особенностей коммуникативной обстановки общения, для которой характерна реализация соответствующих этой среде целей, или интенций говорящего. Иными словами, необходимым представляется учёт специфики «коммуникативно-прагматической среды взаимодействия коммуникантов» (Олешков 2006: 17). В рамках коммуникативно-прагматического подхода базовыми понятиями, с помощью которых оказывается возможным описать особенности коммуникативной ситуации, являются понятия дискурса, коммуникативных стратегий и тактик речи.

Прежде чем перейти к рассмотрению понятий коммуникативной лингвистики, представляется необходимым обосновать рассмотрение самого феномена *намёка* в рамках указанного подхода, обозначив ракурсы рассмотрения этого явления в предыдущих настоящему исследованию лингвистических работах.

1.1.1. Феномен *намёка* в лингвистических исследованиях: область изученного и неизученного

Феномен *намёка* уже привлекал внимание лингвистов. Наиболее полно *намёк* рассматривался в работах И.М. Кобозевой и Н.И. Лауфер (Кобозева, Лауфер 1988), А.Н. Баранова (Баранов 2007), И.Б. Шатуновского (Шатуновский 2004). К исследованию явления *намёка* также обращались Т.Г. Матулевич (Матулевич 2009), М.А. Кириченко (Кириченко 2013).

И.М. Кобозева и Н.И. Лауфер рассматривают *намёк* как «способ косвенного информирования» (Кобозева, Лауфер 1988: 462) и приводят типологию

контекстов *намекания*. Исследователи проводят описание ситуаций *намёка* в тексте без категоризации этой категории как таковой (Кобозева, Лауфер 1988: 463), в то же время не отрицая, что такая категоризация возможна. Посредством анализа лексических единиц, способных к описанию ситуации *намёка* (*иметь в виду, подразумевать* и *намекать, давать понять*), авторы статьи приходят к выводу, что с помощью *намёка* может обозначаться ситуация семиотического и коммуникативного действия. Ситуация семиотического действия описывается с помощью лексических единиц *иметь в виду* и *подразумевать*, в актантной структуре которой отсутствует адресат действия; ситуация коммуникативного действия описывается с помощью лексем *намекать* и *давать понять*, для актантной структуры которой необходимо наличие адресата. В то же время исследователи указывают на то, что в случае невыраженности в ситуации коммуникативного действия адресата действия, эти две ситуации совпадают, а также на то, что ситуация *намекания* может быть воспринята как таковая и в отсутствии каких-либо специально указывающих на неё в контексте средств. При этом выбор косвенного способа информирования определяется невозможностью или нежеланием говорящего использовать прямой способ (Кобозева, Лауфер 1988: 464). Такой компонент ситуации *намекания* И.М. Кобозева и Н.И. Лауфер называют *обоснованностью* *намёка*, и, что важно, его отсутствие не позволяет рассматривать в качестве *намёка* другие, схожие случаи косвенного информирования. Так, по мнению авторов, выражение *Я не достал билетов*, представляющее собой косвенный речевой акт, означает, что «поход в кино не состоится» (Кобозева, Лауфер 1988: 464), но при этом *намёком* не является, поскольку это выражение «нельзя описать как *Я намекнул, что мы не идём в кино* если, конечно, у говорящего не было специального мотива завуалировать передаваемую информацию» (там же). И.М. Кобозева и Н.И. Лауфер также указывают на основные мотивы совершения *намёка*, среди которых авторами выделяются: 1) «некоторое сообщение нужно передать, утаив его смысл от присутствующих третьих лиц»; 2) «буквальное выражение некоторого смысла может быть расценено как поступок, нарушающий те или иные социальные

нормы, и, чтобы избежать ответственности за такой поступок, говорящий прибегает к *намёку*, что позволяет ему в случае необходимости укрыться за буквальным смыслом употребленного выражения»; 3) «*намёк* может использоваться в игровых целях» (Кобозева, Лауфер 1988: 464). Основным же критерием различения *намёка* и других непрямых средств воздействия авторы считают *нетривиальность намёка*, указывая, что «для вывода передаваемой информации из буквального смысла используемого текста слушающий должен проделать нетривиальные мыслительные операции» (Кобозева, Лауфер 1988: 465). Помимо *нетривиальности* и *обоснованности*, авторы считают «необходимыми и достаточными для квалификации ситуации общения как ситуации намекания» следующие четыре свойства *намёка*: *интенциональность*, *вербальность*, *косвенность*, и *выводимость* (Кобозева, Лауфер 1988: 463), а также указывают на способы намекания: «через неопределённость», «через посылку», «через дополненность», «через апелляцию к интересам», «через двусмысленность», «через иносказание» (Кобозева, Лауфер 1988: 465-466). При этом основой для определения способа намекания для авторов является способ соотношения текста и *намёка*. Так, при *намёке* через неопределённость в тексте описывается ситуация, которая имеет универсальный, экзистенциальный или родовой статус. Пример ситуации в родовом статусе (Кобозева, Лауфер 1988: 466):

– *Очень ты умная, гляжу! Недаром активисткой была. Не отреклась ещё?*
 – *А от чего мне отрекаться? Я не злодейка какая. Пусть злодеи от своего отрекаются.*

– *Намекаешь? На кого намекаешь? – насторожился Гуж. (В. Быков)*

При *намёке* через неопределённость текст также может представлять: 1) конкретную ситуацию, в которой один аспект получает неопределенное описание: – *Мы там посоветовались*; 2) конкретную ситуацию с опущением одного аспекта – актанта или сирконстанта ситуации, или целой ситуации внутри другой ситуации (когда профессор пишет письмо, в котором, рекомендуя на должность преподавателя философии своего студента, не говорит о способностях студента к

этой деятельности (Грайс 1985); 3) пропозицию с нейтральным денотативным статусом: – *Твой-то сын где? В Красной Армии будто?* (В. Быков). При *намёке* через посылку текст представляет собой посылку, а *намёк* – вывод. При *намёке* через дополительность текст описывает некоторую ситуацию с некоторым актантом, а *намёк* осуществляется на противоположную ситуацию с актантами, в некотором смысле противоположными актанту ситуации в тексте (*По средам я не даю уроков*), или же это соотношение текста и *намёка* может быть усложнено присутствием оценки (*Все мои знакомые были либо в кавалерии, либо в пехоте ...*). При *намёке* через апелляцию к интересам текст описывает ситуацию, осуществление которой не в интересах адресата (*Через двадцать минут закрывается метро*). При этом такой *намёк* представляет собой побуждение адресата к действию. При *намёке* через двусмысленность необходимым представляется учитывать форму высказывания. При таком типе *намёка* источником двусмысленности является неоднозначность референции. При *намёке* через иносказание и текст и *намёк* представляют собой конкретную ситуацию. Так, высказывание *Коля долг не отдаёт* должно быть воспринято как *намёк* на то, чтобы собеседник отдал долг говорящему (при этом собеседник и Коля представляют собой два разных лица).

Рассмотрим другие точки зрения на явление *намёка*. Так, А.Н. Баранов определяет ключом к пониманию феномена *намёка* **догадку** (Баранов 2007: 207). Ссылаясь на указанную в статье И.М. Кобозевой и Н.И. Лауфер *нетривиальность намёка*, исследователь выделяет два его типа: 1) истинный, или сложный *намёк*, требующий решения сложной задачи, непонимание которого не ведёт к коммуникативной неудаче, – то есть такой *намёк*, который может остаться непонятым; 2) регулярный, или продуктивный, *намёк*, понимание которого необходимо для сохранения связности текста. Таким образом, А.Н. Баранов характеризует *намёк* с точки зрения полноты выраженности его смысла: *намёк* истинный и *намёк* регулярный. С такой точкой зрения достаточно трудно согласиться, поскольку представляется, что *намёк*, во всяком случае в естественной коммуникации, рассчитан на однозначную интерпретацию и его

непонимание свидетельствует о коммуникативной неудаче, о несостоявшейся его реализации, так как нераспознавание *намёка* слушающим в любом случае ведёт к изменению хода диалога: даже при сохранении «связности» и «осмысленности» [Баранов 2007: 450] текста, содержащего *намёк*, в таком случае коммуникация всё равно не реализуется полностью, слушающий как бы проигрывает в интерпретации такого текста. Кроме того, неявно состоявшаяся коммуникативная неудача может повлиять на весь процесс дальнейшего общения, в результате чего говорящему придётся либо прибегнуть к новой попытке *намекания*, либо по-другому, возможно, прямо, выразить то, что он хотел сказать. При этом нужно упомянуть, что, в отличие от И.М. Кобозевой и Н.И. Лауфер, А.Н. Баранов выстраивает типологию *намёков* не только на основе материала художественных текстов, но и на материале различных публицистических жанров, включая естественные радио-диалоги и даже рекламу.

И.Б. Шатуновский указывает, что «в случае интерпретации *намёков* имеет место динамическое «колебание» между возможностями буквальной и косвенной интерпретации, так и не разрешающееся окончательно ни в одну, ни в другую сторону» (Шатуновский 2004: 267). Исследователь выделяет пять «функционально-ситуативных типов» (Шатуновский 2004: 268) *намёков*: 1) обусловленные мотивом сохранения лица адресата; 2) обусловленные сохранением собственного лица говорящего; 3) обусловленные незаконностью, уголовной наказуемостью выражаемого содержания: например, побуждение к даче взятки; 4) «намёки, использующиеся в публичной полемике, агитации и пропаганде с целью избежать возможного преследования по суду» (Шатуновский 2004: 269) за оскорбительное или недостаточно обоснованное содержание, реализуемое *намёком*; 5) обусловленные «желанием скрыть передаваемую информацию от третьих лиц» (Кобозева, Лауфер 1988). Дополнительно в ряду *намёков*, обусловленных незаконностью выражаемого *намёком* содержания, исследователь выделяет также «инсинуации» как «вид *намёка*, характеризующийся а) отрицательным, порочащим человека, являющегося его объектом, косвенным смыслом; б) пресуппозицией ложности, намеренного

искажения действительности посредством возбуждения этого косвенного смысла говорящим – автором инсинуации» (Шатуновский 2004: 269).

Таким образом, И.Б. Шатуновский строит типологию *намёков*, исходя из их обусловленности мотивами, при этом вызывает сомнение, что все перечисленные типы *намёков* всегда отличаются «возможностью буквальной и косвенной интерпретации». В этом отношении, как нам кажется, позиция И.Б. Шатуновского сближается с точкой зрения А.Н. Баранова, который выделяет так называемый истинный *намёк*. В таком случае, с позицией И.Б. Шатуновского, как и с мнением А.Н. Баранова, по той же причине согласиться довольно сложно. Кроме того, возможность «колебания» (Шатуновский 2004: 267) при интерпретации *намёка* для слушающего, оставляемая последнему говорящим, сближает, на наш взгляд, *намёк* и *двусмысленность*, которая рассматривается И.Б. Шатуновским как самостоятельный от *намёка* способ косвенного выражения смысла (Шатуновский 2004: 271).

Особую трудность при изучении феномена *намёка* представляет определение этого понятия, прежде всего, в виду его семантической прозрачности. Отметим, что из всех перечисленных концепций *намёка* попытка точного определения этого феномена была предпринята лишь А.Н. Барановым. Так, исследователь считает, что *намёк* является «косвенной формой передачи содержания, приводящей к имплицитной форме выражения этого содержания» (Баранов 2007: 459). Как видно из этого определения *намёка*, его ясность затушевывается неконкретным представлением о компоненте «содержание». Поскольку А.Н. Баранов рассматривает *намёк* больше в когнитивном аспекте, чем в собственно лингвистическом, то такую формулировку, конечно, следует признать удачной, поскольку, действительно, *намёк* может осуществляться *на* что угодно, иметь любое содержание, что в плане выражения может отразиться в любой форме. По-видимому, это объясняется и тем, что *намёк* по своей сути наитеснейшим образом связан с таким свойством передаваемой информации, как её «преобразуемость» (Рогова 2009: 11). Различные вариации соотношения содержания и формы легко демонстрируются при помощи литературных

контекстов (в примерах 1 и 2 текстовые фрагменты, с помощью которых описывается передаваемое с помощью *намёка* содержание, выделены полужирным шрифтом и подчёркнуты; фрагменты, описывающие форму его выражения, выделены полужирным шрифтом):

Пример 1:

*У Кати иная позиция... Что ж, истина об истине тоже рождается в споре! Вася энергично кивнул. Потом он подошел к Кате и даже **слегка обнял ее за плечи**, чего раньше не делал и в чем был еле уловимый **намёк на желание извиниться**. — Ну... как я? — **Замечательно!** — ответила Катя, ибо поверила, что все было действительно в лучшем виде. [НКРЯ: Анатолий Алексин. Дым без огня (1980-1989)]*

Пример 2:

*Никакого декрета о земельных сделках новое правительство так и не издало. Газеты как бы в насмешку над Черновым, над крестьянством, надо всей приниженной революцией снова сообщали, что министр земледелия **«проектирует»**. Но этот слабый **намёк на обещание** серьезно взяться за земельную реформу так и не был вырван у коалиции до самого ее развала. [НКРЯ: Н. Н. Суханов. Записки о революции / Книга 4 (1918-1921)]*

Так, в примере 1 содержание *намёка* составляет извинение, которое выражается с помощью жеста, а в примере 2 содержанием *намёка* является обещание, которое выражается словами, причём эти слова представляют собой цитируемую речь третьего лица. В естественном общении в такой форме выражения *намёка* можно бы было предположить наличие отличительных просодических характеристик.

Мы считаем, что полную картину о функционировании феномена *намёк* невозможно получить без учёта коммуникативной среды, ситуации его использования. Особенно важным ситуационный подход становится при изучении естественного общения. Именно от условий коммуникации зависят мотивы говорящих, условиями ситуации задаются цели общения, а также определяющие эти цели способы выражения *намёка*. Рассматривая *намёк* в

рамках какого-либо типа общения, можно получить полные данные о его функционировании в аспекте целей и средств воплощения *намёка*, а также выявить культурную специфику функционирования *намёка* в аспекте соотношения мотивов, целей и средств реализации этого явления. В этом смысле, представляется, что все рассмотренные подходы к изучению *намёка* составляют предпосылки к исследованию этого феномена на материале различных дискурсов, в каждом из которых *намёк* как лингвистический феномен представлен по-разному как в плане содержания, так и в плане выражения.

Рассмотрим также некоторые спорные вопросы, касающиеся соотношения понятий *намёка*, *аллюзии*, *иронии*, *косвенного речевого акта*, *двузначности* и *супернеоднозначности*.

Так, А.Н. Баранов отличает *намёк* от аллюзии, а также косвенного речевого акта в рамках выстроенной им типологии. По мнению исследователя, понятие истинного *намёка* не совпадает с понятием аллюзии, а понятие регулярного *намёка* – с понятием косвенного речевого акта, поскольку косвенный речевой акт не совпадает с *намёком* в виду конвенциональности формы его выражения, а аллюзия отличается по своей сути от *намёка* в силу обязательного наличия у неё свойства интертекстуальности (Баранов 2007: 443).

И.М. Кобозева и Н.И. Лауфер не проводят принципиального отличия между аллюзией и *намёком*, в то время как главное отличие *намёка* от косвенного речевого акта исследователи видят в том, что в косвенном речевом акте буквальный смысл не совпадает с его действительным смыслом, а также в обусловленности косвенного речевого акта принципом вежливости (Кобозева, Лауфер 1988: 464-465).

М.А. Кириченко видит отличие аллюзии от *намёка* в том, что аллюзия представляет собой «метафорическое упоминание в разговоре \ тексте реального политического, исторического или литературного факта, который предполагается общеизвестным» (Кириченко 2013: 123). Такого же мнения придерживается Т.Г. Матулевич, которая понимает аллюзию как «вербальное действие, преднамеренно

(в отличие от реминисценции) осуществляемое отсылкой к некоторому феномену историко-культурного фонда» (Матулевич 2009: 44).

Наконец, типологию косвенных речевых актов в их отличии от *намёка*, а также «двусмысленных речевых актов» (Шатуновский 2004: 271), иронии и «супернеоднозначности» приводит И.Б. Шатуновский (Шатуновский 2004: 272-273). И.Б. Шатуновский полагает, что «собственно косвенные речевые акты» «представляют собой, так сказать, речевые акты в «переносном значении» (Шатуновский 2004: 262). Таким образом, исследователем также указывается на конвенционализированность косвенных речевых актов, при этом автор рассматривает и другие образования, представляющие, по его мнению, косвенные речевые акты: «компрессированные цепочки речевых актов» (Шатуновский 2004: 265) и «потенциально компрессированные цепочки РА» (Шатуновский 2004: 266).

В виду указанных противоречивых точек зрения на соотношение понятия *намёка* с другими схожими способами передачи смысла представляется необходимым соположить или отграничить эти феномены на материале публичного межличностного дискурса, что будет сделано нами во второй главе предлагаемого исследования.

Поскольку в настоящем исследовании *намёк* рассматривается на материале устного публичного межличностного дискурса, то для идентификации феномена *намёка* представляется необходимым обратиться к характеристикам этого типа дискурса.

1.1.2. Устный публичный межличностный дискурс как сфера функционирования *намёка*

Термин *дискурс* был введён в исследованиях текста с целью учета широкого коммуникативного контекста, влияющего на его характеристики, роли не только говорящего в его порождении, но и слушающего. Так, наиболее часто цитируемыми определениями *дискурса* являются дефиниции Э. Бенвениста и Н.Д. Арутюновой: дискурс – это «в самом широком смысле <...> всякое высказывание, предполагающее говорящего и слушающего и намерение первого определённым

образом воздействовать на второго» (Бенвенист 1974: 276)»; «связный текст, взятый в совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными, психологическими и др. факторами» (Арутюнова 1998-а: 136).

В то же время применительно к телевизионной коммуникации в настоящее время исследователи прибегают к использованию всё большего количества терминов, обозначающих эту область коммуникации. Таковы, например: «медиадискурс», пришедший в отечественную лингвистику из англоязычной литературы (Fairclough 2010), (Бешукова 2008), (Кожемякин 2010), (Добросклонская 2008), «телевизионный дискурс» (Мелехова 2009), «дискурс СМИ» (Воронцова 2008) и др. Некоторые исследователи отмечают, что «публичный дискурс <...> подразумевает как опосредованную СМИ форму общения с массовым адресатом, так и непосредственную – с множественным» (Воронцова 2008: 18), и выделяют дискурс СМИ как подтип в составе публичного дискурса. В то же время отдельными исследователями ставится под сомнение вопрос о целесообразности введения таких терминов ввиду недостаточной теоретической обоснованности выделения телевизионной коммуникации как особого типа дискурса (Кибрик 2008). Так, например, в качестве причин указывается на вторичный характер большинства составляющих телевизионный дискурс жанров речи (там же), на его «калейдоскопичность» и «компилятивность» (Капанадзе 2005: 300-301). Поддерживая данную точку зрения и опираясь на представление о *дискурсе* как о тексте, взятом в совокупности с экстралингвистическими факторами, считаем целесообразным говорить не о новых типах публичного дискурса или составляющих его подтипах, а лишь о *форматах* публичного дискурса в его устной и письменной форме, – другими словами, о тексте в его устной и письменной форме, характеристики которого обусловлены техническими условиями его существования. Так, варианты публичного устного текста будут качественно отличаться в зависимости от того, представлен ли он в естественном, телевизионном или радио формате. Однако во всех этих случаях следует говорить о публичном дискурсе-тексте. В

формате естественной коммуникации устный публичный дискурс затрагивает различные сферы общения и реализуется в неопределенном множестве речевых ситуаций. Искусственно созданный формат устного публичного общения оказывается более упорядоченным ситуативно и тематически. Так, телевизионный формат отличается большей унифицированностью ситуаций и сфер общения, концентричностью коммуникации, вращением диалога вокруг заданной темы. Необходимо сказать, что устный текст в телевизионном формате имеет особое общественное значение и занимает промежуточное положение между культурно значимыми «текстами» и преходящими «не-текстами» (Лотман 1992-а), так как имеет телевизионную форму фиксации, и вследствие этого «множественного», заведомо «менее авторитетного» адресата: «Признаком превращения не-текста в текст, кроме изменения способа фиксации, повышения меры фиксированности и других черт <...>, в частности, является изменение природы адресата <...>», «когда поэт печатает в журнале любовное стихотворение, адресат, указанный в тексте, заменяется другим – абстрактным и всеобщим типа «каждый читатель» (там же: 185). Важность изучения устного публичного текста в телевизионном формате состоит в том, что его исследование даёт знание о современной межличностной культуре общения, претендующей на всеобщую поведенческую и языковую норму и отражающейся в использовании языковых средств. При этом, как нам кажется, говоря о самой норме межличностного устного общения в телевизионном формате, правильнее характеризовать её как норму *социальную* (Торсуева 2009: 13). Поясним необходимость этого уточнения. Вводя термин *социальной нормы*, И.Г. Торсуева следует концепции нормы В.Г. Гака, в трактовке которой выделяется четыре составляющих: система языка, норма языка, узус и индивидуальная речь (Гак 2000: 5-6), (Торсуева 2009: 13). Понятие *социальной нормы*, на наш взгляд, наиболее адекватно отражает свойство переходности нормы: «В нашей концепции мы ограничиваемся тремя элементами: система языка, объективная норма (норма языка по Гаку), социальная норма (узус по Гаку). Четвёртый элемент – индивидуальная речь является материалом, из которого лингвист черпает

сведения для первых трёх уровней анализа» (Торсуева 2009: 13). Ю.М. Лотман пишет о значимости нормы устной речи для культурного становления общества в общем и о постоянном взаимовлиянии нормы письменной и устной: «Возникает представление о том, что в рамках языка существуют «правильная» и «неправильная» системы <...> хотя сами носители языка считают «правильную» систему универсальной и равной языку, на практике она, как правило, значительно уже области применения «неправильной системы» (Лотман 1992а: 186). Именно этим свойством социальной нормы (оказывать влияние на представление о языковой норме) объясняется необходимость изучения общения такого типа. Изучение межличностного дискурса является особенно важным и потому, что он «предшествует всем прочим разновидностям дискурсивной практики и в значительной мере предопределяет их становление и развитие» (Владимирова 2010: 21).

Изучение публичного дискурса, устного текста, и его форматов невозможно без учёта особенностей составляющих его единиц, поскольку «говорить сегодня о <...> «телевизионном дискурсе» безотносительно жанровой и / или тематической конкретизации, <...> вряд ли корректно» (Воронцова 2008: 17). Следовательно, необходимо говорить о специфических особенностях жанров, организующих публичный дискурс, и об их тематико-ситуативной составляющей. В то же время такая задача представляется достаточно сложной в виду отмеченной выше «вторичности» и «компилятивности» жанров телевизионной речи. Так, О.А. Лаптева отмечала, что «телевизионная речь неоднородна и делится на разновидности, подчас весьма далёкие друг от друга по своим особенностям» (Лаптева 2003: 11). Представляется, что для определения интересующей нас области анализа необходимо обратиться к журналистскому пониманию термина *жанр*, выделив его характерные черты с лингвистической точки зрения. Так, интересующим нас жанром с точки зрения журналистики является жанр *встречи в эфире*. Согласно определениям специалистов, встреча в эфире – это «жанр телепередачи, в основе которой беседа-импровизация героя с многочисленной аудиторией, рассказ её участника о социально-значимых проблемах, о секретах

мастерства, своей судьбе, об отношении к людям и обществу» (Егоров 1995: 11). Наблюдения над реализацией журналистского жанра *встречи в эфире* показывают, что нередко указанный жанр объединяет характеристики лингвистических жанров дискуссии, психологической установкой которой является «убеждение контрагента, диктующее разные тактики ведения разговора» (Арутюнова 1999: 651), и беседы как жанра «светского общения» (Стернин 2001), предполагающей «взаимно приятный, ни к чему формально не обязывающий разговор на общие темы, основная цель которого — провести время с собеседником, оставаясь с ним в вербальном контакте» (там же: 12). Именно наблюдения над жанром *встречи в эфире* в таком понимании послужили источником материала для настоящего исследования. Это телевизионные программы «Открытая Студия» (5 канал петербургского телевидения) и «Нереальная политика» (каналы РЕН ТВ и НТВ). В то же время одной из причин жанровой неоднородности является техническая сторона реализации телепередачи. Так, характеристики жанра *встречи в эфире* зависят, например, от того, в прямом или непрямом эфире проходит встреча. Техническими параметрами организации телепередачи определяются психологические установки на общение среди коммуникантов. Этим обусловлена разница в качественных характеристиках общения, представленного в телепрограммах внутри одного жанра.

Жанры речи, формирующие публичный дискурс в телевизионном формате, представляется возможным сгруппировать, исходя из специфики ситуативной обусловленности взаимодействия участников коммуникации, обусловленной в том числе и техническими особенностями организации общения. В зависимости от соотношения коммуникантов в публичном дискурсе искусственного формата можно выделить два типа общения: 1) взаимонаправленное, включающее двух и более непосредственных собеседников, а также зрителя в роли наблюдателя (такие журналистские жанры как *встреча в эфире*, интервью); 2) однонаправленное, включающее одного непосредственно говорящего и зрителя (такие жанры как новости, репортаж). Соответственно, можно говорить о двух разновидностях

устного публичного дискурса в искусственном формате. Это: 1) межличностный публичный дискурс и 2) массовый публичный дискурс. Дополнительным критерием для выделения этих типов может служить преобладание либо модусного плана, как в межличностном публичном дискурсе, либо диктумного, как в массовом публичном дискурсе. Так, Т.И. Попова, базируясь на этом критерии, считает возможным выделять дискурсы «преимущественно диктумные» и «преимущественно модусные» (Попова 2001: 48). Действительно, при взаимонаправленном общении активизируется интеллектуальная и эмоциональная деятельность зрителей, в то время как при однонаправленном общении их мышление «пластически подстраивается под абсурдную хаотичность информационных вспышек» (Фортунатов 2008: 257).

Таким образом, жанр встречи в эфире, несомненно, относится к сфере межличностного публичного дискурса, основными характеристиками которого мы предлагаем считать следующие:

- жанровую неоднородность, усложнённую технической стороной реализации коммуникации, которая способствует творческому использованию языковых средств коммуникантами, жёстко не ограниченных жанровыми рамками;

- ситуативную и тематическую упорядоченность, упрощающую восприятие прагматических смыслов;

- культурную значимость с точки зрения нормированности использования языковых средств, а также других способов коммуникативного взаимодействия в межличностной ситуации общения.

Исходя из указанных характеристик, можно дать определение межличностному устному публичному дискурсу: межличностный устный публичный дискурс телевизионного формата – это обусловленный техническими параметрами телевизионного общения устный текст, являющийся результатом коммуникации двух и более непосредственных собеседников, взаимодействующих и влияющих друг на друга в различных прагматических

целях, рассчитанный на интеллектуальное и эмоциональное его восприятие и интерпретацию как непосредственными участниками общения, так и зрителями.

Характер прагматических смыслов, а также способы их языкового представления в речи носителей языка предопределяются условиями речевой ситуации общения, в результате чего происходит их категоризация: с одной стороны, как производное от влияния коммуникативных, экстралингвистических, факторов, а с другой – как представление о возможности выражения одинаковых прагматических смыслов разными языковыми способами. Категоризация на основе ситуационных параметров представляется оправданной потому, что «в однотипных и сходных ситуациях говорящие используют однотипные и сходные высказывания», которые «приобретают порой такую устойчивость, что превращаются в стереотипные формулы, близкие к фразеологизмам (формулы приветствия, обращения, вступления в коммуникацию и т.п.)» (Гак 1998: 246).

Представляется, что изучение непрямых способов воздействия на собеседника в различных прагматических целях целесообразно и более чем оправданно именно на материале устного публичного межличностного дискурса в телевизионном формате, поскольку: 1) в виду публичности общения, а также межличности в условиях равноправной дискуссии, в такой коммуникации находят отражение различные дискурсивные факторы, способствующие проявлению непрямых способов воздействия (например, необходимость быть вежливым, невозможность прямого указания на события в виду социокультурной ситуации, желание сохранить лицо или повысить свой статус относительно других собеседников); 2) в виду установки на дискуссионность коммуникации, для собеседников оказывается невозможным уйти от темы разговора, иными словами, собеседники обязаны реагировать на любое воздействие, что оказывается важным в аспекте наблюдения над интерпретацией и способами реагирования на не прямые способы речевого воздействия. Другими словами, такое общение в целевом плане можно свести к общению ради самого общения, в котором огромную роль играет творческое использование языка русской языковой личностью.

Поскольку в такой коммуникации, в виду перечисленных выше характеристик, большой ареал занимает так называемая *непрямая коммуникация* (Yum 1988; Дементьев 2006; Прямая и непрямая коммуникация 2003), то именно устное межличностное общение в телевизионном формате предоставляет особые возможности для изучения непрямых способов воздействия, один из которых, как показали наблюдения над материалом, оказывается широко представленным *намёком*.

Для того чтобы говорить о способах непрямого воздействия в устном публичном дискурсе, необходимо рассмотреть теоретические возможности, с позиций которых возможна квалификация этих способов. На наш взгляд, поскольку *намёк*, как будет показано во второй главе настоящего исследования, нами связывается с понятиями лингвистического контекста, его композиции, то при его описании можно использовать, по крайней мере, две возможности: с позиций теории стилей и средств, его образующих, а также с позиции стратегий и тактик речи. Рассмотрим эти две возможности и обозначим нашу точку зрения.

1.1.3. Способ осуществления *намёка*: возможные подходы к описанию

Первой возможностью описания *намёка*, способной ответить на вопрос о том, какими средствами создаётся единство смысла, формы и функции содержащих *намёк* речевых поступков, является теория стилей.

Основным преимуществом функционально-стилевого подхода в аспекте выявления композиционных особенностей устного текста применительно к задачам настоящего исследования, казалось бы, является учёт цели коммуникативного сообщения: « <...> Само понятие стилистики в основе своей связано с понятием о цели: стилистическое построение стилевое, целесообразное, а следовательно, различные типы этих построений могут различаться по тому, какая цель тому или иному построению предпослана, каково структурное задание каждого такого построения в каждом отдельном случае» (Винокур 1990: 27). При этом понятие цели оказывается тесно связанным с понятием функции, определяемой сферой общения. Понятие стилевой функции в свою очередь в

большинстве исследований предполагается дифференцировать в соответствии с основными функциями языка. Так, Д.Э. Розенталь выделяет разговорный стиль (функция общения), научный и официально-деловой стиль (функция сообщения); публицистический и литературно-художественный (функция воздействия) (Розенталь 2007: 12). Таким образом, понятие *стиль* оказывается перегруженным терминами, не соотносимыми с конкретно разделяемыми понятиями, с помощью которых возможно бы было описание композиционных фрагментов устного текста.

В то же время при стилевом подходе к композиции текста некоторыми исследователями на первый план выдвигалось понятие сферы, так как именно сферой общения обуславливается разнообразие используемых средств. Это привело к разделению понятий *функция языка* и *функция речи*. Так, в типологии Д.Н. Шмелёва понятие *стиль* предлагается сохранить за «теми типами речи, которые в наибольшей степени характеризуются однородной стилистической организацией» (Шмелёв 1977: 75) в составе так называемой «специальной речи», выделяемой автором как функционально обусловленная разновидность литературного языка, закреплённую за сферой использования языка «в строго очерченных тематически рамках» (там же). В ряду таких стилей исследователем указывается научный, официально-деловой и публицистический стиль (с оговоркой на отграничение от последнего газетно-публицистического стиля).

При этом в лингвистических исследованиях последних лет, прежде всего в рамках концепции коммуникативных стилей речи Г.А. Золотовой, убедительно доказывается факт о взаимовлиянии системы языка и речи и невозможности определения существенных грамматических черт отличия композиционных фрагментов текстов с помощью понятий *стиль* и *сфера*. На универсальность используемых языковых средств во всех стилях указывал ещё Р. Якобсон: «При изучении речевой коммуникации необходимо учитывать то обстоятельство, что в любом речевом сообществе и в любом существующем речевом коде отсутствует жесткое единообразие; всякий человек входит одновременно в несколько речевых сообществ разного объёма; он вносит разнообразие в свой код и сочетает в себе

различные коды» (Якобсон 1985: 313). Добавим, что определение *стиля* зависит и от избираемой концепции состава национального языка (Земская, Китайгородская, Ширяев 1981; Лаптева 2013). Так, в рамках концепции Е.А. Земской, рассматриваемый нами тип устного межличностного дискурса, текста, принадлежит к строго кодифицированной книжно-письменной разновидности литературного языка и реализуется в публицистическом стиле в устной форме (Земская, Китайгородская, Ширяев 1981). Таким образом, оказывается, что концепция Е.А. Земской не учитывает некоторых её признаков (в рассматриваемом случае): не строгая кодифицированность, непосредственность общения и установка на неофициальные отношения, а также частичная, не полная, подготовленность. Последние три характеристики исследователь выделяет как раз для противоположной функционально-стилевой разновидности литературного языка, – разговорного языка, в котором не находится места для публичной речи. В свою очередь О.А. Лаптева исходит из идеи взаимного проецирования двух основных сфер: сферы письменной речи и сферы устной речи (Лаптева 2013: 99), при этом понятие *стиль* применяется только по отношению к письменно-литературной форме существования языка канцелярско-деловой, научный, публицистический, а также художественно-беллетристическая речь в виду присущих ей элементам разговорности. В рамках концепции О.А. Лаптевой, рассматриваемый нами вид текста оказывается принадлежностью устно-разговорной разновидности современного русского литературного языка и входит в сферу устной речи (Лаптева 2013: 100). Таким образом, поскольку мы обратились к концепциям национального языка, следует признать, что концепция О.А. Лаптевой адекватнее отражает реальное состояние и функционирование национального языка. Тем не менее, при различных подходах к определению состава национального языка, а также при невозможности учёта всех возможных сфер и набора ситуаций, неопределённости понятий *цель* и *функция*, представляется, что отнесение рассматриваемого нами типа дискурса к тому или иному стилю окажется искусственным.

Другим подходом к описанию *намёка* в устном межличностном дискурсе является когнитивный подход к этому явлению: с позиции теории стратегии и тактики речи. Так, стратегия и тактика речи определяются мотивом (Иссерс 2008). Применительно к рассматриваемому типу общения, а именно, межличностному, некоторыми исследователями выделяются два ведущих мотива: «сохранить лицо» и «сохранить свою территорию» (Brown, Levinson 1987). Как показали О.С. Иссерс и Н.А. Кузьмина, такие мотивы реализуются в стратегиях самопрезентации и антиэтикетных тактиках (Иссерс 1996; Иссерс, Кузьмина 1997). В то же время, межличностное общение очень разнообразно и зависит как от жанра общения и ситуации, так и других экстралингвистических факторов. От совокупности всех факторов зависит и набор применяемых стратегий и тактик речи. Представляется, что именно такой подход к описанию способов непрямого воздействия наиболее уместен при исследовании межличностного типа дискурса. Понятия стратегии и тактики речи также позволяют рассматривать средства воздействия в их совокупности, соответственно выражению конкретной цели. Таким образом, коммуникативно-прагматический подход оказывается тесно связан с функциональным подходом, привлечение которого необходимо при описании такого сложного феномена устной коммуникации как *намёк*.

1.2. *Намёк* как объект функционального анализа в прагматическом исследовании

Основными вопросами при исследовании *намёка* на материале устной речи являются вопросы о единице его функционирования (высказывании), модальности как категории, обуславливающей проявление *намёка* в межличностном общении, а также перформативности высказывания. В связи с этим представляется необходимым рассмотреть подходы к определению высказывания, вопрос о составе категории модальности, а также перформативности как черте, присущей высказыванию.

1.2.1. Высказывание как единица функционирования речи

Как известно, высказывание, в отличие от предложения, связано с коммуникативной ситуацией, в то время как предложение принято считать единицей грамматики. При этом в Русской Грамматике 1980-го года высказывание считается интонационно оформленной единицей, служащей для сообщения некоторой информации в ситуации и не имеющей никакого специального грамматического оформления, которое всегда имеет предложение, построенное по определённой структурной схеме (РГ 1980, Том 2: 7). Применительно к цели настоящего исследования наиболее подходящим определением высказывания представляется определение высказывания, сформулированное Е.В. Падучевой, которая рассматривает высказывание как «обозначение для речевого произведения, созданного в ходе речевого акта и рассматриваемого в контексте этого речевого акта» (Падучева 2004: 29). Таким образом, можно сказать, что в настоящей работе принимается широкая точка зрения на высказывание. Е.В. Падучевой были также сформулированы основные отличия высказывания от предложения. Так, предложение, по мнению исследователя, имеет иллокутивное предназначение, и говорящий использует предложение для построения высказывания с определённой иллокутивной функцией; смыслом предложения является «пропозициональная форма», в то время как смыслом высказывания – «замкнутая» пропозиция, в которой «прагматические переменные» присваивают себе конкретные значения; предложение содержит «конкретно-референтные предметные термы», которые в высказывании вступают в референциальные отношения с «индивидуализированными объектами из общего поля зрения или фонда знаний участников речевого акта»; «аналогично, пропозиции, выражаемые в предложении, вступают в соотнесение с ситуациями, событиями, фактами реального мира» (Падучева 2004: 38-39). Соотнесение высказывания с реальной действительностью обеспечивается за счёт категории предикативности: «отличительные качества высказывания связаны с характером обозначаемого (ситуации): предикативность – отличительное свойство высказывания – есть

показатель соотнесенности его с ситуацией, и, естественно, обладать ею может только высказывание – единица, референтом которой является не абстрагированный элемент ситуации (как у слова), а сама ситуация» (Гак 1998: 247). И далее: «референтом высказывания является ситуация, то есть совокупность элементов, присутствующих в сознании говорящего в объективной действительности в момент «сказывания» и обуславливающих в определенной мере отбор языковых элементов при формировании самого высказывания» (Гак 1998: 251). При этом отметим, что отбор языковых средств проявляется на уровне коммуникативной структуры высказывания, интонационного оформления фрагментов устного текста, а также композиционного строения этих фрагментов (поясним, что в виду цели и задач настоящего исследования необходимо решить вопрос и об объёме высказывания, что делается нами во второй главе предлагаемого исследования: см. *ГЛАВА 2. П. 2.1.5. Высказывание как единица функционирования намёка: принципы выделения*).

Уточняя понятие предикативности относительно задач настоящего исследования, можно сказать, что предикативность – это признак, приписываемый высказыванию говорящим субъектом, в намерения которого входит отразить ситуацию в высказывании таким способом, который наиболее точно бы способствовал достижению иллокутивных целей, или интенций говорящего. В дальнейшем, описывая соответствующую референтную ситуацию, мы будем исходить из понимания ситуации именно как «совокупности элементов, присутствующих в сознании говорящего» (Гак 1998: 251), а именно его представлении об обсуждаемых объектах действительности, а также целях, к достижению которых он стремится. Иными словами, способ представления референтной ситуации в высказывании одновременно способствует выражению интенций говорящего.

Описание такого рода ситуаций возможно лишь через призму категории модальности, направленной, по выражению исследователя Е.В. Клобукова, «на фиксацию компонентов коммуникативного акта» (Клобуков 2001: 40),

важнейшим из которых как раз и следует признать выражение иллокутивных целей.

1.2.2. Категория модальности и вопрос о её объёме

Модальность является обязательной категорией предложения (Гак 1998; Теория Функциональной Грамматики. Темпоральность. Модальность 1990; Русская Грамматика 1980, Том 2; Шведова 2003; Зайнуллин 1986). Тем не менее, объём этой категории, набор модальных значений в лингвистической науке до сих пор не установлен. Так, В.В. Виноградов широко понимал категорию модальности и включал в её объём как различные по цели высказывания типы предложений, так и выражение эмоционального отношения говорящего субъекта к обозначаемой в высказывании действительности, обращая при этом внимание на интонационное оформление высказывания: «Любое целостное выражение мысли, чувства, побуждения облекается в одну из существующих интонационных схем предложения и выражает одно из тех синтаксических значений, которые в своей совокупности образуют категорию модальности» (Виноградов 1975: 55-56). В «Русской Грамматике» 1980-го года издания выделяются два основных вида модальных значений: 1) объективно-модальные значения, то есть «заклученные в замкнутой системе абстрактных синтаксических категорий значения отношения сообщаемого к действительности, т.е. значения реальности (синтаксический индикатив: синтаксические настоящее, прошедшее и будущее времена) и ирреальности (синтаксические ирреальные наклонения: сослагательное, условное, желательное, побудительное, долженствовательное)»; 2) субъективно-модальные значения как «значения отношения говорящего к сообщаемому» (РГ 1980: 214-215). Нужно отметить, что точка зрения о существовании двух видов модальности, объективной и субъективной, разделяется не всеми исследователями этой категории. Против обособления субъективной модальности как самостоятельной категории выступают, в частности, Л.М. Васильев и М.В. Зайнуллин: «все отношения, выражаемые категорией модальности, являются объективными, ибо они, как и все другие отношения действительности,

познанные человеком, обобщены в речевой практике, объективированы в языке» (Васильев 1973: 55-56); «невозможно согласиться с мнениями о том, что субъективная, или лексическая, модальность может быть более субъективной по сравнению с объективной модальностью, ибо модальное значение предложения обуславливается объективным положением говорящего лица» (Зайнуллин 1986: 14). Такая точка зрения действительно имеет право на существование, поскольку речь, в любой своей форме, письменной и устной, является вербализованным продуктом осмысления действительности человеком и всегда обусловлена внутренним мотивом. Но значения субъективной модальности реализуются не только с помощью лексических единиц, но также и интонационными средствами, синтаксическими конструкциями, словопорядком, сочетаниями знаменательных слов с частицами, междометиями и многими другими средствами (РГ 1980: 214). Таким образом, следует признать, что субъективная модальность располагает различными разноуровневыми средствами для выражения своих значений, что уже свидетельствует о её обособленности, и всего лишь может быть выражена в высказывании наряду с объективной модальностью, либо отсутствовать, поскольку «говорящий может никак не выражать своего отношения к сообщению» (РГ 1980: 214).

В аспекте изучения *намёка* особенно важную роль играют показатели субъективной модальности, поскольку зачастую, как уже было нами отмечено, именно посредством выражения субъективного отношения говорящего к сообщаемому или собеседнику удается реализовать *намёк*. Таким образом, можно предположить, что функционирование *намёка* происходит в тесной связи с категорией модальности, показатели которой должны находить место в контексте *намёка*. Такое предположение является совершенно естественным, поскольку для того, чтобы оказывать воздействие на взгляды и поведение адресата, необходимо прежде всего выразить своё отношение к обсуждаемым объектам мира, ситуации: «модальность отражается как явление своеобразного отталкивания от грамматических закономерностей, составляющих типологическую основу конкретного языка», «если грамматические средства, определяющие

типологическую природу языка, используются для организации нейтрально-информационной основы высказывания, то вторжение субъективно-оценочного элемента оформляется в виде отклонения от этой основы» (Ляпон 1971: 231). Отметим, что в рамках субъективно-модальных значений, вслед за традиционной точкой зрения, изложенной в Русской Грамматике 1980-го года, будут пониматься *оценочно-характеризующие* и *собственно-оценочные значения* (РГ 1980: 215), наличие которых делает возможным реализацию как основной цели высказывания, так и сопровождающих ее реализацию импликаций, или коннотаций высказывания: *коннотация* – это «I. (добавочное значение, окраска, окрашенность). Дополнительное содержание слова (или выражения), его сопутствующие семантические или стилистические оттенки, которые накладываются на его основное значение, служат для выражения разного рода экспрессивно-эмоционально-оценочных обертонов и могут придавать высказыванию торжественность, игривость, непринуждённость, фамильярность и т.п.» (Ахманова 1966: 203-204). Отметим, что отдельные показатели модальности при определенных условиях использования, особенной интонации, как было продемонстрировано Ю.Д. Апресяном на примере некоторых грамматических групп слов (Апресян 1986: 209-210; Апресян 1995: 200-203), совмещают своё значение со значением перформативности. В таких случаях, как мы считаем, показатели модальности принимают на себя роль маркеров *намёка*.

Поскольку перформативность в настоящем исследовании понимается как основная черта, присущая высказыванию, с помощью которого реализуется *намёк*, представляется необходимым раскрыть это понятие, а также установить способ выявления перформативного смысла таких высказываний.

1.2.3. Перформативность как характеристика высказывания

Согласно современной интерпретации, перформатив – это «высказывание, эквивалентное действию, поступку» (Арутюнова 1998-б: 372). «Перформатив входит в контекст жизненных событий, создавая социальную, коммуникативную или межличностную ситуацию, влекущую за собой определенные последствия

напр., объявления войны, декларации, завещания, клятвы, присяги, извинения, административные и военные приказы и т.п.)» (там же). В то же время существуют различные точки зрения на то, что считать перформативом (Остин 1986; Остин 2004; Бенвенист 1974; Дейвисон 1986; Клюканов 1987; Почепцов 1980; Sadock 1974; Searle 1989; Апресян 1986; Апресян 1995). Классическая интерпретация принадлежит Дж. Остину, который относит к перформативам высказывания, которые нельзя, в противоположность констативным высказываниям, охарактеризовать как истинные или ложные. Согласно Дж. Остину, перформативные высказывания сами по себе являются действиями и направлены на преобразование положения дел в мире и изменение ментального состояния слушающего, а также его поведения. При этом высказывания представляют собой единицы, равновеликие предложению, которые соответствуют формуле: I^{verb} Perform., 1st Pers., Pres. Indef., Indicat., Active *you* *p*. Согласно формуле, в перформативном высказывании присутствует местоимение *Я* и перформативный глагол в настоящем времени изъявительного наклонения действительного залога, после чего располагается пропозициональная часть, указывающая на желаемое, предполагаемое или уже существующее положение дел. При этом Дж. Остин допускает различное заполнение позиций в приведённой формуле. Так, вся пропозициональная или же перформативная часть могут оказаться опущенными, выраженными имплицитно. Дж. Остин также допускает, что субъектом перформативного действия может быть как конкретное говорящее лицо, так и административный орган власти. Индикаторами перформатива могут служить модальные слова, тон, жестикауляция, а также сами обстоятельства этого высказывания. Позже в работе «Перформативы-Констативы» (Остин 2004) Дж. Остин выдвигает предположение, что перформативные и констативные высказывания трудно различимы друг от друга и что в общей теории речевых актов такое различие может быть снято.

Более определённую границу между констативами и перформативами провёл Э. Бенвенист (Бенвенист 1974), исключив из перформативных высказываний все императивные конструкции, а также глаголы, именуемые

действия просьбы, совета, приказа и некоторые другие. Однозначно к перформативам Э. Бенвенист относит только высказывания, осуществлённые лицом, обладающим властными функциями.

В свою очередь Дж. Р. Сёрль не выдвигал понятия перформативных высказываний, но признавал перформативную функцию только за эксплицитными перформативами, содержащими имена типов речевых актов. В классификации Дж. Р. Сёрля такие высказывания считаются декларациями, индикатором которых служит перформативная рамка.

Нужно отметить, что во всех вышеперечисленных классификациях рассматривались только утвердительные по форме и оторванные от контекста высказывания, равновеликие предложению. Согласно гипотезе Дж. Росса (Ross 1970), перформативными могут быть любые по цели высказывания, а перформативные глаголы вскрываются на уровне глубинной структуры предложения. В этой концепции любое высказывание с иллокутивным глаголом считается перформативным.

В то же время существует точка зрения, согласно которой перформативность признаётся свойством не высказывания, а лишь отдельного глагола. Так, Ю.Д. Апресян понимает под свойством перформативности способность глагола в форме «первого лица единственного числа настоящего времени (несовершенного вида) активного залога индикатива» использоваться «равносильно однократному выполнению обозначаемого этим глаголом действия» (Апресян 1986: 208; Апресян 1995: 201).

Наблюдения над материалом настоящего исследования показывают, что перформативность является основной чертой высказываний, содержащих *намёк*, о чём более подробно будет сказано во второй главе настоящего исследования. Таким образом, мы принимаем широкую точку зрения на явление перформативности как характеристике высказывания.

Выводы

Исследование феномена *намёк* на материале устного межличностного общения возможно при сочетании коммуникативно-прагматического и функционального подхода к его изучению, поскольку только в этом случае становится возможным вскрыть системные признаки этого феномена в межличностном общении: мотивы говорящего, обусловленные коммуникативной ситуацией общения, а также выявить способы его осуществления.

В лингвистических исследованиях указывались такие признаки *намёка* как его *обоснованность* мотивом говорящего, *нетривиальность*, *интенциональность*, *вербальность*, *косвенность* и *выводимость*. В то же время, по другим данным, *намёк* квалифицировался как истинный, сложно декодируемый слушающим, непонимание которого не ведёт к сбою в коммуникации, и регулярный, понимание которого необходимо для успешного протекания коммуникации.

Намёк представляет собой сложный когнитивный феномен, который в плане содержания и выражения оказывается по-разному представлен в разных типах дискурса. Для того чтобы провести лингвистическое описание *намёка*, необходимо определить содержание, которое передаётся с его помощью. Определение содержания *намёка* возможно только с учётом специфики его функционирования в коммуникативной ситуации.

В то же время *намёк* по-разному соотносится исследователями с такими понятиями, как *аллюзия*, *ирония*, *двусмысленность*, *косвенный речевой акт*, в связи с чем представляется необходимым разведение или соположение этих понятий на исследуемом материале.

Намёк в устном межличностном публичном общении не являлся предметом исследования. В то же время изучение непрямых способов воздействия на собеседника на материале межличностного дискурса в телевизионном формате представляется интересным в виду ряда причин: 1) этот формат, с одной стороны, представляет социальную норму использования языковых средств, а с другой стороны оказывает огромное влияние на становление нормы языковой; 2) в этом формате возможно наблюдение ситуации общения с преобладанием модусного

плана, а именно ситуации, сочетающей черты жанров дискуссии и беседы; 3) в телевизионном формате возможно выявление специальных дискурсивных факторов, способствующих проявлению не прямых способов воздействия на собеседника, а также определяющих его семантику и детерминирующих выбор способов осуществления *намёка*; 4) выявление интенций, осуществляемых с помощью *намёка*, а также способов их осуществления, представляется интересным в аспекте специфики национально-культурного поведения.

Описание способов осуществления *намёка* представляется целесообразным с использованием понятий стратегии и тактики речи, поскольку при таком подходе возможно определение мотивов говорящего, прибегающего к *намёку*, а также средств воздействия в их совокупности соответственно выражаемой цели.

При описании феномена *намёк* необходимо прежде всего определить единицу его функционирования, а именно выделить принципы, соответственно которым возможно вычленение единицы речи, высказывания, содержащего *намёк*.

Функционирование *намёка* в межличностном дискурсе обеспечивается за счёт проявления категории модальности, в составе которой различаются две области: объективная и субъективная модальность.

Перформативность является основной чертой высказываний, содержащих *намёк*.

Определению *намёка* на базе изложенных теоретических положений, а также его анализу на материале устного межличностного дискурса в аспекте интенциональной семантики и способов осуществления *намёка*, посвящена вторая глава настоящего диссертационного исследования.

ГЛАВА 2. ВЫРАЖЕНИЕ *НАМЁКА* В РАЗЛИЧНЫХ ПРАГМАТИЧЕСКИХ ЦЕЛЯХ

2.1. *Намёк* как речевая форма осуществления речевых действий

Намёк представляет собой прежде всего категорию обыденного сознания, в которой отразилось представление об осуществлении говорящим каких-либо действий, прежде всего, речевых, непрямым способом. Об этом свидетельствуют словарные определения слова *намёк* и *намекать*. Так, по определению словарей, *намёк* – это «слово, выражение, в котором не полностью высказывается мысль, но дается возможность догадаться о том, что имеет в виду говорящий, пишущий» (БАС: 326), а *намекать* – «говорить намёками о ком-, чем-нибудь; намёками наводить на что-либо» (там же: 327); «говорить а также поступать, рассчитывая на догадку собеседника» (РСС, Том IV: 533); «делать намёки, давать знать (почувствовать), показывать; говорить намёками, издалека, иносказательно, загадочно, непрямо, обиновать; подразумевать. Инсинуировать, запускать шпильки» (СРС: 233). Как видно из приведенных дифиниций глагола *намекать*, в определениях этого понятия отражается, прежде всего, динамический аспект действия: *намекать* – значит, прежде всего, *говорить намёками*, а также производить неречевые действия – поступать. Статический аспект отражен в дифиниции *намёка*, который понимается как результат речевого действия *намекания*.

Представляется, что для полноты описания *намёка* как лингвистического явления на материале устного русского межличностного дискурса, необходимо, прежде всего, категоризовать *намёк* и сгруппировать типы *намёка* относительно выражаемым посредством *намёка* «интенциональным смыслом» (Формановская 1986: 20), – то есть прагматической семантики. При таком подходе к исследованию феномена *намёка* оказывается возможным определение мотивов, характерных для данного общения, факторов, являющихся стимулом проявления *намёка*, характерных для того или иного типа общения, целей употребления *намёка* в соотношении с языковыми способами его реализации. Пользуясь выражением А.Б. Успенского, можно сказать, что лишь учитывая «смысловое

задание» (Успенский 2007: 102) *намёка*, можно дать лингвистическое определение этому явлению.

2.1.1. Намёк в русском устном межличностном дискурсе: определение понятия

В рассматриваемом типе устного русского межличностного дискурса дискуссионного характера, как показал наш материал, содержание *намёка* составляют интенции говорящего, которые должны быть распознаны собеседником. Как отметила Н.И. Формановская, «речевая интенция имеет структурообразующее влияние двойкой силы: с одной стороны, это своеобразный психический денотат соответствующей лексемы: *обещать, утверждать, удостоверять, рекомендовать, отрицать, соглашаться, отказываться(ся)*», а «с другой стороны, это мотивирующая и целевая установка воздействовать на адресата и взаимодействовать с ним с помощью интенции, равной пропозиции перформативного высказывания» (Формановская 2007: 76).

Материал настоящего исследования показал, что такими интенциями-целями в воздействии на собеседника являются *указание, осуждение, убеждение, возражение, согласие* и *просьба*, осуществление которых достигается при помощи соответствующих речевых действий непрямым способом, то есть *в форме намёка*.

Поскольку в настоящем исследовании речь пойдёт о выражении речевых действий в форме *намёка*, выскажем предположение, что необходимость и уместность осуществления таких действий входит в «частично-апперцепционную базу» (Земская, Китайгородская, Ширяев 1981: 194-196) как «фоновые знания, которые объединяют только какой-то микроколлектив носителей языка семья, сослуживцы и пр.» (там же) и обусловлены мотивами, «предполагающими/запрещающими определенные высказывания в той или иной ситуации» (Шмелева 1988: 180)». Определение мотивов является необходимым при изучении функционирования *намёка* в устном межличностном дискурсе: поскольку мотивы коренятся в «правилах и обычаях общения, привычках и манерах реальных участников общения» (там же), только в случае их определения

возможно говорить о специфике коммуникативного поведения. Иными словами, можно сказать, что выражение речевых действий в форме *намёка* оказывается «социально маркированным» (Крысин 2002: 340-344). При этом уточним, что под фоновыми знаниями в настоящей работе мы будем понимать «обоюдное знание участниками коммуникативного акта реалий материальной жизни, ситуативных и коннотативных реалий, стоящих за обозначающими их языковыми знаками, необходимое для адекватной и полной интерпретации порождаемых высказываний» (ССТ 2006: 234). Таким образом, как видно из определения, понятие *фоновых знаний* совпадает с понятием *прагматических пресуппозиций* (Арутюнова 1973: 89). Так, в это понятие включается, например, и знание об обсуждаемых фреймах как «стереотипных денотативных пространствах» (Шмелев 2002: 225). Оговоримся, что в дальнейшем мы не будем проводить границ между этими понятиями и будем использовать их как синонимы.

Таким образом, сформулируем предварительное определение *намёка*, которое будет использоваться в настоящем исследовании: *намёк* – это форма осуществления речевых действий, предполагающая передачу интенциональных смыслов от говорящего к слушающему с расчётом на их извлечение последним в виде импликаций.

В связи с приведённым выше предварительным определением *намёка* представляется необходимым обозначить нашу точку зрения на явление имплицитности.

Следует отметить, что неявные способы выражения различных смыслов являлись предметом лингвистического анализа и неоднократно описывались в понятиях *подтекста* и *имплицитности* (Арнольд 1999; Брудный 1976; Вольперт 1987; Долинин 1983; Долинин 2010; Ермакова 2010; Краже 1987; Масленникова 1985; Пушкарева 2012; Ширяев 2001). В настоящем исследовании, отдавая предпочтение термину имплицитность, мы не проводим принципиальной границы между этими двумя терминами. В свою очередь сам термин имплицитность может иметь как узкое, так и широкое понимание (Балли 1955; Шендельс 1977: 109-120; Имплицитность в языке и речи 1999). При узком

понимании имплицитность относится только к грамматическим явлениям единиц языка, при широком понимании под имплицитными понимают такие явления, как коннотации, подтекст, эллипс, нулевые способы выражения языковых значений, фоновые знания. Так, К.А. Долинин выделяет две разновидности подтекста: «подтекст референциальный, относящийся к номинативному (референциальному) содержанию высказывания, отражающему ту или иную референтную ситуацию, и подтекст коммуникативный, входящий в коммуникативное содержание высказывания, которое соотносится с самим актом коммуникации и его участниками» (Долинин 1983: 38). В настоящем исследовании в виду поставленной цели представляется целесообразным понимать имплицитность как свойство всего высказывания, то есть рассматривать его широко. В таком случае под имплицитным содержанием высказывания предлагается понимать все субъективно-модальные значения, которые могут быть связаны с эмоциями и экспрессией, а также оценкой и волей говорящего (такой точки зрения придерживается, например, И.Л. Муханов: см. в (Муханов 1999: 88)). Применительно к материалу настоящего исследования, можно сказать, что с основные интенции говорящего связаны с его волей (*намёк на ...*), а остальные смыслы имеют сопроводительный характер (что, например, показал в своей работе М.Ю. Федосюк в отношении эмоциональной функции интерперсональных тактик (Федосюк 1997)). Такое понимание имплицитности применительно к высказыванию ведёт к пониманию того, что имплицитное содержание передаётся так или иначе с помощью эксплицитных средств и извлекаются слушающим в виде «семантических элементов, не выраженных явно, но вытекающих из эксплицитно выраженных средств» (Бондарко 1978: 105-106). Таким образом, представляется, что для исследования *намёка* необходимо учитывать не только речевой контекст, или условия коммуникации, но, прежде всего, референциальный план высказывания. Как справедливо было отмечено В.З. Демьянковым, учёт референциального аспекта высказывания необходим, поскольку «предпосылкой для существования подтекста является наличие некоторого текста: подтекста без текста не бывает» (Демьянков 2011: 11). Таким

образом, подразумеваемый компонент, или вывод, который должен сделать слушающий в процессе восприятия осуществляемых непрямым способом речевых действий, должен находить выражение в пропозиции высказывания. Таким образом, можно сказать, что распознавание интенциональных смыслов входит в сигнификативное значение высказывания, содержащего *намёк*: «Любая ситуация активно перерабатывается в сознании человека под определённым углом зрения таким образом, что какие-то элементы ситуации выдвигаются на первый план, акцентируются, сообщение получает модальную окраску, интенциональный смысл, временные параметры; сообщение осмысливается в отношении причинно-следственных связей и возможных других логических связей и др. Будем считать это сигнификативным значением» (Шендельс 1977: 114).

В то же время *намёк* может быть ироничным, шутливым, злым, мягким, явным, прозрачным, и даже критическим, что свидетельствует о широком спектре передаваемых *намёком* субъективных значений, о которых уже было сказано и которые должны находить место в контекстах *намёка*. Это свойство *намёка* отразилось в следующих контекстах: *Эта цепочка событий позволяет взглянуть на «Героя» еще и как на ироничный намёк Чжана Имоу разъехавшимся по миру гонконгским коллегам: полет и свобода в прошлом, вечен только единый и могучий Китай.* [НКРЯ: Анжелика Артюх. Император и герой (2003) // «Искусство кино», 2003.06.30]; *Двойственность нашей жизни, сосуществование в нас двух линий — скрытой и открытой — делает нас объемными, глубокими, интересными. Мы играем намёками, анекдотами, мы умеем шутить так, как и не снилось никаким другим народам, мы упиваемся щедринскими аллегориями и пафосно обличаем их, как «рабский язык», мы пьем водку и каемся, что «погрязли», мы кидаем друг другу в лицо обличительные ядовитые слова, да мало ли что еще! И все это потерять? Да никогда! Ходить на выборы с серьезным намерением обеспечить себе приемлемое управление?* [НКРЯ: Евгений Сабуров. Постлитературоцентричная общественная жизнь (2003) // «Неприкосновенный запас», 2003.09.12]; *Десять лет назад, на конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Цветаевой в Нориче, штат Вермонт, я пытался убедить А. А.*

Саакянц и покойного Л. К. Долгополова, что это стихи Шиллера, но безуспешно: они по-прежнему приписываются Белому и в новейших изданиях. Еще хуже обстоит дело с поэтическими аллюзиями, критическими намёками, откликами, заимствованиями и другими видами литературного подтекста. Когда, например, в статье «Поэт и время», вошедшей в сборник «Об искусстве», Цветаева, комментируя строки Гумилева «Я вежлив с жизнью современною, / Но между нами есть преграда», относит его слова «к тем, кто локтями и гудками мешали ему думать, к времени шумам, а не к тем, кто совместно с ним творил тишину своего времени, о которой так чудесно <писал> Пастернак», то необходимо указать, что она намёкает на «Шум времени» Мандельштама, книгу, которую она в свое время «рвала в клоки» по ряду причин — идеологических, литературных и личных. [НКРЯ: Омри Ронен. «Молвь» // «Звезда», (2001)]. В этом отношении, как нам представляется, целесообразно рассматривать дополнительно возникающие, способствующие реализации основной цели говорящего смыслы как дополнительные импликации. Такими импликациями могут быть ироничное, пренебрежительное, или же подчеркнуто вежливое отношение говорящего к собеседнику, или же другие виды отношения говорящего к сообщаемому. В подобном ключе явление имплицитности рассматривает Е.В. Ермакова, которая в терминах подтекст и имплицитность различает сознательно заложенный в тексте конечный интенциональный смысл и основу для выводного смысла (Ермакова 2010-а; Ермакова 2010-б).

Огромную роль при передаче смыслов имплицитным способом играют различные показатели иллокутивной силы, просодические характеристики высказывания. Всё это позволяет сделать вывод о том, что при исследовании *намёка* невозможно не учитывать широкий лингвистический контекст его функционирования. Пользуясь терминами психолингвистики, можно сказать, что *намёк* является результатом «речемыслительного действия» (термин Залевской: (Залевская 2005: 38)) *намекания*, отражающим реализацию некоторой смысловой программы в определённых целях и «переход от смыслового кода к внешнеречевому коду, выбор слов и правил комбинирования слов» (Залевская

2005: 38-39), что находит отражение в структуре контекста, который представляет собой «грамматически организованное единство, в котором реализуется семантика единиц всех уровней» (Колшанский 1980: 47) и «реальный языковой статус вербального общения людей, без которого немислима однозначная коммуникация как предпосылка прагматического эффекта словесного высказывания» (Колшанский 1980: 22). При этом, учитывая тот факт, что речевая коммуникация «воспроизводит в своей сущности, содержании, структуре и динамике некоторые черты, регулярно повторяющиеся» (Сидоров 2009: 11), можно предположить наличие общих характеристик таких контекстов в аспекте выражения одинаковых интенциональных смыслов. Этим объясняется и вхождение в контексты *намёка* различного рода «речевых стереотипов» (термин Т.М. Николаевой (Николаева 2000: 114)). При этом речевой стереотип представляет собой «отрезок высказывания (или целое высказывание), включенное в контекст, представленный «свободными» компонентами высказывания (высказываниями)» (там же: 114). В связи с этим представляется необходимым уточнить подход к явлениям клишированности речи и указать на то, что клишированными могут быть не столько отдельные фрагменты высказывания, или «свободные компоненты», но и синтаксические построения. На необходимость рассматривать грамматические особенности построения текстовых фрагментов, которые служат реализации определенных коммуникативных намерений, указывает, как известно, Г.А. Золотова (Золотова 1996; Золотова, Онипенко, Сидорова 2004). Как показал наш материал, к особенностям контекста в том числе относится их композиционное строение: например, если *намёк* реализуется через метафору и в то же время в контексте присутствует расшифровка *намёка*, то подлинным *намёком* такой контекст можно считать, если метафора предшествует этой расшифровке, но не наоборот.

Представляется, что изложенный нами подход к исследованию *намёка* в русском устном межличностном дискурсе предоставляет возможность выявления функционально согласованных средств в их взаимодействии и определить наиболее типичные контексты представления для одного типа *намёка*.

Оговоримся, что контекст трактуется нами в лингвистическом понимании этого термина: как способ установления однозначного значения функционально-согласованного языкового комплекса для выражения одного значения и устранения омонимии в рамках одного высказывания (ср. понятие о стилистическом контексте (Арнольд 1974: 75), при котором единице языка удаётся реализовывать сразу несколько своих значений).

Учитывая всё сказанное, сформулируем окончательное определение *намёка*: *намёк* – это форма осуществления речевых действий, предполагающая передачу интенциональных смыслов от говорящего к слушающему с расчётом на их извлечение последним в виде импликаций, представляющая собой контекст разной протяжённости, в котором могут быть выделены типичные лексико-грамматические, просодические и композиционные черты.

В то же время, как уже было продемонстрировано нами на контекстах художественной литературы, *намёк* может выражаться не только словесно. Как уже было сказано, нельзя забывать о том, что «общение не стоит представлять себе только в виде последовательности речевых и текстовых актов <...>. В определённых обстоятельствах такой акт может быть заменен использованием элементов других семиотических и несيميотических систем – паралингвистических, силенциальных, рисуночных, акциональных и пр., которые обладают необходимым коммуникативным потенциалом» (Богданов 2007: 204). Так, пользуясь выражением А.Н. Баранова, повторимся, что выступать в качестве «носителя намёка» может и мимика говорящего, а также просодические особенности речи говорящего, подчас являющиеся единственным маркером наличия *намёка* в словах говорящего: *С окружающими его он все время был в каких-то сложных отношениях, с кем-то ссорился, мирился, соперничал. Часто это выражалось не впрямую, а намёками, многозначительным подъемом бровей, поджиманием губ. Этот питерско-провинциальный стиль «многозначительного умолчания» был довольно моден одно время в ленинградских околосредствительных компаниях и даже считался признаком хорошего тона. [НКРЯ: Александр Городницкий. «И жить еще надежде» (2001)]; *Подойдя к трибуне, он положил**

*руку на ее боковину и бросил взгляд на те лица, что внимательно смотрели на него из-за стола президиума. Внимательно и безучастно. Только у одного в глазах был небольшой намёк на теплоту; у Мазурова. [НКРЯ: Василий Аксенов. Таинственная страсть (2007)]; *И чувствует, что она вся дрожит. Наконец! Наконец! Как нищий, ловит она намёк на нежность в его голосе. Или это опять одна любезность? Она ждет, чтоб он прижал к себе ее локоть. Нет.* [НКРЯ: А. Н. Вербицкая. Ключи счастья (1909)].*

Указанные особенности *намёка*, подмеченные обыденным сознанием, дают основание полагать, что *намёк* чаще всего реализуется в контексте, что в его формировании принимают участие не только вербальные, но и невербальные средства, такие как мимика, жесты и особенности интонации. В этом отношении отметим, что элементы невербальной коммуникации будут отражаться нами в том случае, когда они либо однозначно входят в контекст *намёка*, либо проявляются в реакции адресата, свидетельствующей о наличии *намёка* в предыдущем тексте. Иными словами, жесты и мимика будут указываться нами в тех случаях, когда они либо участвуют в построении самого контекста *намёка*, либо являются следствием «иллокутивного вынуждения» в диалоге (Баранов, Крейдлин 1992). Таким образом, необходимо отметить, что в аспекте интерпретации *намёка* слушающим представляется целесообразным учитывать и реакцию собеседника. Так, с одной стороны, по замечанию Е.В. Падучевой, «довольно трудно провести границу между собственно речевым (коммуникативным) намерением говорящего, которое собеседник в соответствии с принципом кооперации обязан вычислить, и неречевым, при вычислении которого возможны самые разнообразные ошибки» (Падучева 1982: 308-309). В то же время, согласно наблюдениям других исследователей, «анализируя реакцию людей на этот текст, мы можем констатировать некоторые привходящие элементы интерпретации, которые в речи не названы явно, но которые исподволь навязываются интерпретатору в силу интерпретативных конвенций в данном обществе» (Демьянков 2011: 11). Иными словами, ответные реакции собеседников предлагается учитывать в том случае, если они являются маркерами наличия *намёка*, то есть в качестве

дополнительного средства, указывающего на тот или иной способ интерпретации воспринимаемого слушающим смысла. Такие маркеры мы будем называть *реактивными маркерами*, к которым относятся: речевые реакции слушающего; различные мимические и просодические характеристики, – например, молчание, в том в случае, когда оно противопоставляется не говорению, а «передаче информации речевым способом» (Крейдлин 2002: 74).

Обозначим признаки *намёка*, характерные для его функционирования в русском устном межличностном дискурсе. Отметим, что в понимании сущности *намёка* мы согласны с А.Н. Барановым, который считает *догадку* основным признаком этого феномена (Баранов 2007). Это свойство *намёка* фиксируется бытовым сознанием в представлении о *намёке* как о двусмысленном и однозначном (демонстрирующие это свойство *намёка* текстовые фрагменты выделены полужирным шрифтом): *Мало того, «в пропагандистской предвыборной работе, — пишут они в своем обращении, — основной упор следует делать на патриотическую составляющую, так как с патриотами власть бороться практически не может». Это уже совершенно недвусмысленный намёк на то, что на коммунистические лозунги спрос нынче невелик.* [НКРЯ: Анатолий Костюков. Патриоты тянут коммунистов в блок // «Независимая газета», (2003)]. В то же время *намёк* может быть осуществлен говорящим сознательно или несознательно. Сложность интерпретации *намёка* в таком случае хорошо иллюстрируется следующим контекстом: *Гамлет показывал в аллегорической форме убийство отца умышленно, зная, что делает, желая получить доказательства в виде реакции убийцы, но Егор-то в этом гамлетовском положении оказался случайно, абсолютно дурацким образом. И что теперь делать? Как объяснить, что это не нарочитое совпадение? Хоть выходи на сцену со словами: «Извините, тут у нас как бы намёк на то, о чем некоторые когда-то болтали, но никакого намёка нет, а если есть, то это вышло случайно». А вдруг это было на самом деле? Егора будто щеткой с металлическими массажными прутьями провели по голове: пробрало мурашками до самых пяток. Впервые в жизни он всерьез задался вопросом: а если не*

сплетни, не слухи, не чушь и не ерунда? [НКРЯ: Алексей Слаповский. Большая Книга Перемен // «Волга», (2010)]. Применительно к материалу настоящего исследования, мы хотели бы уточнить, что говорящий, использующий в своей речи *намёк*, обязательным образом рассчитывает на догадку со стороны слушающего. Иными словами, если воспользоваться терминами А.Н. Баранова, можно сказать, что на материале, рассматриваемом в настоящем исследовании, *намёк* может быть исключительно «регулярным», однозначным, иначе в этом явлении не было бы смысла. Именно на эти свойства *намёка* указывают и И.М. Кобозева и Н.И. Лауфер, называя их интенциональностью и выводимостью *намёка*. Можно отметить, что понимание *намёка* таким образом оспаривает и точку зрения на природу *намёка* П.Ф. Стросона: «Суть *намёка* заключается в том, что слушающий должен подозревать (не более этого) наличие определённого намерения вызвать или раскрыть определенное убеждение. Намерение, которое имеет человек, говорящий *намёками*, по существу своему не предназначено к открытому узнаванию (*nonavowable*)» (Стросон 1986: 144).

В то же время из шести свойств *намёка*, выделенных И.М. Кобозевой и Н.И. Лауфер, только четыре мы однозначно приписываем *намёку*: нетривиальность, обоснованность, интенциональность и выводимость (о вербальности и особенно косвенности как неудачном термине для применения к описанию функционирования *намёка* подробнее будет сказано ниже).

Для конкретизации речевых действий, осуществляемых с помощью *намёка*, необходимо обратиться к условиям функционирования устного межличностного дискурса, поскольку, как отметили Дж. Р. Сёрль и Д. Вандервекен, для того, чтобы «установить точную природу иллокутивной силы произнесения, нам нужна определенная информация о говорящем, слушателе и объектах референции в мире произнесения» (Сёрль, Вандервекен 1986: 243). Таким способом окажется возможным определить детерминирующие семантику *намёка* дискурсивные факторы, а также сферы, или виды состояний собеседника, на преобразование которых направлен *намёк*.

2.1.2. *Намёк* и его соотношение с другими способами непрямо́й передачи смысла в русском устном межличностном дискурсе

Рассмотрим соотношение понятий *намёка* и других схожих понятий, таких как *аллюзия*, *ирония*, *двусмысленность*, *косвенный речевой акт*, *супернеоднозначность* и *манипулирование*.

Как нам кажется, аллюзия и ирония могут выступать лишь способом осуществления *намёка*, инструментами *намёка*, его проводниками, то есть явлениями другого порядка, нежели *намёк*. Отметим, что в этом отношении мы поддерживаем точку зрения А.Н. Баранова, М.А. Кириченко и Т.Г. Матулевич в том, что *аллюзия* обязательно соотносится с общеизвестным фактом культурно-исторического фона. Явный пример *намёка* через *аллюзию* демонстрируется, например, в следующем контексте:

*Возможно, он собирался жить с этой женщиной? Строил с ней планы... Однако воля Раисы Зыбиной "татаро-монгольского ига", шаг за шагом прибрала его к рукам. Даже в самой этой *кличке*, данной Вениамином Раисе, содержится намёк на характер их отношений, ибо "иго" — то, что навязывается насильно, против воли... ПОД СЕНЬЮ ДЕВУШЕК В ГИМНАСТЁРКАХ Рае было нелегко захватить отца как видите, добрый десяток лет прошёл, пока Вениамин решился войти в загс для регистрации брака), а отцу было удобнее ускользать от супружеских уз, поскольку армейская служба его протекала в атмосфере искусства. Электротехник явился в армию с гитарой.* [НКРЯ: Эдуард Лимонов. У нас была Великая Эпоха (1987)]

Что касается *двусмысленности*, то такие случаи мы скорее отнесли бы к манипулированию. Для наглядности представляется необходимым проиллюстрировать пример чистого манипулирования через двусмысленность на рассматриваемом нами материале:

- *Последний вопрос: сколько лет Джулиану Ассанжу Вы бы дали?*
- *Я думаю, что лет 45.*
- *Да нет. Я про то, сколько сидеть ему по-вашему!*

– *А! Столько же!*

НП с Маргаритой Симоньян

00:29:46

При этом важно отметить, что для того, чтобы реализовать манипулятивную цель, говорящему необходимо подстроить свою речь и просодически, чтобы собеседник не догадался о его истинной, скрываемой, цели.

Нужно отметить, что манипулирование тоже может принимать участие в образовании *намёка*. Такие контексты были выявлены нами на материале *намёка на согласие с мнением собеседника*, при этом манипулирование оказывается связанным не с двусмысленностью, а с ложным, сознательным *намёком* на то, что говорящий соглашается с точкой зрения собеседника, принимает его сторону.

Случаи супернеоднозначности, выделяемые И.Б. Шатуновским в одном ряду с другими видами непрямого выражения смысла, в том числе с *намёком*, мы бы отнесли как раз к явлениям намекания. Так, И.Б. Шатуновский приводит пример обсуждения работы преподавателя на кафедре: *Работу мы видим и результаты тоже налицо ...* (Шатуновский 2004: 273). По мнению исследователя, такое высказывание может быть понято и как ирония, и как похвала, причём реальный замысел также может быть любым. Трудно согласиться с такой интерпретацией И.Б. Шатуновского потому, что в этом случае условия ситуации должны способствовать однозначной интерпретации этого высказывания. К тому же, поскольку высказывание принадлежит устной речи, несомненно, наличие или отсутствие характерных просодических характеристик, мимики или жестов говорящего должны указывать на замысел говорящего. Таким образом, подобные высказывания мы также отнесли бы к *намёкам*.

Как нам кажется, проводить принципиальные отличия целесообразно только между *намёком* и косвенным речевым актом. В этом отношении наиболее удачным кажется выделенный И.М. Кобозевой и Н.И. Лауфер критерий обоснованности *намёка* в отличие от косвенного речевого акта, а также несовпадение в косвенном речевом акте передаваемого смысла смыслу

буквальному. Соглашаясь в этом с исследователями, отметим, что из этого положения вытекает основное отличие косвенного речевого акта от *намёка*, которое состоит в том, что его интерпретация, в отличие от интерпретации *намёка*, не требует каких-либо когнитивных усилий. В то же время сложно согласиться с исследователями в том, что косвенный речевой акт связан с соблюдением правил вежливости. На наш взгляд, вежливостью как раз может быть обоснован *намёк* (принцип обоснованности). Как кажется, наше предположение подтверждается и самим примером косвенного речевого акта, приводимого авторами: *Я не достал билетов* (Кобозева, Лауфер 1988: 464). Насколько это видно из примера, такое высказывание никак не мотивировано вежливостью. Его отличительным признаком является лишь несовпадение буквального смысла действительному и отсутствие какой-либо мотивировки. Отметим, что, поскольку *намёк* является бытовым понятием, по-видимому, все способы передачи какого-либо содержания непрямым способом, находящиеся между прямым выражением этого содержания и его косвенным выражением в изложенном выше понимании, фиксируется бытовым сознанием как *намёк*. В этом отношении во второй главе в качестве фона для иллюстрации выражения речевых действий имплицитным способом нами будут приводиться примеры эксплицитного, прямого их выражения. Отметим, что по причине проводимого нами отличия косвенного речевого акта и явления *намёка*, мы предпочитаем не пользоваться термином *косвенный* при описании последнего, предпочитая ему определение *непрямой*.

В то же время следует, как нам кажется, указать и на структурный критерий, по которому иногда можно отличить *намёк* от косвенного речевого акта: *намёк* может быть представлен, в отличие от косвенного речевого акта, не только отдельным высказыванием, но и сложным высказыванием, а также реализовываться в нескольких, прерываемых собеседником, репликах диалога.

2.1.3. Намёк в русском устном межличностном дискурсе: особенности речевой ситуации и дискурсивные факторы

Рассмотрим подробнее непосредственные условия речевой ситуации межличностного общения в телевизионном формате, используя параметры прагматического контекста, выявленные Т.А. Ван Дейком (ван Дейк 2000: 26), отличительным признаком которой будем считать её максимальную упрощенность, заданность «прагматического» и «социального контекста» (там же: 19, 22):

Тип социальной ситуации: межличностная, публичная, неформальная, но имеющая ограничения;

фрейм: обсуждение социально-значимых вопросов в студии;

A. Структура фрейма:

a. Место: телевизионная студия;

b. Функции: *F* (*x*): ведущий; *G* (*y*): гость (гости) программы;

c. Свойства: *x* имеет знаки поведенческого отличия, направляет обсуждение, задаёт и меняет тему, распределяет роли участников беседы; предполагается, что *y* поддерживает тематическую направленность беседы, но обладает свободой в выражении своей точки зрения, может менять направление беседы;

d. Отношения: *G* находится в относительном подчинении *F*;

e. Позиции: *x* задаёт тему обсуждения, провоцирует *y*; *y* выражает своё мнение и точку зрения, дискредитирует других собеседников, в том числе *x*.

B. Фреймы конвенциональных установлений. 1. Каждый участник обсуждения должен высказывать своё мнение по обсуждаемому вопросу; 2. Каждый собеседник должен уметь опровергнуть мнение другого собеседника, не нарушая правил этики; 3. Главной функцией ведущего является координация диалога собеседников, выдвижение тем и микротем.

Отвечающая ситуации последовательность действий (слушающего):

Макродействие: *y* приходит в студию для публичного обсуждения социально-значимых вопросов, публичного обоснования своего мнения;

Предшествующая деятельность: собеседники собираются в студии, как правило, просматривают сюжет, задающий тему обсуждения;

Отвечающая ситуации последовательность действий (говорящего):

Макродействие: **x** принимает на себя роль лидера в разговоре, контролирует направление беседы и задаёт тему и микротемы общения;

Предшествующая деятельность: **x** просчитывает возможные направления в развитии дискуссии.

В других терминах, говоря о составляющих коммуникативной ситуации, помимо адресанта и адресата, референтной ситуации, предметно-ситуативного фона и канала связи, иногда выделяется также и «деятельностная ситуация» (Долинин 1983: 39-40), (Долинин 2010: 11-13) как «развёртывающийся сюжет: то, что происходит с партнёрами в соответствии с их усилиями или вопреки им, та постоянно меняющаяся ситуация, в которой они действуют и говорят» (там же). «По отношению к отдельному высказыванию ДС – это определённый момент в развитии сюжета, который характеризуется тем, что произошло до этого, включая и то, что было сказано или написано, а также тем, что, по замыслу адресанта, должно произойти после» (там же). При этом ключевым для настоящего исследования является следующее замечание: « <...> детерминантами высказывания являются не эти параметры сами по себе, а представление о них, сложившееся в голове Ан, – субъективный образ коммуникативной ситуации в целом» (Долинин 1983: 40; Тарасов 1979: 46; Михель 1980: 287-288). Таким образом, можно сказать, что знание о прагматическом контексте составляет пресуппозиции собеседников, обеспечивающее эффективность их общения. Надо отметить, что в этом случае пресуппозиция понимается широко: она включает и знания об обсуждаемых фреймах, обстановке общения, особенностей партнеров по общению (Звегинцев 1976: 252).

Можно также добавить, что подобные ситуации представляют собой *канонические речевые ситуации* (Lyons 1978), «когда Говорящий не отделён от своего высказывания; когда момент создания высказывания совпадает с моментом его восприятия Адресатом (т.е. когда Адресат является Слушающим);

когда Говорящий и Адресат имеют общее поле зрения – в частности, могут видеть друг друга» (Падучева 1993: 34). Кроме того, особенностями ситуации предполагается, что собеседники, в виду высокого социального статуса, обладают общей «апперцепционной базой» (Якубинский 1923: 9), но при этом различными точками зрения относительно обсуждаемых вопросов, что составляет неперемное условие для успешной реализации жанра *встречи в эфире*. В то же время, рассматриваемый в данной работе устный публичный дискурс является особым типом текста, обращённым одновременно как к абстрактному, так нередко и к лично знакомому адресату (Лотман 1992-б: 163). Во втором случае, по замечанию Ю.М. Лотмана, ввиду наличия «общей памяти», не требуется «загромождать текст ненужными подробностями <...>», «для актуализации их достаточно намёка» (там же). В этом случае текст становится ценным «не только мерой понятности для данного адресата, но и степенью непонятности для других», «здесь непонятность тождественная авторитетности» (там же). Таким образом, имея в качестве адресата как личного собеседника, так и множественного зрителя, степень завуалированности речи используется и как приём для повышения личного статуса относительно собеседника, так и всего рассматриваемого типа устного дискурса в совокупности по отношению к множественному зрителю: высказываемые точки зрения претендуют на авторитетность в обществе.

Рассмотренными особенностями речевой ситуации объясняется наличие в устном русском межличностном дискурсе телевизионного формата дискурсивных факторов, способствующих проявлению *намёка* и определяющих его семантику, а также детерминирующих выбор способов осуществления *намёка*. Дискурсивными факторами определяются и соответствующие коммуникативные импликатуры (Грайс 1985), сопутствующие выражаемому в высказывании интенциональным смыслом. Коммуникативные импликатуры, как известно, выводятся логически, с опорой на фоновые знания, знание обсуждаемой ситуации и всех референтов в этой ситуации. Иными словами, можно сказать, что *намёк* реализуется в такой типизированной ситуации общения, при которой говорящий

вынужден прибегать к непрямому способу представления информации в виду различных *дискурсивных факторов*.

Обозначим эти факторы. Так, одним из дискурсивных факторов является необходимость быть вежливым. Действительно, прагматические предусловия данного типа коммуникации (межличностная ситуация дискуссионного общения в телевизионном формате) налагают обязательства соблюдения правил вежливости и одновременно поддержания дискуссионного характера общения. Таким образом, с одной стороны, доминантными коммуникативными категориями данного типа дискурса оказываются «вежливость», «коммуникабельность», а с другой – «коммуникативное давление», «коммуникативный самоконтроль» (Прохоров, Стернин 2006: 24). Эти два важнейших предусловия способствуют до некоторой степени отступлению от принципа вежливости (Грайс 1985), на двойкий эффект от соблюдения которого указали Н.Д. Арутюнова и Е.В. Падучева: «особенность максим вежливости состоит в том, что не только их нарушение, но и их усердное соблюдение вызывает дискомфорт» (Арутюнова, Падучева 1985: 27). Дискуссионным характером общения обуславливается наличие таких факторов как желание собеседников оказать наибольшее по силе воздействие на собеседника для достижения своих целей, невозможность сокрытия своей позиции по обсуждаемым вопросам (невозможность молчать), необходимость изменить ход общения, направив его в нужное говорящему русло, а также возможность различными способами повысить свой статус относительно собеседников за счёт демонстрации высокой коммуникативной компетенции. Таким образом, большинство дискурсивных факторов в рассматриваемом типе межличностного общения оказывается обусловленными одновременной ориентацией общающихся на категории вежливости и давления. Другими словами, пользуясь терминологией В.И. Карасика, можно сказать, что наличие этих категорий обусловлено спецификой рассматриваемого типа устного дискурса как сочетающего характеристики «лично-ориентированного» и «статусно-ориентированного» (Карасик 2002: 293-294), которые входят в противоречие друг с другом. Тем не

менее, на фоне дискурсивных факторов, мотивированных необходимостью балансировки коммуникантов между необходимостью быть вежливым и необходимостью поддерживать дискуссию, могут быть выделены и другие стимулирующие проявление *намёка* факторы. К таким факторам, как показал наш материал, относится невозможность прямого указания на факты и события действительности в виду социокультурной ситуации. Дискурсивными факторами определяется и способы, с помощью которых говорящим осуществляется *намёк*.

2.1.4. Семантика *намёка* в русском устном межличностном дискурсе

Семантика *намёка* в русском устном межличностном дискурсе сводится к прагматическим значениям высказываний, выражающих характерные для рассматриваемого типа дискурса перформативные смыслы (интенции). Наблюдения над нашим материалом показывают, что к таким интенциям относятся: *указание, осуждение, убеждение, возражение, согласие* и *просьба*, которые осуществляются в форме *намёка*. Перформативный глагол в таких случаях всегда оказывается опущен, что является закономерным, поскольку в противном случае речевое действие не воспринималось бы как *намёк*. Таким образом, следует признать, что правы те исследователи, которые определяют перформативность как свойство высказывания (Клюканов 1987; Богданов 2007; Формановская 2007), а не отдельной лексемы-глагола. Наиболее убедительной точкой зрения, с помощью которой оказывается возможным разрешить противоречия между двумя полярными мнениями на явление перформативности, является, на наш взгляд, мнение В.В. Богданова, который отмечает, что семантически перформативное и соответствующее ему неперформативное высказывание «эквивалентны прагматически» (Богданов 2007: 162), при этом перформативный характер высказыванию придают различные «маркеры иллокутивной силы» (Богданов 2007: 163). Именно этой точки зрения мы будем придерживаться в дальнейшем.

Повторимся, что в виду опущенной собственно перформативной части высказывания, перформативные смыслы оказываются выражены имплицитным

способом, что приводит к необходимости рассматривать всё высказывание как пропозициональную структуру, в отношении которой на уровне глубинной структуры выявляется *имплицитная перформативная рамка* (далее *ИПР*). ИПР оказывается возможным эксплицировать, используя личное местоимение *Я* для говорящего субъекта (всегда равно говорящему лицу) и глагола соответствующего перформативного действия в форме настоящего времени несовершенного вида активного залога индикатива. В дальнейшем, при описании различных типов *намёка*, нами будет приводиться соответствующая каждому типу *намёка* ИПР. При этом нами будут указываться *маркеры иллокутивной силы*, придающие высказываниям характер перформативности. Среди таких маркеров, например, нами были выделены акцентные выделения, маркирующие вопросительные местоимения, а так же, как уже говорилось, различные показатели субъективной модальности.

Говоря о перформативности высказываний, в которых какое-либо содержание выражается с помощью *намёка*, необходимо упомянуть замечание З. Вендлера о том, что, сообщая собеседнику некоторую информацию в форме *Я намекаю на то, что*, говорящий совершает «иллокутивное самоубийство» (Вендлер 1985: 243). В связи с этой особенностью глагола *намяать*, а также в связи с тем, что, как убедительно показали И.М. Кобозева и Н.И. Лауфер, явным свидетельством наличия *намёка* в высказывании является возможность его описания с помощью формы *Я намекаю на то, что ...*, в настоящем исследовании при описании типов *намёка* предлагается давать именно такое их описание. Например, если типом *намёка* является осуждение, то содержание такого высказывания должно совпадать по содержанию с таким его описанием: *Я намекаю, что осуждаю те лица/объекты, которые мы сейчас обсуждаем.*

В связи с широким пониманием перформативности необходимо упомянуть и работу Н.К. Рябцевой (Рябцева 1992), которая делит перформативы на две группы: перформативы ментального и социального действия. Так, к глаголам, способным к выполнению функции ментального перформатива, Н.К. Рябцева относит, например, следующие: 1) иллокутивные глаголы: уточнить, возразить,

согласиться и др.; 2) собственно ментальные глаголы: суммировать, характеризовать и др.; 3) «миропорождающие» глаголы: допускать, полагать и др.; 4) перцептивные глаголы: показать, рассмотреть и др.; 5) «семиотические» глаголы: отмечать, обозначать, указать и др. Важными являются следующие положения о ментальных перформативах исследователя: 1) субъектом ментального перформатива является как адресант, так и адресат; 2) ментальное действие всегда имеет объект – это мысль, некоторое суждение; 3) ментальные перформативы опираются исключительно на речевой контекст. К социальным же перформативам Н.К. Рябцева относит такие речевые действия как просьбу, совет, предупреждение и некоторые другие. Может показаться, что такое широкое понимание перформатива ведёт к представлению о том, что вся человеческая речь состоит из перформативов. Это не совсем верно, поскольку легко представить случаи, когда говорящий субъект, произнося что-либо, не имеет целью воздействие на ментальное состояние собеседника или его поведение. Несомненно, любое произносимое высказывание имеет мотив, но этот мотив не обязательно сводится к интеллектуальному или социальному воздействию на слушающего. Например, высказывание «*Какое сегодня прекрасное небо!*» мотивировано потребностью выразить ощущения говорящего субъекта, а вовсе не воздействовать на картину мира слушающего, даже если допустить, что ситуация является не канонической и собеседники не видят друг друга (допустим, разговаривают по телефону).

Применительно к задачам настоящего исследования, предполагается, что перформативные высказывания могут быть направлены на изменение двух сфер, или состояний собеседника: 1) *информационного состояния*, где задействованными оказываются перформативные высказывания, прагматически эквивалентные ментальным перформативам (*указать* как перформатив, обозначающий «семиотическое» (Рябцева 1992) действие, *осудить*, *убеждать* (*уверять*), *возразить*, *согласиться*); 2) *акционального состояния*, где задействованы высказывания, по иллокутивной силе совпадающие с социальными перформативами (*просить*).

2.1.5. Высказывание как единица функционирования *намёка*: принципы выделения

При формулировании принципов выделения высказывания как единицы, на основе которой функционирует *намёк*, мы будем исходить из двух основных положений: 1) высказывание является минимальной коммуникативной единицей языка, которое «реализуется во множестве текстов, устных и письменных, либо спонтанно, сиюминутно возникающих для бытовых и деловых надобностей, либо создаваемых для долгой жизни писателями, учёными, мыслителями» (Золотова, Онипенко, Сидорова 2004: 8); 2) высказыванию присущи свойства текста «как объединенной смысловой связью последовательности знаковых единиц, основными свойствами которой являются связность и цельность» (Николаева 1998: 507). При этом мы исходим из того, что отрезок речевой деятельности, реализующий коммуникативную функцию, в плане выражения не всегда совпадает с одной предикативной единицей. При этом под «предикативной единицей», вслед за С.Г. Ильенко, нами здесь понимается «некая абстрактная структура, реализующаяся как динамическая субстанция и в простом, и в сложном предложении» (Ильенко 2001: 26). Именно такой единицей, с помощью которой в рассматриваемом типе устного дискурса удаётся реализовать коммуникативную задачу, мы и будем называть высказыванием, акцентируя внимание прежде всего на его «динамическом аспекте» (Гак 1973: 349).

Нужно отметить, что поиски подобной единицы активно ведутся исследователями. Так, в лингвистике известны такие понятия как «речевой акт», «речевое событие» (Якобсон 1975), «коммуникат» (Мигирин 1984), более современные понятия «дискурсивного акта» (Бронник 2009), «конструктивно-синтаксической единицы» (Андреева 2007, 2008), «элементарной дискурсивной единицы» речи (Коротаев, Кибрик, Подлесская 2007). При этом выделение единиц устной коммуникации идёт с разных позиций и продиктовано различными целями, от определения общих закономерностей построения устной коммуникации до задачи её транскрибирования. В то же время большинство современных подходов вне зависимости от целей исследования отличаются следующими

общими чертами: объектом изучения становятся протяженные фрагменты коммуникации с привлечением широкого прагматического и социального контекста (в отличие от отдельных изолированных высказываний), выделение категории интерактивности и взаимообусловленности общения (Сидоров 2009) между говорящим и слушающим, построение типологии устной речи с привлечением данных теории деятельности. В этой связи нужно отметить, что в лингвистике не раз обращалось внимание на ограниченность применения теории речевых актов к проблемам реальной коммуникации: «<...> в качестве единицы, служащей объектом анализа, выступает лишь отдельное высказывание, берется оно, как правило, вне диалога, и содержание анализа зачастую не учитывает всего многообразия факторов реального общения» (НЗЛ: 5). Это предположение было ранее подкреплено и данными психолингвистики: «смысл имеет только текст, состоящий как минимум из двух смежных предложений, причём между содержащимися в них лексическими значениями не может существовать непосредственной смысловой связи» (Жинкин 1982: 79).

Поскольку предметом настоящего исследования является выражение интенций говорящего непрямыми средствами, то проблема выделения единицы исследования становится очень актуальной. В этой связи наиболее приемлемой концепцией относительно минимальной коммуникативной единицы устного дискурса нам кажется концепция описания речевых действий как речевых актов и поступков И.Н. Борисовой (Борисова 2009): «Понятия речевого поступка и речевого акта являются различными способами описания *речевых действий* и по объёму и степени абстракции не совпадают: смысл речевого поступка психологичен и межсубъектен, речевой поступок конкретно адресован и контекстуален. Иллокутивная сила речевого акта не всегда совпадает с интерсубъектным коммуникативным смыслом речевого поступка в конкретной интеракции, поскольку сущность общения состоит не в одностороннем взаимодействии говорящего и слушающего, а в сложном коммуникативном взаимодействии двух личностей» (там же: 147). По мнению И.Н. Борисовой, речевой поступок является эмпирически воспринимаемой единицей речевого

поведения (Борисова 2009: 145), а высказывание является результатом этого действия.

Таким образом, по-видимому, основным принципом при выделении высказывания, содержащего *намёк*, должен являться *принцип коммуникативной достаточности высказывания, реализующего речевой поступок, интенцию говорящего*. Это означает, что в плане выражения такое высказывание, скорее всего, может быть представленным «сложным высказыванием» (Торсуева 2009: 15), длина которого равна длине сверхфразового единства или, другими словами, представлять собой «развёрнутое сообщение» (Долинин 1983: 39), взятое во всей полноте передаваемых им смыслов. В то же время, как уже было отмечено нами выше, объём высказывания может оказаться равен и предложению, а также представлять собой совокупность реплик говорящего, подчиненных выражению какой-либо цели. Рассматривая план содержания высказывания, мы опираемся на представление о нём как заключающем в себе «экстериоризацию мотивирующего коммуникативного состояния человека (его воли, мысли, эмоции) в адресованное партнёрам коммуникации речевое действие» (Борисова 2009: 147). Такое понимание высказывания близко к точке зрения Т.В. Шмелёвой: высказывание – «<...> это предложение, не изъятое из ситуации общения, т.е. несущее информацию о том, кем, зачем и почему оно было сказано, каково отношение автора к собеседнику, к излагаемой информации и собственной речевой деятельности» (Шмелева 1988: 169). Т.В. Шмелева включает в высказывание «*весь спектр значений, исходящий от автора высказывания, выраженных прямо или скрыто имплицитно*» (там же). При этом Т.В. Шмелёва считает основным свойством высказывания его «элементарность»: «Высказыванием предлагается считать такое словесное выражение общения, которое, реализуя один его акт и в этом смысле являясь *элементарным*, характеризуется достаточностью и завершенностью во всех аспектах, то есть наличием в нем информации о событиях действительности и всех субъективных обстоятельствах их освещения» (Шмелева 1988: 169). Соглашаясь с приведенной концепцией и учитывая особенности рассматриваемого типа дискурса, представляется

необходимым следовать *принципу перформативной направленности высказывания*, рассматривая перформативные смыслы, передаваемые высказыванием и мотивированные волевым усилием адресанта, в качестве базовых. На необходимость четкого представления об интенциональной нагрузке при выделении высказывания указывал А.И. Смирницкий: высказывание – это «отдельный отрезок речи, имеющий в данных условиях определённую целевую направленность как некоторое законченное целое» (Смирницкий 1957: 6).

Последним принципом, необходимым для рассмотрения высказывания в объёме передаваемых с его помощью указанных имплицитных смыслов, должен являться *принцип опоры на функциональную согласованность языковых средств* при выражении имплицитных смыслов. При этом языковые средства, по нашему предположению, должны поддерживаться невербальными средствами.

Поскольку *намёк* может выражать целый спектр имплицитных смыслов, то можно рассматривать его как категорию модуса. Под модусом традиционно понимается отношение говорящего к суждению (Балли 1955), а поскольку в область наблюдений настоящего исследования попадают прагматические, обращённые к слушающему, импликации, то представляется правильным в данном случае говорить о *намёке* как категории социального модуса, в рамках которой подразумевается изучение отношения говорящего к слушающему с учётом их *позиций и ролей* (Крысин 1983: 79).

2.1.6. Стратегия вуалирования и иллокутивная тактика речи (ИТР) как способ осуществления *намёка*

Рассмотрим когнитивные предпосылки возникновения стратегий и тактик в межличностном устном дискурсе, сочетающем черты жанра дискуссии и непринуждённой беседы.

Данному типу общения присуща «направленность речи» (Виноградов 1963: 19), которая задаётся как общей темой, так и общим коллективным замыслом, а также наличием одного или более лидеров в диалоге, в роли которых выступают ведущие передачи. Используя термины В.В. Виноградова, можно сказать, что

«направленность речи» и «подобранность собеседников» (там же) – обязательные условия жанра дискуссии, в результате чего задаётся определённая тема общения, отвечающая определённой ситуации. Всё это способствует, как показывают наблюдения над материалом, максимально творческому проявлению диалогического общения. Такие диалоги демонстрируют наивысшее искусство общения и при внешней рассогласованности представляют собой внутреннее единство противоположностей в субъектно-ценностной сфере: «при регуляции в субъектно-ценностной сфере дискурс ориентирован на выделение и заострение противоречия как несоответствия между общественно санкционированными ценностями и заявляющими о себе новыми ценностями личностного порядка, или, в более общем случае, между системами культурных ценностей разных субъектов» (Борботько 2011: 42). Иными словами, для устного межличностного общения характерна «пресуппозиция компетентности (экспертности) собеседников» и «тематическое единство при различии модусов» (Арутюнова 1999: 651). Именно различие модусов и высокая компетентность собеседников приводит к тому, что диалоги внутри дискуссии оказываются наиболее разнообразными и насыщенными по своей языковой форме.

Современное понимание тактики речи сводится к рассмотрению её как способа реализации стратегии (цели) (Иссерс 2008: 9), или сверхзадачи (Верещагин, Ротмайр, Ройтер 1992: 86). Нужно отметить, что именно так в дальнейшем мы будем понимать стратегию, отождествляя её с реализацией цели в завуалированной форме (напомним, что такими целями являются: *указать, осудить, убедить (уверить), возразить, согласиться, попросить*). При номинации тактик речи исследователи отталкиваются либо от смысла высказывания в целом, основываясь на семантическом принципе (тактика уговоров, тактика оскорбления, издёвки, тактика комплимента (Иссерс 2008: 141, 164, 177)), либо от организующих данную тактику языковых средств (например, тактика реитерации (повторения) тематического слова (Верещагин, Ротмайр, Ройтер 1992: 85)).

В современной трактовке тактика понимается как «реализуемое в большом количестве различных текстов однотипное речевое поведение, которое через слова и жесты демонстрирует сходные намерения, отношение к собеседнику, теме разговора, обнаруживает место говорящего в мире, тип его взаимодействия с информацией» (Шунейко, Авдеенко 2010: 57), что позволяет рассматривать её (тактику) как фрагмент дискурса, выходящий за рамки предложения-высказывания. Такая тактика может объединять сразу несколько типов «иллокутивных актов» (Янко 2004: 478), а средствами её оформления оказываются не только сегментные средства языка, но и суперсегментные, а также жесты, мимика, различные «фонации» (Кодзасов, Кривнова 1977: 209), представляющие собой в комплексе особую функциональную согласованность для выражения и интерпретации модуса говорящего, что оказывается особенно важным при исследовании имплицитных смыслов высказывания. Такой современный взгляд на структуру общения в целом даёт повод учёным говорить о «семиотической личности» (Сорокин 2009: 19), в какой-то мере дополняющей понятие «языковой личности» (Караулов 1987: 11).

На наш взгляд, проблема определения стратегий и вычленения тактик речи и их номинации находится в зависимости от типа коммуникации (см. прямая и непрямая в: (Yum 1988; Дементьев 2006)), в котором реализуются тактики речи. Непрямая коммуникация чаще всего обладает более высоким уровнем абстрактности, поэтому приписать тактике в качестве названия «искусственную бирку» или «реплику-клише» (Верещагин, Ротмайр, Ройтер 1992: 85) оказывается сложнее. В то же время непрямая, требующая интерпретации, коммуникация занимает в повседневном общении гораздо больше места, чем прямая коммуникация (Дементьев 2006). Межличностный устный дискурс демонстрирует разнообразие проявлений непрямой коммуникации. Интересным применительно к объекту данного исследования является следующее наблюдение О.С. Иссерс: «Существует определённое эстетическое удовольствие говорить косвенно, непрямо. Говорить прямо человеку с высокой языковой компетенцией попросту скучно: теряются некоторые имплицитные смыслы, сигнализирующие об

отношениях, чувствах – что порой не менее значимо, чем собственно информация» (Иссерс 2009: 54). Такая речевая функция «зачаровывания словами» иногда называется «нуминозной функцией» речи (Ивин 2004: 19). Эта особенность коммуникации также стимулирует участников общения к использованию разнообразных непрямых интерперсональных тактик речи. Другими словами, участники общения вынуждены прибегать к средствам стратегической неопределённости, или выбирать тактики речи, базируясь на определённой стратегии. В качестве такой стратегии нами была выделена стратегия вуалирования как «частная стратегия» в рассматриваемом типе дискурса, особая стратегия «локальной когерентности» (ван Дейк, Кинч 1988: 167), с помощью которой обеспечивается связность диалогического построения.

В связи со всем сказанным представляется необходимым уточнить понятие тактики как способа осуществления воздействия применительно к рассматриваемому нами материалу и объекту исследования: *намёка* как формы осуществления речевых действий, предполагающей передачу интенциональных смыслов от говорящего к слушающему с расчётом на их извлечение последним в виде импликаций, представляющей собой контекст разной протяжённости, в котором могут быть выделены типичные лексико-грамматические, просодические и композиционные черты. В таком случае наиболее правильным было бы определить тактику как способ организации как вербальных, так и невербальных средств для реализации модуса говорящего как «субъективных, идущих от говорящего смыслов» (Всеволодова 2000: 305). В связи с тем, что коммуникация может носить как прямой, так и непрямой характер, считаем необходимым, по аналогии с речевыми актами и иллокутивными речевыми актами (Сёрль 1986), выделять прямые коммуникативные тактики (при прямой коммуникации), и иллокутивные тактики речи (далее – ИТР). Термин иллокутивная тактика речи более удобен при описании ситуаций непрямого воздействия в виду непрозрачности своего «имени», поскольку одна тактика, как показал исследуемый нами материал, может быть использована в разных прагматических целях, то есть в разных типах *намёка*. На этот момент указала в своём

исследовании, как нам кажется, и О.С. Иссерс: «Ситуации неоднозначного прочтения коммуникативных намерений характерны для определенных речевых тактик. Так, например, серия речевых тактик похвалы репрезентирует стратегию положительной оценки. Однако убеждение, что похвала — это нечто позитивное, далеко не всегда соответствует действительности» (Иссерс 2008: 96).

Представляется, что только при таком понимании тактики возможен учёт языковой специфики её оформления, что позволяет развернуть анализ тактик в сторону функциональной организации средств языка, обычно не получающей должного внимания со стороны исследователей тактик речи, а также поставить в фокус рассмотрения регулирование межличностных отношений индивидуальных личностей, что, по замечанию Нормана Фэркло (Fairclough 2010), на материале СМИ при обилии их материала и возможностях практически не было сделано в лингвистике (*далее перевод с английского мой: И.А.*): «изучение освещения информации в СМИ имеет давнюю историю в дебатах о необъективности, манипулировании и идеологии в средствах массовой информации, но индивидуальные личности и отношения привлекли меньше внимания» (Fairclough 2010: 17).

Итак, ИТР, или *иллокутивная тактика речи*, требующая интерпретации намерения говорящего, чаще представлена целым фрагментом, комплексом языковых и неязыковых средств, организованных определённым способом (например: *тактика наводящего вопроса, цитирования, замалчивания, метафорического сравнения* и т.д.) для имплицитного осуществления таких речевых действий, как указание, осуждение, убеждение, возражение, согласие и просьба. При этом отметим, что, как показал исследуемый материал, поскольку эффект от *намёка* оказывается тем сильнее, чем менее явно он выражен, предлагается в дальнейшем расположить тактики, к которым прибегает говорящий для осуществления одного типа интенции, по степени ослабления иллокутивной силы. Отметим, что на градуирование степени иллокутивной силы указал Хэнк Хаверкайт, назвав это явление с помощью термина «аллокуция» (Haverkate 1979: 14).

2.2. Изменение информационного состояния собеседника

В сфере изменения информационного состояния собеседника оказываются востребованы такие типы *намёков*, которые имеют целью *указание, осуждение, убеждение, возражение и согласие с мнением собеседника*.

Рассмотрим контексты намека в этих целях в соответствующих ситуациях.

2.2.1. Намёк-указание

2.2.1.1. Ситуация указания

Согласно определению словарей, *указать* – «кого-что и на кого-что: жестом, движением, взглядом и т.п. обратить чьё-либо внимание на кого-, что-либо» (БТС: 1379); «кого-что. Дать узнать, показать, назвать для сведения» (РСС, Том IV: 464).

Учитывая семантику перформативного глагола *указать*, а также данные исследуемого материала, в настоящем исследовании в качестве референта высказывания, содержащего *намёк-указание*, были выявлены два типа ситуаций: 1) ситуация, при которой коммуникативную цель субъекта речи составляет *указание* на конкретные лица/объекты/события действительности; 2) ситуация, при которой коммуникативную цель субъекта речи составляет *указание* на классы лиц/объектов/событий действительности, обладающими однородными признаками. Другими словами, *намёк-указание* в рассматриваемом типе устного дискурса связан с двумя видами обусловленной прагматическими условиями референции: 1) соотношение с одним объектом/лицом/событием; 2) соотношение с классом объектов/лиц/событий (Арутюнова 1982; Падучева 2004: 9). При этом семантической особенностью лексем, при помощи которых осуществляется референция, является способность в определённых условиях неявно указывать на известные как говорящему, так и слушающему лица, объекты и события, или их классы. Другими словами, влияние на информационное состояние собеседника

состоит в актуализации в картине мира слушающего лиц/объектов/событий или их классов, обладающих однородным набором признаков.

Две разновидности ситуации *указания* могут быть проиллюстрированы описательно с помощью контекстов, когда они описываются эксплицитно посредством лексем с корнем *намек-*. Приведём примеры описания ситуации *намекания* с целью *указания* в двух её разновидностях:

1. Указание на конкретные лица:

Эта попытка, утверждали участники заседания, предпринята «весьма узкой группой» (прозрачный намёк на Черчилля и лорда Бивербрука), преследующей «своекорыстные политические цели» и жаждущей удовлетворить «личные амбиции». [НКРЯ: Владимир Абаринов. Хайль Виндзор! (2003) // «Совершенно секретно», 2003.07.04]

2. Указание на класс лиц, обладающими однородными признаками:

Нельзя не сказать и об оригинальной, на мой взгляд, трактовке, которую дает Курбатов раннесредневековым письменным источникам, где впервые речь идет о лаптях. Это, например, приведенный выше отрывок из «Повести временных лет», где Добрыня дает Владимиру совет «поискать лапотников». А.В. Курбатов объясняет его не бедностью лапотников, противопоставленных богатым пленникам-болгарам, обутым в сапоги, а видит в этом намёк на кочевников. Ведь собирать дань с оседлых жителей лапотников) легче, чем гоняться по степи за ордами кочующих племен сапоги — обувь, наиболее приспособленная для верховой езды, активно использовалась кочевниками). [НКРЯ: Д. Осипов. К истории лаптя на Руси // «Наука и жизнь», (2007)]

Среди эксплицитных средств выражения *указания*, наиболее широко распространённых в рассматриваемом в настоящем исследовании типе устного межличностного дискурса, является прямое указание на лица/объекты/события

действительности с помощью отождествительной конструкции *Это ...*. Об этом говорят случаи вхождения этой конструкции в правый контекст *намёка-указания* (такие случаи будут подробнее рассмотрены ниже).

Рассмотрим контексты имплицитного *указания* в иллокутивных тактиках речи (далее ИТР), для которых имплицитная перформативная рамка (далее ИПР) оказывается представленной вариантами: «*Я указываю на конкретные факты действительности: лица, объекты, события*»; «*Я указываю на классы лиц, объектов, событий действительности, обладающих однородным набором признаков*».

2.2.1.2. Реализация *намёка-указания* в ИТР

По данным исследуемого материала, тактикой, требующей наибольших когнитивных усилий при распознавании *намёка*, направленного на актуализацию в картине мира слушающего конкретных лиц/объектов/событий действительности или указания на классы лиц/объектов/событий, обладающих однотипным набором признаков, является *ИТР наводящего вопроса*.

В случае этой тактики *дискурсивным фактором*, определяющим её применение, является невозможность прямой идентификации лиц, объектов и событий в виду социокультурной ситуации. Мотив говорящего при *ИТР наводящего вопроса* совпадает с основной целью: указанием.

Приведём контексты *намёка-указания*, для которого ИПР является вариант «*Я указываю на конкретные факты действительности: лица, объекты, события*»:

1) – А *потом*, / простите, / *кто* стал оружие туда поставлять? / *Откуда там* взяли эти *миражи*, / на которых *потом* перелетали на Мальту / *ливийские офицеры*? //

ОС: «Новая война!»
5 канал (СПб), 00:17:25

2) – *И что касается Прибалтики, / **зачем** в таком случае эти / государства вступили в военно-политический блок НАТО? // Зачем там появляются военные базы? // Зачем ведётся военная активность в отношении других постсоветских государств? // Не надо этих иллюзий. // Мир не стал иным. // У кого сила, того и уважают. / Вот и всё. //*

ОС: «Курилы: острова раздора»

5 канал (СПб), 00:32:40

Приведём контексты *намёка-указания*, для которого ИПР является вариант: «Я указываю на классы лиц, объектов, событий действительности, обладающих однотипным набором признаков»:

3) – Но, **послушайте**, // разве **церковь** / ни на **что** не оглядывается в своих действиях? //

НП с Всеволодом Чаплиным

НТВ, 00:14:36

4) – **Можно наивный вопрос?** // а Вы верите вообще вот в эти соц. опросы, / да? // Мы не **должны** учитывать, / **кто** проводит соц. опросы, / на какие **деньги**, / и с какой **целью**? //

ОС: «Нами манипулируют?»

5 канал (СПб), 00:56:46

Рассмотрим лингвистические средства оформления *ИТР* *наводящего вопроса*. Как видно из материала, наиболее типичными конструкциями, с помощью которых осуществляется *намёк-указание*, являются вопросы, содержащие акцентно выделенные вопросительные местоимения (в примерах 1-4 выделены полужирным шрифтом), благодаря чему подобные вопросительные предложения приобретают оттенок идиоматичности (Падучева 2004: 234). Благодаря акцентной выделенности в указанных примерах меняется семантика

вопросительных местоимений: их функция в речи состоит не в том, чтобы наметить «множество альтернатив» для слушающего, которыми исчерпывалась бы ситуация (Падучева 2004: 234), что было бы характерно для вопросительного местоимения в обычной ситуации, а либо указать на конкретные лица и факты действительности (примеры 1 и 2), либо сузить количество альтернатив до класса (примеры 3 и 4). Так, в примерах 1 и 2 подразумеваются абсолютно конкретные лица и события: Запад поддержал Косово; оружие поставлял Запад, и миражи взялись с Запада (при этом под Западом подразумевается коалиция западных стран во главе с Соединёнными Штатами Америки). В примере 2 говорящий также намекает на конкретные события действительности: постсоветские и иные государства стимулируются к вступлению в военно-политический блок НАТО в целях ослабления влияния Российской Федерации. В примере 3 намерения говорящего, обладающего стереотипными представлениями о фрейме «социальные опросы», состоят в том, чтобы произвести референцию к группе людей, обладающих однородными признаками: они выполняют заказы на проведение социальных опросов за деньги, и поэтому таким опросам не стоит верить. В примере 4, в рамках фрейма «деятельность церкви», имеется в виду, что церковь также действует с оглядкой на политическую ситуацию в стране, а именно на людей, обладающих властью.

Рассмотренные нами смыслы в примерах 1-4 составляют те выводы, которые должен сделать слушающий, или, говоря словами Т.М. Николаевой, составляют тот «контекст-тень», «дополнительную ауру», которая всегда сопровождает высказывания с акцентным выделением (Николаева 2004: 15, 49).

При этом отметим, что акцентное выделение может также маркировать «опорные точки» (Николаева 2004: 82) обсуждаемых фреймов (в примерах 3 и 4 также выделены полужирным шрифтом: *церковь; должны, деньги, целью*).

В рассмотренных нами случаях *указание на конкретные факты действительности* становится возможным при речевом отнесении фиксируемой референтной ситуации в индикативе прошедшего времени: обсуждаемые ситуации уже имели место в действительности, благодаря чему и становится

возможной их конкретная актуализация: *кто стал это оружие туда поставлять?; откуда там взялись эти миражи ...*). Другими словами, вопросительные местоимения при ИТР наводящего вопроса входят в состав пропозиции с пресуппозиционным статусом, то есть статусом «заранее предполагаемой истины» (Богданов 2007: 131): Запад кого-то поддержал, кто-то поставлял оружие, миражи взялись, – эти пропозиции описывают такие ситуации, наличие которых в действительности никем не может быть поставлено под сомнение.

При фиксировании ситуации в индикативе настоящего времени, семантика вопросительных местоимений сводится к обозначению с их помощью классов лиц и объектов, обладающих однородными признаками: *церковь ни на что не оглядывается в своих действиях?*; *кто проводит социальные опросы?* В этом случае ИТР *намёка-указания* сводится к: «Я указываю на классы лиц, объектов, событий действительности, обладающих однородным набором признаков».

Особенностью контекстов *намёка-указания*, отражающих ситуацию в индикативе настоящего времени, является наличие в правой части контекста расшифровки *намёка*. В таких случаях *намёк-указание* выполняет подготовительную функцию, подводит слушающего к догадке о том, о чём конкретно сообщается в высказывании и даёт ему возможность сравнить правильность своей догадки по отношению к тому смыслу, на который намекает говорящий (в приводимых ниже примерах вопросительное местоимение выделено полужирным шрифтом, а расшифровка *намёка* выделена с помощью нежирного подчёркивания):

5) – *Вот / не потерять / эту вещь, / **как** / всё-таки транслировать ценности, / да. // **Кто** производит ценности? // **Кто** производит // Нет, / семейные ценности производит семья, / а кто производит общезначимые, общественные ценности? // Есть / мыслящая, / креативная, / образованная часть общества, / которую раньше называли интеллигенцией, / творческой интеллигенцией. //*

ОС: «Хочу в СССР»

5 канал (СПб), 01:07:46

б) – <...> понимаете, / ведь сегодня, / когда включаешь телевизор, / **что?** // Одно / про убийство, / про воров, / про милиционеров <...> И это очень сильно влияет на людей.

ОС: «Мир сошёл с ума?»

5 канал (СПб), 00:45:30

7) – А второе, / коллеги, / а мы что, / сидим / и тоже думаем, / что мы такие пушистые? // **Зачем** нам / огромный / тактический / ядерный потенциал? // **Зачем** / мы сохраняем / совершенно гигантские стратегические наступательные ядерные силы, / которые, / конечно же, / нам уже давно не нужны. // <...> В Китае прекрасно понимают, / что мы поддерживаем и будем поддерживать эти гигантские ядерные силы / в качестве страховки на случай Китая. //

ОС: «Китай – большой друг?»

5 канал (СПб), 00:55:09

8) – **Я хотел обратить Ваше внимание на что.** // Игорь Юрьевич говорит, что / он сказал / в гособоронзаказе. // Простите, // **чьи** это деньги? // Это что, / деньги / Министерства экономики / или Министерства путей сообщения? // Это деньги Минобороны!

ОС: «Оборона прежде всего!»

5 канал (СПб), 01:07:50

Рассмотрим маркеры иллюкутивной силы *намёка-указания* при ИТР *наводящего вопроса*. Так, при реализации *намёка-указания* в индикативе прошедшего времени пропозиция, содержащая *намёк*, предваряется различными апелляциями к «модусу знания» (Арутюнова 1988: 109) слушающего (*пусть он*

вспомнит, вспомните), что является совершенно закономерным, поскольку именно такими апелляциями осуществляется обращение слушающего к конкретным фреймам, имевшим место в прошлом. Такие апелляции маркируют верхнюю границу контекстов *намёка-указания* и в потоке речи чаще всего маркированы акцентным выделением. В то же время, вне зависимости от представления ситуации, отображаемой в высказывании, содержащем *намёк-указание* в ИТР *наводящего вопроса*, к прошедшему или настоящему плану, типичными маркерами, предваряющими пропозицию, являются различные речевые клише с общим значением привлечения внимания собеседника (в вышеприведённых контекстах выделено жирным шрифтом и жирным подчёркиванием): *послушайте* (пример 3); *можно наивный вопрос* (пример 4); *я хотел обратить Ваше внимание* (пример 8). Наличие некоторых маркеров порождает импликации отрицательного отношения к обсуждаемым фактам: *можно наивный вопрос*.

Следует отметить, что левый контекст, предшествующий *намёку-указанию*, в данном случае играет ключевую роль в указании на конкретные лица и объекты. Доказательством этому служат контексты, содержащие идентичные вопросительные конструкции с акцентно выделенным вопросительным местоимением, предваряемые просьбой говорящего субъекта сообщить об одних только ему известных фактах (в нижеприводимом примере выделено подчёркиванием):

– Если позволите, / буквально два-три слова. // **Что** случилось? // **Кто** виноват / и **что** делать? //

ОС: «Пенсия: здравствуй, уравниловка»

5 канал (СПб), 00:05:29

В таком случае говорящий субъект намекает на то, что ему известно нечто, что другим не известно. Такие примеры не представляют контекста *намёка-указания* в ИТР *наводящего вопроса*.

Указание на конкретные лица/объекты в *ИТР наводящего вопроса* также возможно при помощи лексемы *один* в контексте апелляции к модусу знания слушающего, – то есть в таком контексте, который предполагает определённую личность лица или объекта. В таких контекстах лексема *один* сочетается с именем, характеризующим объект/лицо по какому-либо признаку, который служит исходной точкой интерпретации *намёка-указания*.

Рассмотрим проявление *намёка* в контексте апелляции к модусу знания собеседника:

9) – **Вы назовите** мне таких людей, / которых мы бы хотели переманить, российских. // Только **один**, может быть, **сноубордист**? //

ОС: «Сочи. Год до старта»

5 канал (СПб), 00:40:09

В настоящем примере лексема *один* входит в именную группу с лексемой, обозначающей профессию. Исходя из фоновых знаний о ситуации в спортивной жизни российских сноубордистов, можно заключить, что говорящий, видимо, намекает на российского сноубордиста Юрия Подладчикова, выступающего в спортивных соревнованиях за Швейцарию. На интерпретацию *намёка-указания* настраивает наличие в его контексте модальности предположения (*может быть*), поскольку невозможно строить совместно с собеседником предположения относительно неизвестного всем коммуникантам лица.

Все приведенные контексты *намёка-указания* в *ИТР наводящего вопроса* можно описать следующим образом: «Я намекаю на <конкретное лицо, объект, событие>». Так, например, контекст примера 9 описательно можно перефразировать как «Я намекаю на Юрия Подладчикова».

Интересным случаем представляется использование *ИТР наводящего вопроса* в целях регулирования направления дискуссии. В этих случаях говорящему необходимо сменить тему обсуждения. Так, по данным словарей, глагол *регулировать* имеет следующие определения: 1) «подчинять

определенному порядку, правилам; упорядочивать» (БТС: 1111); 2) «упорядочивать, налаживать», «направлять развитие, движение чего-н. с целью привести в порядок, в систему» (РСС, Том IV: 171). Соответственно, референтом сложного высказывания, содержащего *намёк-указание* в регулятивной функции, является такая ситуация, при которой коммуникативную цель высказывания субъекта речи составляет актуализация некоторых лиц и предметов в картине мира слушающего, мотивированная желанием говорящего переключить тему общения. В таком случае дискурсивный фактор невозможности прямого указания в виду социокультурной ситуации предоставляет говорящему реализовать свой мотив: желание переключить тему общения. Таким образом, в таких контекстах имеет место манипуляция картиной мира собеседника, что особенно чётко заметно в случаях, когда *намёк* по той или иной причине оказывается неэффективным и опознанным слушающим как приём переключения темы, поскольку *намёк-указание* в таком случае выступает способом актуализации необходимых для этого переключения «опорных точек» (Николаева 2004: 82) навязываемого слушающему говорящим фрейма.

Приведём пример контекста *намёка-указания* в регулятивной функции, когда слушающим опознаётся скрытый мотив манипулирования говорящего:

10) – У меня, / может быть, / такой вот глобальный вопрос. // **Кто-то из экспертов, / военных экспертов, / обсуждая проблему вот этого военного бюджета, / высказал такую мысль, / что, в принципе, / когда мы говорим о выделении таких больших денег на / оборонный комплекс, / военно-промышленный комплекс, / то, на самом деле, за этим стоят совсем другие задачи, / мы этим решаем другие задачи. // Страна решает. // **Какие задачи мы решаем**, Василий Васильевич, как Вы полагаете? //**

– Здесь мне что-то вообще не понятно. / Кто-то что-то сказал и так далее //

– Давайте тогда так. // Я проще скажу. //

ОС: «Оборона прежде всего!»

В данном случае, как показывает приведённый пример, *ИТР наводящего вопроса*, представленная вопросительной конструкцией с вопросительным местоимением с акцентным выделением (в примере 10 выделено полужирным шрифтом и подчёркиванием), использована в совокупности с другими тактиками, а именно: отсылки к авторитетному мнению при неназывании конкретных авторитетных лиц (в примерах выделено полужирным шрифтом). При этом говорящий манипулирует самопредставлением о высокой компетентности своего собеседника: если некоторые авторитетные лица знают об этих задачах, следовательно, Вы, в виду своей также высокой компетентности, должны быть, несомненно, осведомлены о них. При этом в круг посвящённых несомненно входит и сам говорящий субъект, который тем не менее предоставляет возможность своему собеседнику озвучить скрытую от широкой публики информацию.

Лингвистическим средством *намёка-указания* в примере 10, помимо вопросительного местоимения с акцентным выделением в *ИТР наводящего вопроса*, служит именная группа *другие задачи* (выделено подчёркиванием). При этом у лексемы *другой* выделяется значение «не такой, о котором всем известно, отличный, – такой, о котором знаем только мы с Вами». Регулятивную функцию такой тип *намёка-указания* приобретает благодаря расположению акцентного выделения на лексеме *другие* в составе именной группы *другие задачи*, использованной в контексте *намёка-указания* два раза в рематической части высказывания. Нижняя граница этого сложного высказывания маркирована *ИТР наводящего вопроса*, при этом предметная область самого вопроса обращена к реме предыдущего высказывания: *Какие задачи мы решаем, Василий Георгиевич, как Вы полагаете?* Такой вопрос также является наводящим, но его функция состоит не в актуализации конкретных лиц/объектов или классов лиц/объектов в картине мира всех слушающих и наблюдателей, а в актуализации объектов и лиц в кругу посвящённых. Примечательно, что слушающий опознаёт

манипулятивную функцию этого высказывания и соответственно реагирует на весь контекст *намёка-указания*: ***Здесь мне что-то вообще не понятно. Кто-то что-то сказал и так далее.*** В рассмотренном случае регулятивного *намёка-указания* его контекст можно описать следующим образом: «*Я намекаю на конкретные события*». При этом говорящий представляет ситуацию общения таким образом, будто события являются конкретными для самого говорящего и его собеседника.

Более прозрачным в целях указания на лица и объекты является *намёк*, осуществляемый через ***ИТР неназывания***. *Дискурсивным фактором* неназывания конкретных лиц или объектов, как и при *ИТР наводящего вопроса*, является фактор социокультурной ситуации. Как показал наш материал, основным лингвистическим средством *ИТР неназывания* является указание на лица и объекты через актуализацию их признаков.

Рассмотрим такие контексты:

1) – Как раз вот этих самых ностальгических вскриков, / что давайте мы будем отвечать за судьбу мира, / упаси Бог, нам не надо. // Нам надо очень серьёзно разобраться со своей страной, / со своей экономикой, / со своими социальными проблемами. // Каждая страна пусть разбирается с собой. // Есть одна страна, / далеко от нас находящаяся, / которая берёт на себя эти функции. // Когда-то неудачно, / когда-то, может быть, что-то у нее удачно получается, / у неё есть такие возможности. // У нас таких возможностей нет. //

ОС: «Хочу в СССР»

5 канал (СПб), 01:03:30

В указанном примере *намёк-указание* осуществляется за счёт сочетания лексемы *один* с именем, конкретность референта которого восстанавливается по правому контексту: *страна, далеко от нас находящаяся, которая берёт на себя эти функции; когда-то неудачно, когда-то, может быть, что-то у нее удачно получается, у неё есть такие возможности* (в вышеуказанном примере контекст,

с помощью которого раскрываются признаки имени, выделен подчёркиванием, именная группа с *один* выделена полужирным шрифтом). О том, что с помощью лексемы *один* указывается на конкретную страну, свидетельствует и контекст бытийности: «есть одна страна».

2) – *А завтра / у нас одна из партий, / **крупная партия**, / **очень крупная партия**, / будет устраивать / вождение хороводов в городе Санкт-Петербурге. // Отпразднуем. //*

ОС: «Что празднуем?»

5 канал (СПб), 01:09:20

В примере 2 *намёк-указание* осуществляется за счёт атрибутивной группы *крупная партия*. Конкретность референта восстанавливается по указанным признакам из фоновых знаний о ситуации: *крупная партия, очень крупная партия*. Так, в указанном примере говорящий намекает на партию Единая Россия.

ИТР неназывания может также реализовываться при помощи особых синтаксических конструкций. Рассмотрим такой пример:

3) – *Ну, / насчет того, / кто будет у власти, / мне кажется, / примерно понятно.*

– Необязательно говорить про нашу страну!

НП с М. Боярским

НТВ, 00:08:10

В примере 3 указание на конкретный референт осуществляется с помощью конструкции *насчет того, (вопр. мест.) <...>, понятно*. Нужно отметить, что в случае использования такой конструкции может возникать дополнительное значение осуждения по отношению к тому объекту, на который указывает говорящий субъект.

Контексты, представленные примерами 1-3, также могут быть описаны при помощи: «Я намекаю на <конкретные лица/объекты/события>».

Ещё одной тактикой, с помощью которой осуществляется *намёк-указание*, является **ИТР риторического вопроса**. При этом *ИТР риторического вопроса* является тактикой, с помощью которой осуществляется наиболее прозрачный *намёк-указание*. Напомним, что в качестве основных свойств, присущих *намёку*, в настоящем исследовании принимаются *нетривиальность*, *обоснованность*, *интенциональность* и *выводимость*. Критерием, казалось бы, не оправдывающим себя в отношении тактики риторического вопроса как способа осуществления *намёка*, является свойство *нетривиальности* выводов. Это чувствуется интуитивно, поскольку риторический вопрос, как известно, представляет собой вопрос, «в котором заключено уверенное экспрессивно окрашенное отрицание» (РГ 1980, Том 2: 395). Несоответствие формы выражения (в виде вопроса) его содержанию (на самом деле это не вопрос, а утверждение) может привести к мысли о том, что риторический вопрос является косвенным речевым актом.

Насколько мы можем судить, исходя из нашего материала, всё же риторический вопрос представляет собой более сложное явление. Несоответствие формы передаваемому содержанию является лишь его формальным признаком, в то время как получаемое отрицание пропозиции, вводимой риторическим вопросом, всегда побуждает слушающего поразмыслить над тем, почему нечто отрицается. Эта свойство риторического вопроса отмечается исследователями этого стилистического явления, что позволяет некоторым из них выделять собственно-риторический вопрос (не требующий дополнительных выводов) и несобственно-риторический вопрос (требующий дополнительных выводов) (Кильмухаметова 2006:79). Иногда сам говорящий интерпретирует риторический вопрос, то есть расшифровывает смысл *намёка*, который он вкладывает в риторический вопрос, а иногда расшифровка *намёка* содержится в ответной реплике собеседника, привлекающего к ответу различные фоновые знания.

Рассмотрим такие контексты (в нижеприводимых примерах фрагменты контекста, содержащие расшифровку *намёка* или требующиеся для расшифровки

намёка фоновые знания в ответной реплике собеседника, выделены подчёркиванием):

1) – Мы в своё время слышали немало обещаний по поводу того, что мы получим суперинвестиции после ухода из Восточной Европы, // что вот, ещё немножко, мы заживём как в сказке после развала Советского Союза, // что сейчас придут западные капиталы, и будет просто прекрасно жить. // Но где эта сказка? // Где эти капиталы? // Где эти инвестиции? // Всё это проедается, / так сказать, / тратится, / и так далее. //

ОС: «Курилы: острова раздора»

5 канал (СПб), 00:14:28

Как видно из примера 1, выводимая форма (в отрицании: *нет сказки, нет капиталов, нет инвестиций*) в восприятии слушающего как бы оказывается первичной по отношению к основному смыслу, следующему из этой формы.

2) – Мы уже несколько структур в последнее время создавали. // Будем отмечать двадцать лет, по-моему, СНГ в этом году. // При этом, / что сегодня из себя представляет эта организация, / двадцать один, / да, / слабо понятно, / потому что все уже говорят про ЕврАзЭС и Таможенный Союз, / хотя СНГ никто не отменял. // Ощущение, что это не работает, но мы пытаемся вот что-то новое / всё создавать и создавать. // А где эти ключевые наши партнёры? // Где эти настоящие друзья, которые всегда с нами? // Вот несмотря ни на что? //

– Ну, настоящих друзей несмотря ни на что в политике не бывает.

ОС: «Новый «Железный занавес»

5 канал (СПб), 01:23:42

3) – Вы два журналиста, которые, по логике, в понимании вот таких людей, которые способствуют Джулиану Ассанжу, и знаете больше, чем

*обычные люди, / правильно, / потому что Вы ближе всего стоите к политике. // Как Вы считаете, / из того, что Вы знаете, / всем / всё / **надо** знать? //*

– Я считаю, что нет. В современном мире, конечно, нет.

НП с Маргаритой Симоньян

НТВ, 00:21:00

Всё же нужно отметить, что назначение тактики *риторического вопроса* не в том, чтобы актуализировать в представлении слушающего о действительности некоторые сущности, а, актуализировав их, одновременно указать на отсутствие таковых в реальной действительности. Таким образом, *дискурсивным фактором* при реализации *ИТР риторического вопроса* является возможность акцентировать внимание слушающих на наиболее значимых социальных вопросах. Мотивом говорящего и является такое желание. Контексты *намёка* такого типа можно описательно представить как «*Я намекаю на то, что указываемые мною факты действительности, на самом деле, не существуют по некоторым определённым причинам*».

2.2.2. Намёк-осуждение

2.2.2.1. Ситуация осуждения

По определению словарей, *осудить* – «выразить неодобрение кому-, чему-либо; счесть дурным, плохим» (БТС: 735); «в уме, мыслях оценить отрицательно, неодобрительно» (РСС, Том IV: 239).

Как показал наш материал, референтом сложного высказывания, с помощью которого говорящий субъект выражает осуждение, могут являться три типа ситуаций: 1) осуждение по отношению к обсуждаемым наполнителям фрейма; 2) осуждение собеседника; 3) осуждение обсуждаемой ситуации в целом.

Приведём контексты, в которых *намёк-осуждение* фиксируется описательным способом:

Пример 1:

*Кембриджский университет имел бы полное основание поставить своему профессору экспериментальной физики на вид, что он занимается не своим делом, а фантастическим применением сугубо мнимых кватернионов, объясняя явления света не упругими, а какими-то электрическими колебаниями неведомого эфира; но в это время физика в Англии была представлена такими знаменитостями, как В. Томсон, Г. Стокс, П.Г. Тэт, лорд Рэлей, которые вполне могли оценить и оценили гениальность произведения Максвелла, а также и все прочие его ученые заслуги; никто не осмелился сделать даже **намёк на порицание** Максвеллу, и в этом Кембридж оказался прав: прошло всего 10 лет после смерти Максвелла, и Гейнрих Герц дал блестящее экспериментальное подтверждение учения Максвелла. [НКРЯ: А. Н. Крылов. Отзыв о работах академика П. П. Лазарева (1930-1931)]*

Пример 2:

*Хотя я не буквально так говорил, но хотел как бы убедить их не доверяться немцам; внушить им, что мы не будем интеллигенцию арестовывать, что не будем упрекать людей, что они остались на территории, занятой противником, однако желаем совместного с нами их отхода. Это обстоятельство больше всего меня беспокоило: я боялся, что мы отступим, а они останутся. Так и случилось! Но если сделаю я хоть какой-то **намёк на то, что осуждаю их поступок** в случае, если они останутся, то это прозвучит угрозой. Следовательно, тогда они убежали бы на запад с немцами. Этого-то я и боялся. Мне хотелось, чтобы по Харькову разнесся слух, что в любом случае не будет репрессий. [НКРЯ: Никита Хрущев. Воспоминания (1971)]*

Среди эксплицитных средств выражения осуждения в рассматриваемом типе дискурса были выявлены только лексические способы: когда осуждение того или иного факта осуществляется через отрицательную оценку говорящим субъектом обсуждаемых фреймов:

1) – *Интернет* – / это территория повального хамства, / постоянной несдержанности <...>. // Вот, что делать? //

ОС: «Сказал – отвечай!»

5 канал (СПб), 01:24:40

2) – *Госдума* – / это действительно взбесившийся принтер. //

ОС: «Чисто по-русски»

5 канал (СПб), 00:26:46

Рассмотрим контексты имплицитного осуждения в ИТР, для которых ИПР можно рассматривать как «Я осуждаю некоторые события действительности, собеседника или обсуждаемую ситуацию в целом».

2.2.2.2. Реализация намёка-осуждения в ИТР

Тактикой, рассчитанной на наибольшие затраты когнитивных усилий со стороны собеседника при интерпретации намёка, является *ИТР цитирования*. С помощью этой тактики выражается неодобрение либо по отношению к цитируемым лицам, либо по отношению к самому собеседнику, в случае цитирования его слов.

Дискурсивным фактором, определяющим невозможность выражения осуждения некоторым лицам прямым способом, является невозможность прямого осуждения в виду этических соображений: говорящий субъект не может позволить себе прямое осуждение лиц, поскольку считает для себя такое поведение недостойным. Важно отметить, что в данном случае говорящий не столько боится показаться невежливым, сколько потерять лицо, поскольку считает, что объект осуждения его заслуживает. Помимо боязни потерять лицо, в мотив говорящего в таком случае входит и дискредитация цитируемых лиц. В связи с этим дополнительной коннотацией при *ИТР цитирования* всегда является отрицательная характеристика цитируемых лиц.

В качестве *реактивного маркера* со стороны слушающего может выступать молчание-обдумывание.

Приведём контексты такого вида *намёка-осуждения*:

Речь в диалоге идёт о благотворительном концерте музыкантов в Японии после землетрясения 2011-го года:

1) – *Все наши журналисты начинали / своё интервью с одного вопроса, / все. // Угадайте, с какого. //*

– *Куда пойдут эти деньги?*

– *«Скажите, а почему вы помогаете Японии?» / (молчание) / У людей какая-то деформация психики происходит, понимаете? / А я не знаю, как ответить на этот вопрос. // Потому что нормально было бы спросить, почему Вы не помогаете. //*

НП с А.Макаревичем

НТВ, 00:24:12

Как видно из примера 1, при ИТР цитирования пропозициональная структура высказываний, содержащих *намёк* на осуждение, представляет собой прямое цитирование чужих слов. Иными словами, контекст высказывания, содержащего *намёк*, образуется чужой речью, а маркерами *намёка* выступают просодические характеристики этого высказывания, а также «коммуникативно значимое молчание» (Богданов 2007: 174), которое входит в контекст *намёка*. Так, в приведённом выше примере чужая речь, приводимая говорящим субъектом как дословная цитата, произносится в быстром темпе, после чего следует молчание говорящего, коммуникативная значимость которого состоит в том, чтобы дать собеседникам возможность понять *намёк* на осуждение цитируемых лиц. Именно этими просодическими особенностями передаётся значение осуждения. Пользуясь выражением Е.Г. Сомовой, можно сказать, что такими просодическими особенностями в данном случае создаётся так называемый «голосовой имидж» (Сомова 2006: 267) говорящего.

Особенностью контекстов *намёка-осуждения* этого типа является упоминание или прямое название отрицательно характеризующихся говорящим субъектом лиц (в вышеприведённом примере: *журналисты*).

Отрицательная характеристика в приведённом примере сводится к осуждению российских журналистов, а также всего российского общества, в связи с их моральными качествами, поскольку, по мнению говорящего, людям необходимо помогать друг другу в беде вне зависимости от принадлежности к той или иной национальности.

Приведём ещё один пример, когда осуждение цитируемых лиц выражается просодически:

2) – *Вы закончили консерваторию. // Ну, казалось бы, ну, штучная профессия! // Что-то вот Вы себе как-то представляли, // все говорят: «**Надо** быть прагматичным. // **Надо думать**, / как ты там через 30 лет, / где будешь работать». // Вы вообще реально могли себе представить? //*

ОС: «Страна лишних людей»

5 канал (СПб), 00:30:00

В приведённом примере просодическими характеристиками *намёка-осуждения* цитируемых лиц является расположение акцентного выделения на словах, представляющих собой «опорные точки» (Николаева 2004: 82) обсуждаемого фрейма (выбор профессии) с растягиванием ударного гласного в этих словах (в примере отмечены подчеркиванием): ***надо, думать***. Приводимыми словами говорящий отрицательно характеризует лиц, произнёсших эти слова: в выборе профессии не надо быть прагматичным, не надо думать, кем ты будешь через тридцать лет, а выбирать то, чем действительно хочется заниматься.

Показательным является случай, когда в контексте *намёка-осуждения ИТР цитирования* сопровождается комментарием говорящего субъекта, характеризующего чужую речь лексически (в нижеприведённом контексте выделено полужирным шрифтом):

3) – *Нас вот пугали, пугали.* / *Всё говорили: «Будьте осторожней».* / *К счастью, обошлось.* / *Но полное ощущение, / что чем-то пугали, / а ничего не случилось. //*

ОС: «Кто подложил свинью»

5 канал (СПб), 00:17:49

В приведённом контексте акцентное выделение располагается на лексемах, с помощью которых содержание чужой речи передается описательным способом (выделено подчеркиванием в контексте): *пугали, пугали*, – вероятно, поэтому сама чужая речь не содержит никаких отличительных просодических черт. В вышеприведённом примере осуждается поведение лиц, которые безосновательно долго запугивали граждан опасностью свиного гриппа.

Приведём ещё один пример цитирования чужой речи, на этот раз собственно собеседника:

Собеседники обсуждают создание нового семейного кодекса:

4) – *Поэтому, видимо, найдём другого бизнесмена, / который лучше разбирается в Семейном кодексе. //*

– Но он тоже его будет под себя делать, да? //

– Ну, / под свою семью, наверное. //

– Ну, наверное. // И под Вашу, может быть, всё-таки? //

– Под мою будущую?

– Да. //

– Ну, / как пойдёт. //

– Всё-таки «как пойдёт», да? / Ничего для себя Вы не исключаете? //

– Вообще не исключая ничего. //

НП с М. Прохоровым

НТВ, 00:21:34

Нужно отметить, что *ИТР цитирования* используется именно для отрицательной характеристики обсуждаемых лиц. Контекстов с *ИТР цитирования*, когда цитируемые лица характеризовались бы с положительной стороны, на нашем материале выявлено не было.

Нужно отметить, что цитация как приём экспликации скрытых смыслов является широко изученным средством на материале письменных публицистических и, главным образом, художественных текстов (Арнольд 1992; Масленникова 1999). Главным отличием цитаты в устном межличностном общении от цитаты в письменных текстах является, несомненно, её неавторитетность в первом случае: в замысел говорящего субъекта в устном межличностном общении всегда входит отрицательная характеристика самого цитируемого лица, а не включение содержания цитаты в собственный смысл того или иного произведения, как это происходит в случае с художественным текстом: «писатель или поэт задаёт задачу читателю, которую тот должен разрешить» (Масленникова 1999: 89); «цитация вплетается в авторский текст, способствуя созданию двуголосья с интертекстом» (Масленникова 1999: 89).

На цитацию на материале устной речи как на повтор предшествующего высказывания собеседника в аспекте связности реплик диалога обратил внимание Е.Н. Ширяев, отмечая, что «такой повтор бывает эмоционально окрашен, он несёт в себе элемент удивления, непонимания по поводу содержания цитируемой реплики, и иногда даже звучит как «передразнивание» (Ширяев 2001: 138).

В рассматриваемом нами случае прямая цитата имеет основную иллокутивную цель *осуждения* цитируемых лиц.

Этот тип *намёка* можно описательно представить как «*Я намекаю, что осудительно отношусь к цитируемым лицам*».

Более прозрачным *намёком* на осуждение является его реализация посредством *ИТР замалчивания*. Пропозициональная структура высказываний, с помощью которых оформляется *ИТР замалчивания*, содержит местоименные дейктические комплексы, например: *то..., что; тех ..., которых* (в тексте далее выделены полужирным шрифтом). В качестве реактивных маркеров могут

выступать речевая реакция непонимания (*–Завуалированно говорите; –Как Вы понятно все объясняете*) и молчание-обдумывание.

Дискурсивным фактором, определяющим выбор настоящей ИТР, является необходимость соблюдать нормы этикета, с одной стороны, а, с другой стороны, невозможность сокрытия своей позиции.

Мотив говорящего при *ИТР замалчивания* в этом случае сводится к желанию продемонстрировать высокую компетентность в обсуждаемых вопросах, поскольку, замалчивая информацию, свою оценку, он ожидает дальнейших расспросов от собеседника.

Рассмотрим контексты *намёка-осуждения* в *ИТР замалчивания*, когда осуждению подвергаются наполнители фреймов:

1) – *<...> и в результате случилось то, что случилось. //*

– Завуалировано говорите. //

ОС: «Нужна ли России монархия?»

5 канал (СПб), 01:27:19

2) – *Это вообще характеризует демократическую ситуацию в стране, / где деньги тратятся на то, на что их можно не тратить. //*

ОС: «Выбираем директора школы?»

5 канал (СПб), 01:23:00

3) – *А контрактное право у нас осуществляется / в любых кабинетах, кроме тех, в которых оно должно осуществляться. //*

ОС: «Усиление государства: панацея от кризиса?»

5 канал (СПб), 00:11:03

Как видно из примеров, высказывания, содержащие *намёк-осуждение*, представляют собой резюмирующие оценивающие утверждения, в которых осуждению подвергаются наполнители фреймов.

Предваряющий *намёк-осуждение* настрой на восприятие резюмирующего утверждения усиливает конечную цель выражения осуждения. Показателями иллокутивной силы, обеспечивающими эту функцию, являются маркеры верхней границы контекстов *намёка-осуждения*. Как видно из примеров, ими являются маркеры с общим значением резюмирующей оценки: *в результате* (пример 1), *это вообще характеризует* (пример 2), некоторое суждение, вводимое присоединительной конструкцией с союзом <А ...>, оформляющей некоторый вывод из сказанного ранее (пример 3).

Отличительной лексико-грамматической характеристикой *ИТР замалчивания*, построенной по такому типу, является повтор предиката из первой части дейктического комплекса во второй части дейктического комплекса: *случилось то, что случилось; деньги тратятся на то, на что их можно не тратить; контрактное право у нас осуществляется в любых кабинетах, кроме тех, в которых оно должно осуществляться*. В результате таких повторов возникает эффект обманутого ожидания, поскольку новая, ожидаемая информация замалчивается. Происходит это и потому, что установка на дальнейшее раскрытие информации задаётся семантикой указательных местоимений, содержащихся в первой части дейктических комплексов: *то, что; то, на что; кроме тех, в которых*.

Ещё одной лексико-грамматической характеристикой *намёка-осуждения* в *ИТР замалчивания* такого типа является вуалирование осуждаемых лиц, представляющих семантический агент таких высказываний, с помощью пассивных конструкций: *деньги тратятся, право осуществляется*. Осуждению подвергаются действия определённых людей, ответственных за их исполнение, а значит, и сами люди. При этом говорящему могут быть неизвестны конкретные лица, – тем не менее, осуждение производимых ими действий является и осуждением ответственных за эти действия лиц: *деньги тратятся людьми, право осуществляется людьми, а то, что случилось, является результатом человеческой деятельности*.

ИТР замалчивания в целях осуждения обсуждаемых наполнителей фреймов может быть также реализована зеркальным повторением структуры пропозиции в рамках одного высказывания (в примере 4 выделено подчёркиванием):

4) – Но есть вузы, / и есть вузы.

– Как Вы понятно всё объясняете!

– <...> существовало две тысячи филиалов, которые давали дипломы как Московского государственного университета, где тоже было написано «юрист», но этот юрист видел преподавателя за пять лет один раз. Может быть, такие филиалы всё-таки надо закрывать.

ОС: «Страна лишних людей»

5 канал (СПб), 00:26:36

Рассмотрим подробнее пример 4.

В первой части высказывания (*Но есть вузы, <...>*) лексема *вузы* маркирована акцентным выделением (в примере 4 выделено полужирным шрифтом), во второй же части высказывания (*<...>, и есть вузы*) такое маркирование отсутствует. Таким образом, акцентное выделение в этой конструкции способно существенно менять семантику сопологаемых идентичных объектов (в настоящем примере: *вузов*), противопоставляя их по какому-либо одному признаку. Таким признаком в вышеуказанном примере является *качественность/некачественность работы вузов*: маркированная акцентным выделением лексема (*Но есть вузы, <...>*) соотносится с качественно работающими вузами с хорошей репутацией, немаркированная (*<...>, и есть вузы*) – с некачественно работающими вузами с плохой репутацией. Насколько можно судить по реакции собеседника, такой тип *намёка* прочитывается вполне однозначно, и может вызвать ироничную интерпретацию (– *Как Вы понятно всё объясняете!*).

Нужно отметить, что, несмотря на кажущуюся простоту оформления *ИТР замалчивания* таким способом, *ИТР замалчивания*, организованная способом

зеркального повторения пропозициональной структуры, употребляется очень редко. Видимо, это объясняется тем, что, как мы уже сказали, в качестве наполнителей левой и правой части пропозиции могут выступать только идентичные объекты, которые противопоставляются в действительности по одному отличающему их признаку. По-видимому, редкость этой конструкции объясняется тем, что идентичные объекты редко являются предметом обсуждения в телепередачах рассматриваемого типа.

ИТР замалчивания часто применяется в целях осуждения конкретных лиц, что чаще всего выражается в конструкциях с модусом знания (в примерах 5-6 выделено подчёркиванием), где информация о конкретных лицах замалчивается при помощи относительных местоимений в начальной позиции придаточных предложений (выделено полужирным шрифтом). В случае осуждения этих лиц относительные местоимения часто маркированы акцентным выделением:

5) – Мы прекрасно знаем, **кто** устраивал революцию. //

ОС: «Русские или россияне»

5 канал (СПб), 00:54:21

б) – Я напоминаю, / что так называемая межнациональная рознь, / она была порождена отнюдь / не наличием / или отсутствием графы в паспорте. // Она была порождена совсем другими причинами, / например, / милым поведением представителей некоторых национальностей, / которые, / как та самая кошка, которая знает, чьё мясо съела, / сейчас хотят, в чем, / как Вы сами это / объяснили, / шифроваться, / и мы знаем, **кто** это делает.

ОС: «Горжусь своей национальностью»

5 канал (СПб), 00:27:53

Нетрудно заметить, что примеры 5-6 демонстрируют также возможность указания на конкретные лица, но всё же, как видно из примеров, основная иллокутивная цель сводится к осуждению этих лиц, а семантика осуждения

возникает либо при подчёркнутом нежелании указывать на лица (пример 5: *Мы прекрасно знаем <...>, – но не назовём эти лица, поскольку осуждаем их*), либо же это становится ясно из левого контекста (пример 6: *<...> милым поведением представителей некоторых национальностей, / которые, / как та самая кошка, которая знает, чьё мясо съела, / сейчас хотят, в чем, / как Вы сами это / объяснили, / шифроваться*).

Мотивом использования *ИТР замалчивания* в данном случае выступает не только желание говорящего продемонстрировать своё неодобрение, но и пренебрежение по отношению к осуждаемым лицам.

ИТР замалчивания может быть также использована в целях осуждения некоторой обсуждаемой ситуации в целом. Среди средств, служащих для выражения осуждения по отношению ко всей обсуждаемой ситуации в целом, были выявлены резюмирующие речевые клише (в последующих примерах выделены полужирным шрифтом), такие как: *это уже другой вопрос; вот это, конечно, вопрос; это другая история; если <...>, то Вы меня извините*.

Приведём примеры таких контекстов:

7) – *Я тоже хочу, чтобы первомайские демонстрации были свободными и с настроением, / куда прийти с ребёнком, / с внуком, / где должна быть радость. // Но когда по разнарядкам собирают, // но / **это уже другой вопрос.** //*

ОС: «100 лет Правды»

5 канал (СПб), 00:33:10

8) – *В то же самое время есть и критика. // Пишут нам в Твиттере: / бюджетников можно сокращать в разы, / половина из них и на свои пять-шесть тысяч не работает. // В коммерции они просто были бы не нужны. // **Вот это, конечно, вопрос**, насколько это могло бы произойти.*

ОС: «Хочу быть бюджетником!»

5 канал (СПб), 00:53:39

9) – <...> Она сказала буквально следующую фразу: // чеченец / в южной какой-то области, не будем даже сейчас, ну, / пусть, / в Краснодарской области, / убил русского парня, потому что он не был зарегистрирован, вот и всё. // Вот в этом вот три кита вместе слились. //

– Но из этого какой вывод?

– Даже не чеченец, она сказала, она сказала: «гражданин Чеченской Республики».

– А, / **вот это другая история.** //

ОС: «Горжусь своей национальностью»

5 канал (СПб), 00:25:40

10) – Валерий Владимирович, / понимаете, / мы с господином Шмаковым знакомы, / и, в общем, не плохо к нему относимся, / но, **если** господин Шмаков полагает, что по всей стране, вот, / все эти регионы, / где там пять, семь, четыре тысячи зарплаты средние, / все профсоюзы утвердили, / **то Вы меня извините.** //

ОС: «Работа и зарплата»

5 канал (СПб), 00:52:15

Как видно из примеров, указанные речевые клише всегда маркируют либо нижнюю границу высказываний, с помощью которых говорящий выражает осуждение (примеры 7, 8 и 10), либо могут представлять собой отдельное высказывание, являющееся реакцией на ситуацию, описываемую собеседником (пример 9). Как видно из контекстов, такие клише тоже представляют собой резюмирующие высказывания.

В случае использования речевых клише для осуждения всей ситуации в целом, мотив говорящего совпадает с целью сообщения. Такую ситуацию можно описательно представить как «Я намекаю, что осуждаю такое положение вещей».

Ещё одной тактикой, при использовании которой осуждению могут подвергаться обсуждаемые лица, объекты и события действительности, является *ИТР метафорического сравнения*. При этом *дискурсивным фактором*, способствующим выбору *ИТР метафорического сравнения* как способа осуществления *намёка* в целях осуждения, является этический фактор. При этом его нарушение приводит к оказанию наибольшего эффекта на собеседника в виду использования негативного образа.

Как показала Н.Д. Арутюнова, «ресурс метафоры – сдвиг в классификации объекта, включение его в тот класс, которому он не принадлежит» (Арутюнова 1990: 81). При этом «отправная точка метафоры – предметы мира, служащие темой сообщения», которые «соответствуют субъекту метафорического выражения (образа), выполняющего характеризующую функцию» (Арутюнова 1990: 82).

Рассмотрим контексты *намёка-осуждения* в *ИТР метафорического сравнения*:

1) – Что же касается / прочей политики / Лукашенко, / то, как здесь уже было правильно отмечено, это / политика реактивная. // Лукашенко / мне напоминает популярную табличку / дорожную: // «Водитель, помни: телеграфный столб бьёт по автомобилю только в порядке самообороны». // Когда на Лукашенко пытаются наезжать, / реакция, примерно, такая же, как у телеграфного столба. //

– Красивый Вы образ создаёте.

ОС: «Новый «железный занавес»»

5 канал (СПб), 00:22:37

Как видно из примера *1*, метафорический перенос служит функции осуждения лица за счёт его характеристики через посредство нелицеприятного образа (выделено полужирным шрифтом). Рассмотрим механизм действия метафорического сравнения в приведённом выше контексте.

Так, в приведённом нами примере упомянутое лицо сравнивается с предметом из мира вещей: столбом, который может упасть, если его собьёт машина. Обыденная ситуация из мира вещей переосмысливается говорящим субъектом как ситуация самообороны, в которой обсуждаемому лицу отказывается в способности мыслить, оценивать ситуацию и проявлять гибкость (в контексте выделено подчёркиванием): *Когда на Лукашенко пытаются наезжать, реакция, примерно, как у телеграфного столба.*

Характерным свидетельством того, что *намёк* является нелицеприятным, осудительным, является реакция собеседника, воспринимающего *намёк*, являющегося ведущим программы, и следовательно, ответственным за всё, что произносится: ведущий, он же собеседник и слушающий, пытается сгладить *намёк-осуждение*, пресекая его: – *Красивый Вы образ создаёте.*

Частой разновидностью *ИТР метафорического сравнения* являются случаи, когда в качестве привлекаемых для сравнения образов используются образы пословиц и крылатых слов. Так, *ИТР метафорического сравнения* через пословицу для целей имплицитного осуждения обсуждаемых лиц является очень распространённой тактикой в рассматриваемом типе русского устного межличностного дискурса. Пользуясь выражением В.П. Аникина, можно сказать, что это обусловлено «вездесущностью пословиц» (Аникин 1988: 3), тем, что «они касаются всех предметов, вторгаются во все области человеческого бытия» (там же).

Применительно к цели *осуждения*, использование пословицы и крылатых выражений является очень удобным имплицитным способом её выражения, поскольку позволяет вуалировать выражение «предосудительной коммуникативной цели» (Арутюнова, Падучева 1985: 28). При этом пословица, используемая в целях *осуждения*, всегда реализует переносный план своего употребления. Нужно отметить, что настоящий факт лишний раз подтверждает точку зрения В.П. Жукова о том, что пословицы могут иметь либо как буквальный, так и переносный план, либо только переносный план, в то время как поговорки имеют только буквальный план (Жуков 2000: 11). Крылатые слова

функционально предназначены для использования в переносном плане, поскольку, имея «литературный, или конкретно-исторический источник» (Ашукин, Ашукина 1988: 5), они не могут иметь в естественной речи иного употребления, кроме переносного. Именно этой особенностью пословиц и крылатых слов обусловлена возможность их функционирования в *ИТР метафорического сравнения*.

Рассмотрим контексты *намёка-осуждения* в *ИТР метафорического сравнения* через пословицу:

2) – *Есть присутствующие, которые жили в СССР: это я. // Потом перешли плавно в Перестройку, / потом окунулись / в некапитализм, как Вы правильно сами говорите. // <...>. И поэтому **я думаю, что** так: / идеология зависит от каждого из нас / взятого, / но в первую очередь от **головы**, / с **которой всё гниёт**, / на мой взгляд. //*

– *Вы о ком опять, Оля?*

– *Ну, о том. / **О той большой, / хорошей, / умной голове** / <...>*

– [перебивает] *Слушайте, ну двадцать лет назад эти люди собрались и решили, что не будет Советского Союза больше.*

– *Не будет, и никогда теперь не будет, и, самое, что главное, как было всё развалено, так всё дальше и будет разваливаться.*

ОС: «Назад в СССР»

5 канал (СПб), 00:51:08

В примере 2 *намёк-осуждение* обсуждаемых лиц осуществляется за счёт использования парафразы пословицы *Рыба с головы гниёт* (в тексте выделено полужирным шрифтом). По данным словаря, эта пословица имеет следующее толкование: «распад, разложение, беспорядки и т.п. в какой-л. среде, коллективе начинаются прежде всего сверху» (Жуков 2000: 278). Таким образом, метафорически, осуждающе, оценивается верхний политический пласт общества,

который, как считает говорящий субъект, ответственен за распад Советского Союза, а, следовательно, за отсутствие порядка в настоящем.

Маркером наличия *намёка-осуждения* обсуждаемых лиц в словах говорящего субъекта можно считать ответную реакцию слушающего, собеседника, являющегося в том числе ведущим передачи: слушающий пытается пресечь *намёк-осуждение*, перебивая говорящего (в тексте выделено подчёркиванием): *Вы о ком опять, Оля?; Слушайте, ну двадцать лет назад эти люди собрались и решили, что не будет Советского Союза больше.*

Рассмотрим ещё один пример с использованием в контексте *намёка-осуждения* пословицы:

3) – *Давайте будем честно говорить. / У нас есть любимая поговорка, // хорошая русская поговорка, / то есть плохая русская поговорка, / но тем не менее //: бей своих, чтобы чужие боялись. // Понимаете, вот, бей своих, чтобы чужие боялись. / Мы так любим ругать всё своё, / и всё у нас всегда всё хуже, / дороги. // Часто это бывает правда. / Вот что сделать, чтобы этого не случилось в Сочи? //*

ОС: «Сочи. Год до старта»

5 канал (СПб), 00:52:55

В примере 2 *намёк-осуждение* осуществляется за счёт использования в контексте *намёка* парафразы пословицы «Бей своих – чужие будут бояться» (Даль 1879: 312), смысл которой расшифровывается говорящим субъектом в правом контексте: *Мы так любим ругать всё своё, и всё у нас всегда всё хуже, дороги.* Расшифровке смысла предшествует «коммуникативно значимая» пауза (Богданов 2007: 178; Богданов 1986), назначение которой состоит в том, чтобы дать слушающему время на обдумывание *намёка*. При этом смысл, вкладываемый говорящим субъектом, отчасти остаётся не раскрытым: ругая себя и стараясь запугать других, мы делаем хуже прежде всего себе, так как если ругать слишком много, то в результате действительно ничего хорошего не выйдет.

Приведём пример, когда в образовании контекста *намёка-осуждения* участвует крылатое выражение:

4) – **Вы знаете**, / *вообще-то*, / ***о покойном плохо не говорят*** [смех собеседника]. / *Я не хочу говорить, но а так и есть*. / Ну, / случилось. / *Римская Империя тоже распалась*.

ОС: «Назад в СССР»

5 канал (СПб), 00:37:10

Использованное в примере 4 выражение «*о покойном плохо не говорят*» является парафразой латинского выражения «О мёртвых или хорошо, или ничего», дословно: *De mortuis aut bene, aut nihil* (Бабичев, Боровский 1999: 138). При этом говорящий подразумевает под «покойным» строй Советского Союза, что звучит иронично и вызывает смех собеседника.

Рассмотрим особенности построения контекстов *намёка-осуждения* в ИТР *метафорического сравнения*. Так, отличительной особенностью контекстов *намёка-осуждения* в ИТР *метафорического сравнения* является наличие в правой части контекста, а именно, за высказыванием, непосредственно содержащим *намёк*, расшифровки говорящим того смысла, на который он намекал (в вышеуказанных примерах выделено подчёркиванием): *Когда на Лукашенко пытаются наезжать, реакция, примерно, как у телеграфного столба (пример 1); ... как было всё развалено, так всё дальше и будет разваливаться (пример 2); Мы так любим ругать всё своё, и всё у нас всегда всё хуже, дороги (пример 3); Римская Империя тоже распалась (пример 4)*. Такая особенность правого контекста объясняется, по-видимому, стремлением говорящего к наибольшей ясности, понятности своих слов для собеседников: прибегая к пословицам и крылатым словам в естественной речи, говорящий зачастую может оказаться неправильно понятым именно в силу чрезвычайной гибкости переносного плана используемых парафраз. Другой отличительной особенностью контекстов *намёка* в ИТР *метафорического сравнения* с использованием парафраз пословиц и

крылатых выражений является использование в левой части контекста, непосредственно предшествующей высказыванию, содержащим собственно *намёк*, выражений, дающих установку на восприятие совершенно определённой информации (выделено полужирным шрифтом и подчёркиванием): *я думаю, что* (пример 2); *понимаете* (пример 3); *вы знаете* (пример 4), – представляющих собой апелляции к модусу мнения говорящего лица (как в примере 2), или к модусу знания собеседника (как в примерах 3 и 4).

Необходимо отметить, что использование пословиц в прагматических целях, в целях социального воздействия, уже являлось предметом лингвистического рассмотрения. Так, Т.М. Николаева (Николаева 1990) объясняет широкое использование пословиц в целях социального воздействия грамматическими особенностями компонентов, входящих в их состав. Исследователь отмечает, что «ведущими грамматическими категориями глагола и имени в пословицах являются: неактуальный статус глагола в настоящем времени, формы будущего времени, императива и инфинитива, неопределенный статус имени с семантикой всеобщности и тяготением к формам множественности, точнее, к нерелевантности числового показателя» (Николаева 1990: 232). В этом отношении представляется важным отметить, что, действительно, грамматические особенности входящих в состав пословицы или крылатых слов элементов имеют первостепенное значение в оказании прагматического эффекта на слушающего: это подтверждается тем, что, несмотря на то, что пословицы и крылатые слова представлены в различных парафразах, все ключевые грамматические категории не подвергаются изменениям. Так, в примере 2 и 4 глаголы-предикаты имеют формы настоящего времени (*гниёт, не говорят*), а в примере 3 – форму императива (*бей*). Имена, как справедливо отметила Т.М. Николаева, имеют семантику «всеобщности»: в примере 2 – *голова*, а в примерах 3 и 4 субъект предложения формально остаётся не выраженным. Все указанные грамматические особенности рассмотренных пословиц и крылатых слов позволяют, как уже было нами отмечено, представить осуждаемые компоненты некоторой ситуации или всю ситуацию описательно,

через метафорический перенос, и тем самым сгладить *намёк* на их осуждение. В связи со сказанным представляется возможным сделать следующий вывод о мотивах говорящего, прибегающего к использованию *ИТР метафорического сравнения* в целях осуждения: пословицы и крылатые слова в таком случае используются не в целях поучения, а позволяют говорящему представить осуждение некоторой ситуации не с личной точки зрения, а с всеобщей, чему способствуют рассмотренные грамматические особенности их структуры.

Отметим, что в случае *ИТР метафорического сравнения* через пословицу мотив говорящего составляет, помимо желания осудить некоторую ситуацию, ещё и желание представить её в наиболее общем плане с тем, чтобы сохранить своё лицо, избегая прямого осуждения, и вместе с тем оказать наибольший по силе прагматический эффект.

Ещё одной тактикой, используемой в целях осуждения собеседника в рассматриваемом типе дискурса, является *ИТР констатации*.

В случае применения этой тактики *дискурсивным фактором* является фактор вежливости, в виду которого говорящий субъект не может прямо обозначить область осуждения, поэтому он прибегает к непрямому способу: констатации некоторых признаков, присущих собеседнику, которые говорили бы сами за себя: подводили бы слушателя к выводу о том, что конкретно осуждает говорящий; либо констатации признаков, не присущих собеседнику, в сравнении с которыми он и осуждается говорящим. Мотив говорящего в случае *ИТР констатации* совпадает с целью осуждения.

Рассмотрим контексты имплицитного *осуждения* в *ИТР констатации*:

1) – Видите, Владимир Джикович, мы просто видим Ваши дорогие *автомобили, богатые офисы, и не понимаем, чем Вы занимаетесь.* //

ОС: «Наличность – под запрет?»

5 канал (СПб), 00:49:04

В приведённом примере ИТР *констатации* реализуется введением пропозиции посредством модуса восприятия: *видим*, – и усиливается за счёт частицы *просто*, имеющей в данном контексте значение «всего лишь; всего-навсего» (БТС: 1027). Другими словами, *намёк-осуждение* такого типа можно всегда перефразировать следующим образом: *мы всего-навсего отмечаем то, что действительно есть, и чего нельзя не заметить*. Таким образом, в примере 1 указанная лексико-грамматическая конструкция (*мы просто видим ...*) выполняет роль маркера иллокутивной силы высказывания, подготавливающего к восприятию констатации.

Отличительной просодической чертой тактики *констатации* является выделение констатируемых фактов с помощью акцентного выделения. Так, в приведённом примере акцентное выделение располагается на лексемах *автомобили, офисы* (в тексте выделены полужирным шрифтом). В настоящем случае семантика осуждения поддерживается лексическими значениями прилагательных, формирующих вместе с акцентно выделенными словами атрибутивную именную группу: *дорогие автомобили, богатые офисы*.

Приведём ещё один пример:

2) – *Вы поймите, что люди-то, / им не нравится, что / они тоже **нашут каждый день**, они сидят в **поликлиниках**, в **школах**, они учат **детей** наших, они не понимают, чем **Вы там в Москве**, вот там, в Думе, / намного лучше, / почему Вы в пятнадцать раз лучше, чем они? //*

ОС: «Работа и зарплата»

5 канал (СПб), 01:04:56

В примере 2 показателем иллокутивной силы осуждения, дающим установку на восприятие констатации, является апелляция к модусу знания собеседника (*Вы поймите, что <...>*), а также, как и в примере 1, акцентно выделенные, констатируемые, наполнители фрейма (в тексте примера 2 выделены полужирным шрифтом).

В целях осуждения лиц, как показали результаты настоящего исследования, в русском устном межличностном дискурсе применяется также ***ИТР субъективной интерпретации***.

Дискурсивным фактором в случае применения этой ИТР является возможность провоцирования собеседников и их стимулирования к дискуссии.

Как правило, *ИТР субъективной интерпретации* реализуется посредством ввода пропозиции словами с семантикой сожаления (в примерах 3-4 выделены полужирным шрифтом). В этом случае, как уже было сказано, для выражения осуждения говорящий субъект констатирует субъективно интерпретируемый факт (в примерах 3-4 выделено подчёркиванием) из жизни обсуждаемых лиц или собеседника (в примерах 3-4 выделено полужирным шрифтом и подчёркиванием).

Приведём примеры таких контекстов:

3) – ***Но, к сожалению, либералы, они готовы защищать именно эту девушку, потому что её уволила государственная компания Аэрофлот, / это значит, Путин решил уволить сторонницу Pussy Riot.*** //

ОС: «Сказал – отвечай!»

5 канал (СПб), 01:24:11

4) – ***Мне очень жаль, что / господин Крылов на вопрос, кто он, / единственное, что может сделать, это показать свой паспорт, только для того, чтобы доказать, что он хороший.*** / Мне кажется, что это довольно странно. /

ОС: «Горжусь своей национальностью»

5 канал (СПб), 00:10:53

Так, в примере 3 осуждению со стороны говорящего субъекта подвергаются обсуждаемые лица (*либералы*) посредством субъективной констатации их поведения (<...>, *потому что её уволила государственная компания Аэрофлот*), а в примере 4 говорящим осуждается непосредственный собеседник (*господин*

Крылов) через констатацию произнесённых им слов (*единственное, что может сделать, это показать свой паспорт, только для того, чтобы доказать, что он хороший*).

В виду указанных особенностей оформления *ИТР* субъективной интерпретации можно сказать, что мотив говорящего в данном случае составляет дискредитация обсуждаемых лиц.

Намёк на осуждение собеседника осуществляется при помощи *ИТР явного сравнения* и выражается, преимущественно, лексически, с помощью конструкций с семантикой сравнения (в примерах 1 и 2 выделено полужирным шрифтом и подчёркиванием). *Дискурсивным фактором* в случае применения этой *ИТР* является возможность провоцирования собеседников и их стимулирования к дискуссии. Мотив говорящего в таких случаях также состоит в желании дискредитировать собеседника.

Рассмотрим такие контексты:

1) – Мы с Андреем Вячеславовичем давно ведём дискуссию, / я согласен, что вопросов очень много, только // **моя-то разница в отличие от Андрея Вячеславовича в том, что я // не ищу вопросы, я ищу ответы.** // И / мне кажется, что Санкт-Петербург с точки зрения реформирования жилищно-коммунального комплекса всё-таки далеко обогнал Москву, Андрей Вячеславович, наверно, это знает. /

ОС: «ЖКХ на крючке»

5 канал (СПб), 00:14:00

2) – А Вы не боитесь, что Ваше чучело будут жечь в центре города?

– Я не боюсь, потому что если чучело делать моего размера, очень много материала уйдёт, поэтому невыгодно с экономической точки зрения делать моё чучело.

– А я думаю, что / для людей, / которые это будут делать, / деньги – не главное, / **в отличие от Вас.** //

2.2.3. Намёк-убеждение

2.2.3.1. Ситуация убеждения

По определению словарей, *убедить* – «в чём. Заставить поверить чему-либо, уверить в чём-либо» (БТС: 1362); «заставить поверить» (РСС, Том IV: 509). Оговоримся, что в настоящей работе, употребляя глагол *убеждать*, мы рассматриваем его как синоним к глаголу *уверять*, что позволяет относить этот глагол в таком случае к перформативным и рассматривать такой тип *намёка* как *намёк-убеждение* (на разграничение *убеждать* и *уверять* как неперформативного и перформативного глаголов в русском языке указала Е.В. Падучева (Падучева 2001)).

Под референтом сложного высказывания, содержащего *намёк-убеждение*, предлагается понимать такую ситуацию, при которой говорящий стремится убедить собеседника в своей точке зрения на темы, обсуждаемые в рамках фреймов. В этом состоит основная коммуникативная цель *намёка-убеждения*.

Приведём контекст, где *намёк-убеждение* представлен описательно:

Поэтому система крайнего деспотизма — она может быть очень стойкой, неколебимой. Но, к счастью, такого рода система, дойдя до какой-то критической точки, неизбежно впадает в маразм, становится недееспособной. Тогда власти сами начинают потихоньку откручивать гайки, и общественное сознание начинает пробуждаться. Когда Илья Эренбург опубликовал повесть «Оттепель» — со слабыми намёками на то, что в стране не всё благополучно, на него накинута свора цепных псов. Но — ничего не произошло! Я был ещё школьником, но очень хорошо помню это ощущение: лёд тронулся! Потом был Дудинцев, на которого тоже накинута свора цепных псов. [НКРЯ: Валерий Прайс. Семён Резник:

«Делай что должно, и пусть будет что будет...» (2003) // «Вестник США», 2003.10.29]

Наиболее распространённым средством осуществления *убеждения* эксплицитным способом является ввод пропозиции с помощью речевого клише *Согласитесь, что <...>*.

Приведём пример эксплицитного выражения убеждения (выделено полужирным шрифтом):

1) – Павел Николаевич, **согласитесь, что журналист тоже не может быть таким вот постоянно угодливым существом... Чего изволите, вот здесь помягче... Всё равно есть вещи, жёсткие, о которых надо писать жёстко.**

ОС: «Сказал – отвечай!»

5 канал (СПб), 00:49:28

Рассмотрим контексты имплицитного *убеждения* в иллокутивных тактиках речи. При этом *ИПР* сводится к: «Я убеждаю Вас в своей точке зрения, уверяю Вас в своей правоте».

2.2.3.2. Реализация *намёка-убеждения* в ИТР

Среди тактик речи, к которым прибегает говорящий в целях убеждения своих собеседников, была выделена только одна *ИТР*, а именно: ***ИТР метафорического сравнения***. С помощью метафоры говорящий субъект конструирует упрощённую модель обсуждаемого фрейма, чем достигает локальной цели убеждения. *Дискурсивным фактором*, способствующим выбору *ИТР метафорического сравнения*, является необходимость убеждать собеседников в своей точке зрения, используя различные средства. В данном случае таким средством оказывается метафора (в примерах 1 и 2 выделено полужирным шрифтом), поскольку предоставляет говорящему возможность представить упрощённую модель обсуждаемой ситуации. Желание казаться

наиболее убедительным и составляет мотив говорящего, прибегающего к использованию ИТР метафорического сравнения.

Приведём контекст намёка-убеждения в ИТР метафорического сравнения:

1) – Ну, Вы знаете, в семье тоже могут быть проблемы. / Папа в кризисной ситуации приносит получку домой / и говорит: / «Мама, / вот тебе такая-то сумма, / на неё надо купить то-то и то-то» / ну, допустим, хлеб, картошку, молоко, и так далее. // Вот. / А мама вместо этого идёт и покупает себе новую серию косметики. // Почему я об этом сказал? / Я напомним о том, / что / у нас определённым банкам были выданы большие суммы денег, / для того, чтобы поддержать их функционирование. // Функционирование этих банков означает, что граждане могут прийти и, допустим, / в банкомате этого банка снять себе денежку. // Кстати, / в том числе и зарплату. // В том числе и зарплату государственных чиновников. // Так вот эти банки закрыли свои банкоматы, / после того, как получили эту денежку. //

ОС: «Усиление государства: панацея от кризиса?»

5 канал (СПб), 00:17:49

Как видно из примера, сложное высказывание, представляющее собой намёк-убеждение в ИТР метафорического сравнения, строится за счёт привлечения метафорического сравнения: государство – папа, банки – мама.

Приведём ещё один пример контекста намёка-убеждения в ИТР метафорического сравнения:

2) – Бояться чего надо: что у нас вообще в стране нет сформированного образа будущего и воли воплотить этот образ.

– Здравствуйте, нам рассказали и про восемнадцатый и про тридцатый год ...

– *Это примерно как Вы садитесь в такси, Вас спрашивают, куда ехать, а Вы говорите: вот, если мы поедем со скоростью шестьдесят километров в час и повернём направо, то будем там, а если налево со скоростью восемьдесят километров в час, то будем там.*

– *А // Это Вы об относительности прогнозов. / Понятно. //*

ОС: «Заглянем в кошелёк»

5 канал (СПб), 00:56:45

Как видно из примеров 1-2, особенностью контекстов *намёка* в ИТР *метафорического сравнения* является то, что метафора в контексте *намёка* предшествует либо расшифровке *намёка* самим говорящим субъектом, либо его расшифровке собеседником (в тексте выделено полужирным шрифтом и подчёркнуто): *Почему я об этом сказал? Я напомню о том, что ...; так вот, эти банки закрыли свои банкоматы, после того, как получили эту денежку* (пример 1); *А ... Это Вы об относительности прогнозов. Понятно* (пример 2).

Если же метафора (в нижеприводимом примере выделено полужирным шрифтом) вводится в контекст убеждения эксплицитными средствами (выделено подчёркиванием и полужирным шрифтом), находится в правой части контекста, то есть следует за основным, уже выраженным смыслом сообщения, то она служит лишь упрощённой иллюстрацией к обсуждаемому фрейму, не имеет такого воздействующего эффекта и не является *намёком*.

Приведём пример такого контекста:

– *Пугать людей, / приводить их в состояние ужаса, миллионы людей, / это, ну, самое, вот, не побоюсь этого слова, дурацкое, / что можно сделать при любой угрозе, / не только при эпидемии. // Ну, / **граната в церкви.** // **У меня такой пример.** // **Кто-то крикнул: / «Граната в церкви». / Люди побежали, / передавили больше людей, чем граната бы убила.** // Вот это эффект любой паники. //*

2.2.4. Намёк-возражение

2.2.4.1. Ситуация возражения

Согласно определению словарей, *возразить* означает: «высказать несогласие с кем- чем-либо, высказать довод против чего-либо» (БТС: 144); «высказать своё несогласие с кем- чем-н.» (РСС, Том IV: 307). В настоящем исследовании под референтом высказывания, имеющим иллокутивную цель возражения, будет пониматься такая ситуация, в которой намерения говорящего состоят в выражении несогласия с мнением собеседника.

Приведём контексты, описывающие ситуацию *намёка-возражения* относительно мнения слушающего:

Пример 1:

Со своим «экзотическим» лагерным опытом и навыками жизни, приобретенными в заключении, я оказался как бы посторонним наблюдателем, знакомящимся с неведомыми нравами, манерой жить и думать. Более всего бросались в глаза всеобщая осмотрительность и привычка «не сметь свое суждение иметь»! И дружественно настроенный собеседник — при разговоре с глазу на глаз! — хмурился и смолкал, едва учуивал намёк на мнение, отличное от газетного. Одобрение всего, что бы ни исходило от власти, сделалось нормой. И оказалось, что в лагере, где быстро складываются дружба и добрая спаянность, где очень скоро выдают себя и «отлучаются от огня и воды» стукачи, мы были более независимы духом. Уже вне лагеря, на так называемой «воле», мне приходилось — самым неожиданным образом — слышать от людей «интеллигентных», великих знатоков в своей специальности, видных университетских фигур, суждения, точь-в-точь воспроизводящие расхожие пропагандистские доводы газетных передовиц. [НКРЯ: О. В. Волков. Из воспоминаний старого тенишевца (1988)]

Пример 2:

*Она просила Александру Федоровну повлиять на мужа и смягчить его, и Александра Федоровна, преисполненная добрых намерений, не смогла, как всегда, отказать старухе, но, пообещав, поняла, что взялась за невыполнимое. Невыполнимым это было потому, что хотя муж и обожал ее и она это ежеминутно ощущала, ибо любая ее прихоть исполнялась им мгновенно с расточительной щедростью любви и волшебства, однако это касалось лишь того фантастического карнавала, в котором она жила, и не должно было выходить за его рамки, а кроме того, все, в чем можно было бы усмотреть малейший **намёк на ошибочность его мнений**, ожесточало и отдаляло его. И тогда он говорил в каком-то отчуждении: «Вы же знаете, что это не в моих правилах. Вы судите об этом под воздействием вашего доброго слабого женского сердца, я же руководствуюсь государственными интересами, и разве все вокруг не есть доказательство моей правоты?» И она, любившая мир и благополучие в своей большой семье, молча сожалела о легкомысленном своем обещании. [НКРЯ: Булат Окуджава. Путешествие дилетантов (Из записок отставного поручика Амираана Амилахвари) (1971-1977)]*

Среди эксплицитных средств возражения, отмеченных нами на материале рассматриваемого в настоящем исследовании типа дискурса, были выделены прежде всего такие вводящие пропозицию предикаты, которые в своём лексическом значении содержат семантику возражения. К таким предикатам относятся: *думать* в значении «считать, полагать», *считать*, *согласен с отрицанием*.

Среди других средств осуществления *возражения* эксплицитным способом были выделены: прямой запрос на осуществление этого действия (*Можно мне возразить?*), лексически выраженное возражение (*Я против ...; Вы не правы*), а также грамматические конструкции со значением *возражения*, противления: *<А что, (...)?; Ну (так) и что, (...)?>*, начинающиеся неразложимыми сочетаниями союзов, или союзов с частицей *<ну (так) ...>*.

Все указанные лексические и лексико-грамматические способы представляют собой речевые клише, используемые для выражения возражения эксплицитным способом.

Приведём контексты эксплицитного *возражения*:

1) – **Можно** мне, как единственному либералу, **возразить**? // Я тут один! /
Дайте мне слово! //

Открытая студия: «Русские или россияне?»

5 канал (СПб), 01:05:43

2) – <...> но / **я против** закрытия вузов / уже хотя бы потому, что образование / даёт возможность развития личности. /

Открытая студия: «Страна лишних людей»

5 канал (СПб), 00:18:55

3) – Оно нет, / **Вы не правы**. / Эти люди потом нашли себя, / но в другой профессии. //

Открытая студия: «Страна лишних людей»

5 канал (СПб), 00:20:32

4) – Слушайте, / а мне кажется, нет. / **Я с Вами не соглашусь**. //

Открытая студия: «Хороший плохой злой»

5 канал (СПб), 00:53:28

5) – Но / это ведь касается не только интернета. / **А что**, / телевидение у нас не приносит того же самого зла в наши дома? / **А что**, пресса у нас другая? //

Открытая Студия: «В интернет по паспорту»

5 канал (СПб), 00:11:05

6) – **Ну так и что**, / журналистам можно хамить, по-вашему? //

Приведём контексты имплицитного *возражения* в *ИТР*, для которых *ИПР* предлагается рассматривать как «*Я возражаю против Вашего мнения*».

2.2.4.2. Реализация *намёка-возражения* в *ИТР*

Намёк на возражение, как показал исследуемый материал, осуществляется при помощи тактики, которую мы называем *ИТР обманутого ожидания*.

Принято считать, что термин *обманутое ожидание* был введён в лингвистический обиход Р. Якобсоном (Якобсон 1975: 210). В более современных исследованиях к феномену *обманутого ожидания* часто обращаются при изучении шутки в языке. Так, В.З. Санников, рассматривая механизм образования шутки, пишет, что она основывается на том, что «явление, кажущееся естественным, потом демаскируется как абсурд или ошибка и, тем самым, дискредитируется» (Санников 2002: 19). При этом В.З. Санников приводит примеры типа: *Истинный джентельмен всегда поправит галстук, если мимо канавы проходит женщина* (там же).

Тактикой, обладающей наибольшим прагматическим эффектом *намёка* при выражении *возражения* непрямым способом, является *ИТР обманутого ожидания*. Такой тип тактики создаётся за счёт введения пропозиции, содержащей *намёк*, эксплицитными средствами, настраивающими на восприятие точки зрения говорящего, в данном случае – *возражения*. Таким образом говорящий пытается создать иллюзию *возражения* собеседнику. Другими словами, такие контексты можно описать как «*Я намекаю, что возражаю Вам*». При этом оказывается, что говорящий на самом деле придерживается совершенно противоположной точки зрения.

Дискурсивным фактором, определяющим выбор данной *ИТР* для говорящего, является необходимость *возражать* или *соглашаться* с собеседником, предопределенная прагматическим контекстом общения.

Мотивом, определяющим выбор этой тактики говорящим, также является желание оказать как можно больший прагматический на слушающего за счёт эффекта неожиданности согласия с его мнением. При этом в общем контексте можно наблюдать ответные реакции собеседника, свидетельствующие о неожиданности произведенного эффекта.

Рассмотрим такой контекст:

В примере 1 намёк представлен в ответе собеседника.

1) – *Не кажется ли Вам, / что мы вместо того, чтобы праздновать Единение / как называется праздник? / Господи, забыла / Народного Единства, / мы наблюдаем вообще невероятный раскол в обществе, / раскол. // Прямо противоположное. / Коротко. //*

– **Наоборот**, / вот сейчас как раз сформировалось народное единство: // [собеседник поднимает вверх брови] с праздником плохо, / праздник не понимают, / по нему большие вопросы. // **И только представители законодательной власти, / сенаторы, / настаивают, что всё хорошо, / все прекрасно, / и нужно ещё больше тратить силы с той же эффективностью.** // Народное единство налицо! //

ОС: «Что празднуем?»

5 канал (СПб), 01:29:35

Как видно из контекста, в примере 1 говорящий использует показатель иллокутивной силы, настраивающий на восприятие противоположной слушающему точки зрения (*наоборот*, – в примере 1 выделено полужирным шрифтом и подчёркиванием), вводящему область возражения: *сейчас как раз сформировалось народное единство*. Такое речевое поведение вызывает удивление собеседника, что проявляется в мимике слушающего: поднятые вверх брови свидетельствуют об удивлении собеседника (Крейдлин 2002: 66). Как видно из примера, в правом контексте говорящий подразумевает не единство народа, а единство представителей власти (в примере 1 выделено полужирным

шрифтом). Таким образом, говорящий обыгрывает в своей речи сочетание *народное единство* (выделено подчёркиванием), подразумевая под народом не обычных людей, а только тех людей, которые обладают властью: *Народное единство налицо*. Таким образом, в примере 1 ИТР *обманутого ожидания* строится за счёт игры компонентами лексических значений слов.

Сильным по иллокутивной силе оказывается возражение, реализованное через *ИТР выдвижения предположений*. Такой тип ИТР реализуется в сложном высказывании, представленном в речи периодом, в котором роль анафорического компонента выполняют показатели модальности со значением предположения (в примерах 1-2 выделены подчёркиванием).

Дискурсивным фактором в случае применения *ИТР выдвижения предположений* является необходимость возражать или соглашаться с собеседником, предопределённая прагматическим контекстом. Мотивом говорящего в таком случае выступает желание стимулировать дискуссию.

Рассмотрим такие контексты:

В примере 1 *намёк-возражение* представлен в ответе собеседника:

1) – Но я убеждён, что // *хорошего / для нашей страны / для мира / Горбачев сделал гораздо больше, чем плохого. // И / если бы не он, / то этот переход // вообще к другой жизни / мог стоить гораздо большей крови. // И тут меня не разубедить. //*

– Ну, Вы знаете, что / нет *сослагательного* наклонения у таких дел, / да? / А может быть, меньшей крови, да? / а может быть, и той крови, которая была, удалось бы избежать? // Может быть, удалось бы избежать и антиалкогольной компании тоже? / может быть, / вообще / огромного количества вещей / удалось бы взять и избежать? // И если а вот а, может быть, те вещи, которые произошли, / произошли бы и при другом лидере, / и страна бы развалилась / она бы развалилась и так? / При другом человеке? //

– Ваши предложения, Андрей? //

– Мои предложения? // Что, / вернуться на машине времени / вспять?

– Ну, разумеется нет. //

– Мое предложение, / немного запоздалое, к сожалению, / да, / всё-таки поговорить обо всём честно. // Честно, / открыто / и дискуссионно. //

НП с А. Макаревичем

НТВ, 00:11:50

2) – Значит, / да, / мы ввели туда войска и, / между прочим, / как это называется, / ограниченный контингент и всё прочее. // Но Вы представьте себе, / что там бы произошла «Зеленая революция», / в Иране, / и в Пакистане. // Может быть, потом / **бы** мы умылись другой кровью, / может быть, в том, / что делали люди в Афганистане, / есть и героическая правильная составляющая. // Может быть, Андропов **был** не так не прав, / когда говорил, / что мы разрываем «Зелёную дугу»? // Что нам делать? // Нам допустить талибов в Среднюю Азию и потом, / так сказать, / отражать радикализм где-нибудь у ворот Казани? // Или нам воевать на дальних рубежах? // Ведь, может быть, малой кровью всё **будет**? // Да, / дети пострадают, / но, может быть, так пострадают в сто раз меньше детей? //

ОС: «Повоюем за рубежом?»,

5 канал (СПб), 00:38:20

В примере 1 говорящий непрямым способом апеллирует к мнению собеседника, выдвигая предположение относительно ситуации, которая могла бы произойти в прошлом на фоне обсуждаемой ситуации, имевшей место в прошлом, что находит выражение в формах сослагательного наклонения на протяжении всего высказывания (в примере 1 выделено подчёркиванием и полужирным шрифтом). Таким способом говорящий предоставляет возможность собеседнику представить ситуацию реального прошлого в некотором обсуждаемом фрейме так, как будто бы она протекала по другому сценарию, и тем самым выразить своё отношение к обсуждаемому фрейму: – Мое предложение, / немного запоздалое, к

сожалению, / да, / всё-таки поговорить обо всём честно. // Честно, / открыто / и дискуссионно. //

В примере 2 говорящий апеллирует к мнению собеседника, выдвигая предположение относительно ситуаций, которые могли бы произойти в прошлом, настоящем и будущем на фоне обсуждаемой ситуации. Такая ситуация либо уже имела место в прошлом (*может быть, Андропов **был** не так не прав*), актуальна в настоящем (*может быть, в том, / что делали люди в Афганистане, / **есть** и героическая правильная составляющая*), или может ещё произойти в будущем (*Ведь, может быть, малой кровью всё **будет**? // Да, / дети **пострадают**, / но, может быть, так **пострадает** в сто раз меньше детей? //*), что также находит выражение в соответствующих формах наклонения (в примере 2 выделено подчёркиванием и полужирным шрифтом).

Тактикой, способствующей более явному, и в то же время вежливому проявлению *намёка* на несогласие с мнением собеседника, является **ИТР мягкого возражения**.

Дискурсивными факторами обращения говорящего к **ИТР мягкого возражения** является фактор вежливости, и в то же время фактор невозможности смолчать, не выразить своё несогласие.

Мотив говорящего в данном случае составляет не только желание возразить и соблюсти при этом правила вежливости, но и перенаправить беседу.

Маркерами иллокутивной силы возражения в таких высказываниях, как правило, являются показатели различных типов модуса говорящего в сочетании с частицами и наречиями. Так, в приводимом ниже примере 1 реализуется модус предположения говорящего, в примере 2 и 3 – полагания, в примере 4 – сомнения, а в примере 5 – модус оценки.

Рассмотрим контексты *намёка* на возражение в **ИТР мягкого возражения** (показатели модуса говорящего выделены полужирным шрифтом, частицы и наречия подчёркнуты и выделены полужирным шрифтом):

1) – Андрей Петрович, я вот просто хочу понять, / может быть, люди ввязываются в игру, / правил которой они до конца не понимают. // Есть же люди, / которые берут кредит, / расплачиваются, / и счастливые-довольные уходят из банка. //

ОС: «Отдать кредит и умереть»

5 канал (СПб), 00:09:18

2) – Я просто не думаю, что мы / как сильная держава какая-то / страшно интересна Китаю. //

– молчание)

ОС: «Китай – большой друг?»

5 канал (СПб), 00:31:41

3) – Я не очень понимаю / зачем Государственной Думе принимать закон / который / который может быть оспорен в любом Конституционном суде. / Мне не очень понятно. //

ОС: «Мечта о добром телевидении»

5 канал (СПб), 00:16:50

4) – Что-то сильно я сомневаюсь, что оно само должно было удасться. //

– (молчание)

ОС: «Мир сошёл с ума?»

5 канал (СПб), 00:15:50

5) – Опять-таки интересно, // на Западе есть опыт такой, / что, / чем известнее компания, тем выше там заработная плата, / потому что они ценят труд своих сотрудников. //

ОС: «Работа и зарплата»

5 канал (СПб), 00:33:21

В примере 1 маркером иллокутивной силы возражения, вводящим пропозицию, является показатель модальности предположения *может быть*; в примере 2 – вводная конструкция, эксплицирующая модус полагания: *я не думаю, что <...>*; в примере 3 – также модус полагания: *я не очень понимаю*; в примере 4 – модус сомнения: *я сомневаюсь*. При этом оттенок мягкости возражению в примерах 1-5 придают частица *просто* и разговорные наречия *что-то*, *не очень* и *опять-таки*. Так, у частицы *просто* реализуется значение «всего лишь, всего-навсего» (БТС: 1027). Наречие *что-то* реализует значение «почему-то, неясно почему» (БТС: 1484). *Опять-таки* имеет значение *опять* (БТС: 723). При этом частица *просто* входит в контекст желательности и полагания, наречие *не очень* – в контекст полагания, а наречие *что-то* – в контекст сомнения, что является клишированным способом выражения мягкого возражения, маркирующим верхнюю границу сложных высказываний, содержащих *намёк* на возражение: *я просто хочу (понять)*; *я просто не думаю*; *что-то я сомневаюсь*.

ИТР мягкого возражения может также реализовываться через выражение симпатии к собеседнику. Рассмотрим такие контексты:

б) – *Мне-то вообще очень нравится ваш задор, / это правильно, / я, / собственно, / даже призываю телезрителей разделить Ваш оптимизм. // Другое дело, что / есть, конечно, / и здесь меня, наверное, Владимир Васильевич поддержит, / понимаете, есть показатель / абсолютный, научно выверенный, / когда проводится опрос в обществе, / и вдруг оказывается, что в Соединённых Штатах Америки полиции доверяет / семьдесят процентов населения, / а у нас восемьдесят или девяносто не доверяет. / Наверное, за этим что-то стоит. / Не будем уходить в эту тему. //*

ОС: «Русская мечта»

5 канал (СПб), 01:24:32

Так, в примере 6 верхней границей сложного высказывания, содержащего *намёк-возражение*, является выражение одобрения по отношению к тому, что

говорит собеседник. Одобрение выражается с помощью конструкции *мне (-то) вообще нравится* <...>, а также через положительную оценку *это правильно* (в тексте выделено полужирным шрифтом). Как и в предыдущих примерах, дополнительная мягкость возражению придаётся частицей *-то*, в то же время дающей установку на восприятие некоторой противоречащей точке зрения собеседника информации. В вышеприведённом контексте противоречащая информация вводится с помощью дискурсивного маркера *другое дело, что* <...> (выделено полужирным шрифтом и подчёркиванием), вводящей пропозицию, содержащей контраргумент: *есть показатель абсолютный, научно выверенный, когда* <...> (выделено подчёркиванием).

Приведём ещё пример:

7) – *Дугин, / ну подожди, / ты же умный, / ну вот послушай меня, / смотри: / Вот, вы нашли рецепт, / да, / вы нашли потрясающий рецепт, / следование которому / убило больного. // И Вы сейчас / пытаетесь объяснить, / что вот эту новорождённую, маленькую Россию, / да, / которая появилась / сразу в послеельцинское время, / нужно / нужно лечить по тому же самому рецепту! // Ну как так, / кому это может прийти в голову? / Какому русскому патриоту, какому человеку, у которого есть хоть капля нежности / к этой стране? //*

– *А каком рецепте идет речь? //*

– *Речь идет о рецепте идеологическом, / который породил всю ту / православие, самодержавие, народность, / да, / если угодно, / который породил вот этот вот чудовищный взрыв ненависти в семнадцатом году. //*

ОС: «Русские или россияне»

5 канал (СПб), 00:54:32

В примере 7 верхнюю границу контекста намекания маркирует высказывание, свидетельствующее о симпатии говорящего субъекта к своему собеседнику: *Дугин, ну подожди, ну ты же умный* (в тексте выделено

полужирным шрифтом). Несмотря на то, что слова говорящего звучат иронично (об этом свидетельствует прежде всего нехарактерная для настоящего типа дискурса форма обращения *ты*), тем не менее, не вызывает сомнения признание говорящим лицом высоких умственных способностей своего собеседника. Как и в примере 6, в примере 7 в контексте *намёка-возражения* присутствует вводимый соответствующим маркером контраргумент, который в настоящем примере говорящий представляет метафорически (выделено полужирным шрифтом и подчеркнуто): *Вы нашли рецепт, потрясающий рецепт, следование которому убило больного.*

Рассмотрим ещё один контекст *намёка-возражения*:

8) –*Мне симпатичен Дугин, он / хорошо, масштабно, сильно мыслит, / но, / вот, / смотрите, / ведь, на самом деле, / русский – / это // потрясающее слово, как только этот человек становится свободен. // Но вот этот вот запрет на критическое осмысление, / на ироническое и злое осмысление в том числе и собственной истории, потому что это не история, / это идеологема, / которая предложена в качестве идеала, / в качестве эталона, / и не разделять того, что история далеко не так, к сожалению, хороша, и далеко не так, к сожалению, красива, как нам бы хотелось <...>. //*

ОС: «Русские или россияне»

5 канал (СПб), 00:44:12

В вышеприведённом примере верхнюю границу сложного высказывания маркирует, как в примерах 6 и 7, выражение симпатии по отношению к собеседнику (в тексте выделено полужирным шрифтом): *Мне симпатичен Дугин. Он хорошо, масштабно, сильно мыслит.* Маркером иллокутивной силы, вводящим контраргумент, в вышеприведённом контексте является сочетание противительной конструкции (*Но <...> смотрите*), частицы и вводного слова (*ведь на самом деле*) со значением противления (в тексте выделено подчеркиванием и полужирным шрифтом).

Более явно *намёк на возражение* собеседнику может выражаться при помощи ***ИТР частичного согласия с собеседником***. В таких контекстах частичное согласие (в нижеприводимых примерах 1-4 маркеры иллокутивной силы выделены полужирным шрифтом) даёт установку собеседнику на восприятие противоположного мнения со стороны говорящего, которое в таких случаях всегда выражается эксплицитно (в правом контексте выделено полужирным шрифтом и подчёркнуто). При этом маркерами иллокутивной силы возражения эти показатели делает их акцентная выделенность и наличие после них паузы (//). Именно эти просодические характеристики настраивают слушающего на восприятие в дальнейшем противоположной точки зрения.

Приведём примеры таких контекстов:

1) – Я хочу сказать, что, вообще, / высшее образование для всего населения – ***это, конечно, очень хорошо***, // **только** психологически / люди, получившие / высшее образование, к станку / идут от большой нужды. //

ОС: «Страна лишних людей»

5 канал (СПб), 00:22:40

2) – ***Хорошо***, // давайте встанем на такую точку зрения: хотим ли мы сохранить страну, или она нам не нужна. / **В таком случае** / всё очень просто: / сохранить страну можно, извините меня, только одним способом, / а именно: / сделав хорошо / большинству населения страны. // Русские составляют большинство населения страны, / мы здесь восемьдесят процентов. //

ОС: «Русские или россияне»

5 канал (СПб), 00:49:05

3) – Подождите. ***Совершенно верно***. // Людей это обидело. / **И что?** / Мир не создан для того, чтобы никто ни на что не обижался. //

ОС: «Сказал – отвечай!»

5 канал (СПб), 01:06:53

4) – *А что, Холодова убили за хамство? // Листьева убили за хамство? // Хорошо, // хорошо, // хорошо. // А Холодов у вас **что**, тоже бизнесмен?*

ОС: «Сказал – отвечай!»

5 канал (СПб), 00:22:42

Как видно из примеров, маркерами иллокутивной силы, выражающими частичное согласие с точкой зрения собеседника, являются выражения оценочного характера (в вышеприведённых контекстах выделено полужирным шрифтом): *это хорошо (пример 1); хорошо (пример 2); совершенно верно (пример 3); хорошо, хорошо, хорошо (пример 4)*, маркирующих верхнюю границу контекстов мягкого возражения. Во всех приведённых примерах центральную часть сложных высказываний, содержащих *намёк-возражение* в ИТР *частичного согласия с собеседником* составляют конструкции, функциями которых также является введение в рассмотрение контраргумента: *только (пример 1); в таком случае всё очень просто (пример 2); и что? (пример 3); а что (пример 4)*.

Наиболее явным способом выразить *намёк* на возражение собеседнику является **ИТР явного возражения**.

Дискурсивным фактором, влияющим на выбор именно этой тактики, является повышение общего эмоционального фона дискуссии и необходимости для говорящего выразить возражение в таких условиях.

Мотив говорящего в этом случае совпадает с основной целью, – возражением.

Среди маркеров иллокутивной силы в **ИТР явного возражения** были выделены сочетание частицы *да* с вопросительными местоимениями или местоименными наречиями.

Рассмотрим такие контексты:

1) – *Да почему «мутанты»? // Почему Вы считаете, что все народы должны развиваться по одной той же логике, / по одной и той же модели. //*

ОС: «Русские или россияне?»

Одним из способов явного выражения возражения в настоящей ИТР является выражение говорящим субъектом своего мнения в конструкции *Я+глагол мнения (полагания)* в соответствующей форме при обязательном акцентном выделении местоимения *Я* (в примере 2 выделено полужирным шрифтом и подчёркнуто), поскольку при отсутствии акцентного выделения такие высказывания служат лишь для выражения мнения, о котором мог бы заявить говорящий, – необязательно в противоположность мнению собеседника:

2) – **Я** *считаю, что принцип этот неправильный.* //

ОС: «Война в цвете»

5 канал (СПб), 00:18:48

Как видно из примера 2, акцентирование местоимения *Я* в этом контексте противопоставляет выражаемую говорящим точку зрения точке зрения своих собеседников.

ИТР явного возражения может служить способом *намёка* на возражение относительно мнения собеседника в случае использования особых форм обращений, используемых говорящим субъектом по отношению к своему собеседнику (в нижеследующих примерах выделены полужирным шрифтом).

Рассмотрим такие примеры:

3) – **Уважаемая** *госпожа / Стрижак.* //

– **Я-с,** / *слушаю.* //

– **Мы работаем,** / *практически, / в правовом государстве.* //

– **«Практически в правовом»,** / *мне нравится такая оговорка. / Так, / мы работаем, / конечно.* // *В правовом, но не справедливом. / Так.* //

– **У нас есть такое понятие как индексация** *зарботной платы.* //

– Ой-ой, / вот здесь поподробнее! // Ну-ка, ну-ка, / что там пишет закон? //

ОС: «Работа и зарплата»

5 канал (СПб), 01:23:41

4) – **Валерий Владимирович**, / дорогой, // вот Вы как-то быстро депутатом стали. // Вы поймите, что люди-то, / им не нравится, что / они тоже пахнут каждый день, они сидят в поликлиниках, в школах, они учат детей наших, они не понимают, чем Вы там в Москве, вот там, в Думе, / намного лучше, / почему Вы в пятнадцать раз лучше, чем они? //

ОС: «Работа и зарплата»

5 канал (СПб), 01:04:55

5) – Уважаемая Ника, // понимаете, / мы завели очень интересный разговор о том, что / мы какие-то качественные показатели начинаем использовать, / типа, достойный труд. // Что такое достойный труд? //

ОС: «Работа и зарплата»

5 канал (СПб), 00:23:37

Как видно из примеров 3-5, особенностью обращений, используемых в ИТР явного возражения, является несоответствие их формы ситуации общения. Как видно из примеров, говорящий использует этикетные клише: *уважаемый* (примеры 3 и 5), *дорогой* (пример 4). По данным словаря, *уважаемый* представляет собой «этикетный эпитет в составе форм офиц.-вежл. обращений» (СРРЭ: 531) и обычно употребляется в сочетании «с именем-отчеством адресата, со словами господин (+ фамилия адресата), товарищ (+ фамилия адресата), коллега, с наименованием по должности, званию, социальн. положению» (там же). *Дорогой* представляет «этикетный эпитет в составе ласк., дружеск., приветл. обращения к близкому знакомому, приятелю, родственнику» (СРРЭ: 148), а также имеет окраску времени: в советский период обращение *дорогой* могло быть

использовано по отношению как к знакомым, так и малознакомым и незнакомым лицам, как в неофициальной, так и полуофициальной обстановке (там же). В условиях рассматриваемого типа устного публичного дискурса эти подчеркнута официальные (*уважаемый*) и дружеские (*дорогой*) формы обращения неуместны. Так, в примере 3 форма *Уважаемая госпожа Стрижак* является слишком официальной; в примере 4 форма *Валерий Владимирович, дорогой* имеет ироничный оттенок, а в примере 5 ироничный оттенок возникает благодаря нетипичному сочетанию клише *уважаемый* с именем адресата (без отчества): *Уважаемая Ника*. При этом важным для проявления *намёка* на возражение является акцентная выделенность клишированных средств обращения (в примерах 3-5 выделены подчёркиванием и полужирным шрифтом) и наличие последующей паузы (//). Нужно отметить, что в случае таких форм обращений к собеседнику предпосылается не только *намёк* на возражение относительно его позиции по обсуждаемому вопросу, но и осуждение его точки зрения. Об этом иногда может свидетельствовать и реакция слушающего, по которой можно судить о том, что слушающие воспринимают такие обращения как осуждение и реагируют, преимущественно, эмоционально: *Я-с, / слушаю. //* ; «*Практически в правовом*», / *мне нравится такая оговорка. / Так, / мы работаем, / конечно. // В правовом, но не справедливом. / Так. //* (пример 3).

Ещё одним средством оформления *ИТР явного возражения* являются способы выражения сомнения в точке зрения собеседника (в примерах 6-7 выделены полужирным шрифтом):

В приводимом ниже примере 6 *намёк* на возражение содержится во второй реплике:

б) – *Но то, что мы / **лицезреем**, / как на наших глазах, / **благодаря** / Джулиану Ассанжу **меняется мир**, / это, примерно, также, как он / **благодаря** / Google в свой время / **изменился.** //*

– *Слушай, / ну, **ты всерьёз считаешь**, что / он прорывает / мир просто, / **информационный мир?** //*

Явный *намёк* на возражение против мнения собеседника возникает и за счёт акцентного маркирования (*всерьёз*).

Может показаться, что категоричности возражению придаёт и форма обращения к собеседнику, – форма *ты*. Нужно отметить, что в настоящем случае это не так, поскольку собеседники находятся в дружественных отношениях (они хорошо знают друг друга), то такая форма обращения является для них нормой. В то же время, в таком контексте вполне допустимо использовать и форму *Вы*: *Послушайте, ну, Вы всерьёз считаете, что <...>*.

Приведём ещё один пример из эфира этой же телепередачи:

7) – *Неужели ты думаешь, что / революция в Тунисе / началась / из-за того, что / рядовые тунисцы прочитали / Wikileaks? // Все эти факты так или иначе и так были известны всем, / и ты сама это сказала вначале. //*

Среди других лингвистических средств оформления *ИТР явного возражения* выделяются случаи повтора фрагмента реплики собеседника, с помощью которого обозначается область возражения. Такие фрагменты всегда несут на себе акцентное выделение (в примерах 8-9 выделено полужирным шрифтом).

Рассмотрим такие контексты:

В примере 8 *намёк* на возражение содержится в третьей реплике приводимого диалога, в примере 9 – во второй:

8) – *Ваше предложение, / минимальную заработную плату получать должен депутат Государственной Думы, / да? //*

– *Ну, как минимум, он пенсию должен получать **как все**. // Тогда он захочет / что-нибудь сделать к пенсии. //*

– *А что такое «как все»? //*

ОС: «Работа и зарплата»

5 канал (СПб), 01:04:22

9) – *Она <Украина> должна **сама** / сначала / решить свои проблемы. //*

– *Как это «сама»? // Подождите, / как это «сама»? //*

ОС: «Евроинтеграция»

5 канал (СПб), 00:09:40

Как видно из примеров 8 и 9, повтор фрагментов реплики собеседника вводится с помощью речевых клише (выделено подчёркиванием), в совокупности с которыми он образует вопрос: *что такое <...>? как это <...>?* Интересно, что такой способ оформления тактики является ответом *намёка на намёк*: так, в примере 8 говорящий субъект под выражением «*как все*» подразумевает «*все обычные работающие люди, не депутаты*», а в примере 9 под выражением «*сама*» подразумевается «*без помощи европейских стран, США или России*». Нужно отметить, что в речи собеседников эти фрагменты также являются носителями акцентного выделения (выделено полужирным шрифтом: в примере 8 – вторая реплика диалога, в примере 9 – первая реплика).

ИТР явного возражения может быть также реализована при помощи слов с семантикой оценки. В отличие от *ИТР мягкого возражения*, такие слова всегда являются маркированы акцентным выделением (в примерах 10-11 выделено полужирным шрифтом).

Приведём такие примеры:

10) – ***Замечательно**, / доктор Князькин считает, что она желала им добра. //*

ОС: «Мир сошёл с ума?»

5 канал (СПб), 00:16:10

В примере 11 намёк на возражение содержится в ответе собеседника:

11)– *Константин Анатольевич, а Вас не смущает как политика, что, / акцентируя то, что Вы – русский, / Вы отсекаете огромную часть аудитории, / которая, может быть, за Вас как политика могла бы проголосовать? //*

– *Странно, странно. / Напротив. / Я замечал, что когда человек / говорит честно / о том, / кто он такой, / в том числе и по этому вопросу, / это обычно людей привлекает. //*

ОС: «Горжусь своей национальностью»

5 канал (СПб), 00:11:54

В примерах 10-11 маркерами иллокутивной силы возражения являются слова оценочной семантики: *замечательно, странно*, после чего в правом контексте устанавливается область возражения или приводится контаргумент: *доктор Князькин считает, что она желала им добра* (пример 10); *я замечал, что когда человек говорит честно о том, кто он такой, в том числе и по этому вопросу, – это обычно людей привлекает* (пример 11).

Лексико-грамматической особенностью выражения *возражения* при оценочных словах может быть употребление в позиции подлежащего высказывания, содержащего *намёк-возражение*, имени непосредственного собеседника (пример 10: *доктор Князькин*). Такая особенность характерна для устного русского межличностного общения только при условии, если собеседников больше, чем два, и является, как известно, средством выражения пренебрежительного отношения к присутствующим лицам.

В ИТР явного *возражения* также могут использоваться отсылки ко всеобщему знанию (в примерах 12-13 выделено полужирным шрифтом).

Рассмотрим такие контексты:

12) – Но всем / известно, что Василий так и не заказал ничего в ресторане, он просто посмотрел на цену и пошёл в Кофе Хауз <...>. // Просто Вам это не совсем известно, / Вы уже съёмку прекратили. //

НП с Ксенией Собчак

НТВ, 00:10:17

13) – Слушайте, ну, мы все прекрасно понимаем, что как раз военного ответа быть не может, потому что / тот уровень военного ответа, который может быть сегодня, / если произойдет конфликт между Россией и Америкой окажет влияние на весь мир. / Никто не хочет самоуничтожиться, / правда же?//

НП с Дмитрием Рогозиным

НТВ, 00:23:00

Показателями иллюкативной силы в примерах 12-13 выступают отсылки ко всеобщему знанию, компоненты которых в речи маркированы акцентным выделением (выделено полужирным шрифтом и подчёркиванием). При этом говорящий, отсылая собеседника ко всеобщему знанию, может намекать на то, что собеседнику что-либо неизвестно, или известно, но собеседник не хочет этого замечать (как в примере 12). В то же время эта коннотация не является обязательной, что видно по контексту примера 13.

2.2.5. Намёк-согласие

2.2.5.1. Ситуация согласия

По определению словарей, *согласиться* имеет следующие определения: «выразить согласие с кем-, чем-л., признав правильным, подтвердить» (БТС: 1228). Рассматривая *согласие* как речевое действие, в настоящем исследовании под *согласием* мы будем понимать *согласие с мнением* собеседника. Нужно отметить, что на существование двух видов *согласия* указала И.В. Галактионова (Галактионова 1988), выделив согласие с мнением, под которым ею понимается

«констатация правильности мнения собеседника, оценка этого мнения как соответствующего действительности, выражение общности взглядов» (Галактионова 1988: 145), а также согласие в ответ на побуждение, то есть «положительный ответ как реакция на побуждение предложение, просьбу, приказ, совет)» (Галактионова 1988: 145). И.В. Галактионова, а также Н.И. Поройкова (Поройкова 1976), подробно рассмотрели средства выражения согласия, которые в настоящей работе мы рассматриваем как эксплицитные. Имплицитные же средства согласия в ситуации, когда необходимо догадаться о согласии, в лингвистике не рассматривались. Может показаться, что такие случаи являются достаточно экзотическими, но, как показывает собранный материал, в межличностном устном общении, особенно телевизионного формата, такие случаи встречаются довольно часто.

Приведём контекст, описывающий ситуацию *намёка на согласие* с мнением:

Жизнь и разум загораются там, где прежде их не было, несмотря на кажущуюся несовместность их с равнодушным безумием физических процессов природы. Эта истина настолько ясная, что она как эмпирическое обобщение вошла во все философские и религиозные системы, которые не были вынуждены закрывать глаза перед нею. Легко, однако, заметить, то если этим общим фактом и дается некоторый намёк на положительный ответ в занимающем нас вопросе, то в нем не заключается ответа окончательного и бесспорного.
[НКРЯ: Л. М. Лопатин. Теоретические основы сознательной нравственной жизни (1890)]

Таким образом, референтом сложного высказывания, содержащего *намёк-согласие*, является такая ситуация, при которой конечную иллокутивную цель сообщения составляет согласие с мнением собеседника. При этом говорящий лишь намекает (на самом деле, эта установка ложная) на то, что он согласен с мнением собеседника, придерживается его позиции, о чём и необходимо

догадаться слушающему. При этом *ИППР* сводится к: «*Я согласен с Вашим мнением*».

Среди эксплицитных средств выражения *согласия* в рассматриваемом типе устного межличностного дискурса нам встретились следующие: 1) выражение согласия «через передачу позиции соглашающегося» (Галактионова 1988: 153): *я согласен/соглашусь*; «через оценку речевого поведения говорящего» (Галактионова 1988: 155): *Вы правы*; посредством введения актуализаторов (Галактионова 1988: 157; Поройкова 1976): *да, конечно, правильно*.

Приведём пример эксплицитного выражения *согласия* (в примерах 1-3 выделены полужирным шрифтом) на материале дискуссии о целесообразности повсеместного внедрения различных электронных карт:

1) – *Герман Львович, вопрос к Вам. / Не возникает у Вас ощущения, что это, прежде всего, попытка всё контролировать, / вот всё про Вас знать, и всё держать под колпаком? //*

– *Абсолютно правильно. / Конечно. //*

ОС: «Наличность – под запрет?»

5 канал (СПб), 00:08:09

Ещё примеры эксплицитного согласия:

2) – ***Я совершенно согласна** с нашим московским коллегой и с Олегом Анатольевичем / Ниловым. / Дело в том, что / нам / президент сказал: // «Создадим двадцать пять миллионов рабочих мест». //*

ОС: «Страна лишних людей»

5 канал (СПб), 00:18:43

3) – *Вот, **Вы правы**, / если показываются модели негативные, / что невозможно через суд решить, / невозможно через систему добиться справедливости, / тогда человек пытается работать за судьёю. // Он становится / таким судьёй / над системой. //*

Перейдём к рассмотрению контекстов имплицитного *согласия* в иллюкутивных тактиках речи.

2.2.5.2. Реализация *намёка-согласия* в ИТР

Тактикой, рассчитанной на затрату наибольших когнитивных усилий со стороны слушающего при интерпретации *намёка* на согласие, является, как показал материал, тактика, которую мы называем *ИТР рефрейминга*. При этом от говорящего требуется наличие высокой коммуникативной (прежде всего языковой и предметной) компетенции. Дело в том, что *намёк* на согласие с точкой зрения собеседника оказывается связан, как будет продемонстрировано ниже, с манипулятивными целями. Именно поэтому *дискурсивным фактором* при *ИТР рефрейминга* является предоставляемая говорящему возможность реализовать какую-либо скрытую цель, обычно дискредитирующую собеседника на интеллектуальном уровне.

Приведём контексты *намёка-согласия* в *ИТР рефрейминга*:

1) – Вот я сейчас попробую / с предельной деликатностью, / предельно аккуратно / сформулировать характеристику, / а вы мне скажете: / обижаю я вас этой характеристикой / или / нет? // Перешел я некие границы / или нет? // Вот, возьмем: // сын божий, / родившийся от девственницы, / прекрасной и добродетельной девушки, / сделавший в течение своей жизни много прекрасных поступков, / в том числе и воскресивший мертвого. // Оклеветанный и преданный, этот человек принимает мученическую смерть / и возносится на небо к своему отцу по велению этого отца. // Я / нигде не перешел рамки? / Это корректное изложение? /

– Ну не вполне, но более или менее.

– *А я говорил о Геракле! // Я говорил о сыне Зевса и Алкмены, / я говорил о том, кто воскресил Алекстиду, / я говорил о том, кто / добровольно вошел на костер. // Видите ли, / все / религии, / к сожалению, / собраны из одних и тех же запчастей. // Просто эти запчасти располагаются в несколько разном порядке. //*

ОС: «Осторожно: богохульство!»

5 канал (СПб), 00:13:41

Как видно из примера 1, сложное высказывание, с помощью которого реализуется *намёк-согласие*, содержит в своём контексте множество показателей иллокутивной силы согласия с собеседником, свидетельствующие о том, что говорящий субъект разделяет точку зрения собеседника и принимает её (в вышеприведённом примере выделено подчёркиванием): *Вот я сейчас попробую с предельной деликатностью, предельно аккуратно сформулировать характеристику, а вы мне скажете: обижаю я вас этой характеристикой или нет? Перешел я некие границы или нет?* Такие выражения направлены на создание положительного эмоционального фона, с помощью которого говорящий располагает к себе собеседника: происходит это как за счёт лексических компонентов слов, составляющих эти выражения (*я попробую, с предельной деликатностью, аккуратно сформулировать, обижаю я вас или нет? Перешел я некие границы или нет?*), сигнализирующие о трепетном, внимательном отношении говорящего субъекта к своему собеседнику, так и за счёт определённых просодических характеристик. Отличительной просодической характеристикой приведённого контекста можно считать отсутствие пауз, несмотря на очевидную протяжённость контекста *намёка-согласия* в этом случае. Отсутствие пауз, в противоположность наличию частых пауз, сигнализирующих, как отметила Е.Г. Сомова, «об авторитарности выступающего» и не настраивающих «на доверительную беседу» (Сомова 2006: 266-267), говорит о противоположном: говорящий субъект стремится расположить к себе собеседника, настраивая его на то, что его точка зрения, в основном, принимается. При этом *ИТР рефрейминга* строится за счёт указания на некоторые лица, обладающие определённым набором признаков в данном обсуждаемом фрейме

(этот фрагмент выделен в примере 1 полужирным шрифтом): *сын божий, родившийся от девственницы, прекрасной и добродетельной девушки, сделавший в течение своей жизни много прекрасных поступков, в том числе и воскресивший мертвого. Оклеветанный и преданный, этот человек принимает мученическую смерть и возносится на небо к своему отцу по велению этого отца.* На самом деле, говорящий лишь выдвигает на первый план некоторые общие черты двух похожих фреймов, выделяя, актуализируя, в них общие признаки. В указанном контексте такими фреймами являются древнегреческое и христианское представление о периоде жизни на земле сына Бога. Таким образом, говорящий создаёт иллюзию согласия с собеседником, манипулирует его картиной мира. При этом слушающий не подозревает о существовании второго фрейма: говорящий скрывает его наличие и представляет своё намерение в речи так, словно он собирается лишь более подробно раскрыть уже обсуждавшийся фрейм. Это намерение выражается в приведённом примере с помощью следующего маркера: *я сейчас попробую сформулировать характеристику.* В качестве наиболее частотных показателей иллюкативной силы согласия с собеседником при ИТР *рефрейминга* выступают маркеры, создающие впечатление совместного со слушающими построения гипотезы: *возьмём* (в приведённом выше примере подчёркнуто и выделено полужирным шрифтом), *предположим, рассмотрим.* Это свойство было отмечено Н.К. Рябцевой у так называемых ею «ментальных перформативов» (Рябцева 1992: 62), основное свойство которых исследователь определила как свойство импозитивности: «Ментальные перформативы импозитивны. Они приводят в соответствие ход мыслей адресата ходу мыслей автора» (Рябцева 1992: 63). Грамматической особенностью таких ментальных перформативов является их *инклюзивная форма на «мы»* (Рябцева 1992: 63).

Важным в контексте *намёка-согласия* с мнением собеседника для говорящего субъекта является возможность проверки того, насколько действенным оказывается его *намёк*, что выражается в примере 1 в выражении: *Я нигде не перешел рамки? Это корректное изложение? Возможность убедиться в действенности *намёка* предоставляется говорящему в ответе слушающего: Ну не*

вполне, но более или менее. Нижнюю границу сложных высказываний, содержащих намёк-согласие, образуют высказывания, в которых говорящий субъект обнажает свои манипулятивные намерения: А я говорил о Геракле! Я говорил о сыне Зевса и Алкмены, я говорил о том, кто воскресил Алекстиду, я говорил о том, кто добровольно вошел на костер. Видите ли, все религии, к сожалению, собраны из одних и тех же запчастей. Просто эти запчасти располагаются в несколько разном порядке.

Приведём ещё один пример контекста намёка-согласия в ИТР рефрейминга:

В примере 2 в качестве собеседника выступает Е.А. Чичваркин, – российский предприниматель, проживавший на момент беседы в Лондоне по причине его уголовного преследования в России.

2) – А Вы знаете, / что говорил / один из / богатых людей, которые сейчас живут в Лондоне, про Била Гейтса? // Он сказал, / что если бы Бил Гейтс занимался бизнесом в России, / то он бы / действовал бы точно также, как / все наши олигархи, / жил по тем самым законам, / по тем же самым правилам. //

– Потому что бизнес важнее. // Если ты внутри коммерсант, / бизнес важнее, / ты будешь приспосабливаться. / Если ты живёшь между камней, то твоё дерево будет вот такое кривое. // <...>, если климат создан нормальный, / то ты будешь большой и крепкий. //

– То есть Вы считаете, что / он просто будет, / человек, который придет к нам, / он будет нарушать закон просто, // либо он будет терять деньги, да? //

– Он будет жить по нашим неписаным правилам. //

– А Вы жили по этим правилам? //

– А по каким я бы должен ещё жить? // Все живут по одним и тем же правилам: / летит коса, пригибай / голову. //

– То есть был, может быть, вообще / какой-то смысл, вообще, / в том, / что с Вами произошло? //

В примере 2 ИТР рефрейминга строится за счёт совмещения двух ситуаций: той, что произошла с самим собеседником, – и о вуалировании этого фрейма в высказывании собеседник не догадывается, и той, которая была бы характерна для любого человека, занимающегося бизнесом, даже Била Гейтса (в тексте выделено полужирным шрифтом): *если бы Бил Гейтс занимался бизнесом в России, то он бы действовал бы точно также, как все наши олигархи; Вы считаете, что он просто будет, человек, который приедет к нам, он будет нарушать закон просто, либо он будет терять деньги.* При этом общими чертами, которыми обладает сам собеседник, Бил Гейтс, и любой другой человек, о котором говорит говорящий, является занятие бизнесом в России. Намёк на согласие с собеседником делается говорящим через апелляцию к авторитетному мнению неназываемого им лица (– *А Вы знаете, / что говорил / один из / богатых людей, которые сейчас живут в Лондоне, про Била Гейтса?*), не проживающему в России. Тем самым говорящий даёт установку слушающему на принятие его точки зрения относительно произошедших с собеседником событий: винить в сложившейся с ним ситуации следует условия существования бизнеса, а не его лично, – чем вызывает подхватывающую это мнение реакцию (в тексте выделено подчёркиванием): *Потому что бизнес важнее. Если ты внутри коммерсант, то ты будешь приспосабливаться. Если ты живёшь между камней, то твоё дерево будет вот такое кривое <...>. Если климат будет нормальный, то ты будешь большой и крепкий <...>.* Как и в примере 1 для говорящего оказывается важным убедиться в действительности намёка: *То есть Вы думаете, что он будет, человек, который приедет к нам, он будет нарушать закон просто, либо он будет терять деньги, да?* Собеседник подтверждает своё согласие выражением: *Он будет жить по нашим неписаным правилам,* – после чего говорящий обнажает свои манипулятивные намерения, открыто обвиняя собеседника в том, что он нарушил закон, и вина лежит, прежде всего, на нём

самом (в примере 2 выделено полужирным шрифтом и подчёркиванием): *А Вы жили по этим правилам?; То есть был, может быть, вообще какой-то смысл, вообще, в том, что с Вами произошло?*

В результате анализа контекстов *намёка-согласия*, можно заключить, что проявление этого прагматического типа *намёка* характерно в тех случаях, когда в коммуникации имеет место манипуляция. Действительно, если разнообразие средств *намёка-возражения* мотивировано, в основном, тем, что возражать прямым путём не вежливо, а также возможностью повысить свой статус относительно собеседников, за *намёком* на согласие всегда скрывается манипулятивный мотив говорящего субъекта. При этом оговоримся, что, вслед за О.Т. Йокоямой (Yokoyma 1988), придерживаемся такой точки зрения на явление манипуляции, при котором манипуляция слушающим обязательным образом подразумевает скрытость для него основных намерений говорящего субъекта.

Приведенные в качестве примера контексты намекания можно описать с помощью: *«Я намекаю, что согласен с Вашим мнением, поддерживаю Вашу точку зрения».*

Другой характерной для проявления *намёка-согласия* с мнением собеседника тактикой является ***ИТР обманутого ожидания***. *ИТР обманутого ожидания* при *намёке* на согласие с мнением собеседника, как и при *намёке* на возражение с ним, связана с созданием иллюзии согласия с собеседником, которая немедленно разрушается, что усиливает эффект воздействия возражения на собеседника, поскольку требует значительных когнитивных усилий для интерпретации. Создание такой иллюзии становится возможным, как и при *намёке* на возражение, при введении пропозиции при помощи соответствующих эксплицитных средств: в данном случае выражения поддержки говорящего, согласия с его мнением, одобрения его точки зрения. Другими словами, такие контексты можно описать как *«Я намекаю, что согласен с Вашей точкой зрения, поддерживаю Ваше мнение».* *ИТР обманутого ожидания* в таком случае сопровождается и иронией, что усиливает эффект неожиданности возражения.

Дискурсивным фактором, влияющим на проявление этого типа намёка, является необходимость возражать или соглашаться с собеседником, предопределенная прагматическим контекстом общения.

Мотивом, определяющим выбор этой тактики говорящим, является желание оказать как можно больший прагматический на слушающего за счёт эффекта неожиданности возражения. При *ИТР обманутого ожидания* в настоящем случае, как и при *ИТР обманутого ожидания* в намёке на возражения, в общем контексте можно наблюдать сигнализирующие о неожиданности произведенного эффекта реактивные маркеры со стороны собеседника. Такими реакциями могут быть пауза, свидетельствующая об обдумывании сказанного, соответствующая речевая реакция, а также мимика.

Рассмотрим контексты *намёка-согласия* в *ИТР обманутого ожидания*:

В примере 1 контекст *намёка-согласия* представлен в третьей реплике диалога:

1) – *Сегодня многие сайты / зарегистрированы как сайты массовой информации, / и на них / в полной мере распространяется закон о средствах массовой информации. // И здесь / должна быть четкая ответственность, / и если / не средства массовой информации, / то провайдеры, / администраторы, / хозяева сайта / должны нести ответственность, в том числе и уголовную, / если пропагандируется терроризм. //*

– *Понятно. // Поговорим про ответственность обязательно. //*

– *А также / минское метро должно нести ответственность за то, / что в нём перевозили бомбу, взорванную потом в этом метро. //*

ОС: «В интернет по паспорту»

5 канал (СПб), 00:20:12

В вышеприведённом примере создаётся впечатление, что говорящий собирается внести некоторую дополнительную информацию к сказанному в поддержку мнения первого говорящего субъекта. Это обеспечивается с помощью

соответствующего показателя иллюкативной силы (в примере 1 выделено полужирным шрифтом и подчёркиванием): присоединительной конструкции, начинающейся с союзного сочетания <А также ... >. На самом же деле говорящий обращается к метафоре, проводя аналогию между ситуацией, произошедшей в метро Минска (выделено полужирным шрифтом), и ситуацией, связанной с ответственностью сайтов массовой информации (выделено подчёркиванием). Таким образом, можно сказать, что в примере 1 говорящий прибегает сразу к двум ИТР: *обманутого ожидания* и *метафорического сравнения*.

Интересными являются примеры, когда ИТР *обманутого ожидания* строится за счёт игры семантическими компонентами значений слов, входящих в пропозицию, которыми обозначаются ключевые точки фрейма. При этом пропозиция вводится эксплицитированными средствами выражения возражения, но впоследствии оказывается, что само возражение делается лишь в отношении некоторых свойств ситуации.

Рассмотрим такой пример:

2) – *Известно, / что очень многие Перестройку отрицают. // И, в общем, / надо сказать, / что ошибок было масса. // Вот если начинать разбирать по годам, / первый, второй, третий, четвёртый, – // сплошные ошибки. // От ошибки к ошибке, / от ошибки к ошибке. // Но если бы Горбачёв не начал эту Перестройку, / не было бы самого главного. //*

– *Почему? //*

– *Потому что это было всё-таки движение, / и к экономическим реформам <...>, / и к политическим свободам <...>. //*

<...>

– ***Я не согласен с тем, что / у Горбачёва были ошибки. // Ошибок не было.** // [собеседник кивает] Перестройка – это блестящая операция по уничтожению Советского Союза. // [собеседник поднимает брови вверх] Эта операция была глубоко последовательна и продумана. / Уничтожались послойно*

все компоненты советского строя. // Например, / госбезопасность / <...>. Армия / <...>. Промышленность / <...>. Были демонизированы герои Второй Мировой Войны / <...>. Советская культура / <...>. Гигант Горбачёв, / но и предатель тоже. //

ОС: «Перестройка: стоило ли начинать?»

5 канал (СПб), 00:10:39

В примере 2 ИТР обманутого ожидания строится за счёт эксплицированного возражения (в примере 2 выделено полужирным шрифтом и подчёркиванием) в отношении пропозиции «ошибки Горбачева»: *Я не согласен с тем, что у Горбачева были ошибки*. Более того, говорящий усиливает эффект возражения словами: *Ошибок не было*, что воспринимается как «Горбачев не совершал неверных поступков». Именно так собеседник воспринимает область возражения и выражает своё согласие с такой точкой зрения с помощью кивка, выступающего в данном случае, по словам Г.Е. Крейдлина, как «субститут речевого акта согласия» (Крейдлин 2002: 62). В лексическом же значении слова *ошибка* отчётливо выделяются две семы: 1) неверный поступок; 2) нечаянный, ненамеренный поступок. Об этом свидетельствует определение слова *ошибка* из «Русского Семантического Словаря»: *ошибка – это «нечаянно допущенный неверный поступок»* (РСС, Том III: 273). Таким образом, говорящий субъект фактически возражает не против неправильности действий Горбачёва (что подразумевало бы противоположное: правильность этих действий и их одобрение говорящим субъектом), а против ненамеренности этих действий: Горбачев, по мнению говорящего, намеренно делал всё неправильно, сознательно разрушая страну. Эффект обманутого ожидания в рассмотренном примере проявляется мимически на лице собеседника после экспликации говорящим области фактического возражения: *«Перестройка – это блестящая операция по уничтожению Советского Союза»*, – где лексическим значением слова *операция* эксплицируется сема намеренности, спланированности. Так, по определению

словаря, *операция* – это «действие или ряд действий, предпринятых с определённой целью» (БТС: 715).

2.3. Изменение акционального состояния собеседника

Как показал материал, в сфере изменения акционального состояния собеседника выделяется только один тип *намёка*, с помощью которого реализуется интенция просьбы.

Рассмотрим способы осуществления *намёка* на просьбу.

2.3.1. Намёк-просьба

2.3.1.1. Ситуация просьбы

Рассмотрим *намёк-просьбу* в рамках глобальной цели изменения акционального состояния собеседника.

Согласно данным словарей, глагол *просить* имеет следующие определения:
 1) «добиваться чего-л. у кого-л.; склонять к исполнению желаемого» (БТС: 1025);
 2) «обращаться к кому-н., ища помощи, поддержки, удовлетворения какой-н. необходимости, желания» (РСС, Том IV: 511). Соответственно, референтом сложного высказывания, содержащего *намёк-просьбу*, является такая ситуация, при которой основную коммуникативную цель субъекта речи составляет склонение слушающего к выполнению какого-либо действия, желаемого со стороны говорящего.

Ситуация *намёка-просьбы* описательно представлена в следующем контексте:

Дмитриев стал нескладно излагать свою просьбу, вернее, намёк на просьбу, окутанный торопливым и малосодержательным бормотанием. Невядомскому следовало догадаться: его просили поделиться советом о том, как поступать в известных ему обстоятельствах. Но Невядомский не догадывался. Его черновато-рыжая курчавая бородка поднималась выше, глаза смотрели всё

более холодно и, как показалось Дмитриеву, высокомерно. [НКРЯ: Юрий Трифионов. Обмен (1969)]

Рассмотрим контексты *намёка-просьбы* в иллокутивных тактиках речи.

2.3.1.2. Реализация *намёка-просьбы* в ИТР

В рамках *намёка-просьбы*, нацеленного на изменение поведения слушающих, в качестве тактики, требующей от собеседника наибольших усилий для интерпретации *намёка*, нами была выделена ***ИТР метафорического сравнения***.

Намёк-просьба, представленный таким способом, мотивирован *дискурсивным фактором* соблюдения этических норм поведения: а именно, необходимостью соблюдать нормы общения в соответствии со статусом каждого из собеседников.

Мотивом говорящего при *ИТР метафорического сравнения* должно выступать желание осуществить просьбу, не задев тем самым своего собеседника. Отметим, что в такой мотив может входить и желание говорящего акцентировать внимание слушающих на более высоком по отношению к своим собеседникам статусе. Это возможно в том случае, если условиями прагматического контекста говорящему в виду его роли не предписана возможность осуществлять какую-либо просьбу.

Рассмотрим такой контекст *намёка-просьбы*:

1) – Я вот тоже хочу обратиться к присутствующим, / поскольку / вот я вижу по составу, да, / что людям, то что называется, есть, что друг другу сказать, / я хочу напомнить, что // яд, / яд, / лучше проникает через аккуратно, / тщательно сделанные прокусы, / а не через хаотично сотворённые царапины, / поэтому // **лучше не перебивать** // друг друга, как / к этому, возможно, нас будут призывать, / **а всё-таки выслушивать**. //

– То есть будем / будем сегодня / долго молчать / печально. // Так! // **Вы не командуйте**, / Александр Глебович! //

ОС: «Что празднуем?»»,

5 канал (СПб), 00:03:30

Как видно из примера 1, применение *намёка* направлено на изменение наблюдаемого поведения слушающих, а именно: говорящий хочет, чтобы собеседники, принимающие участие в дискуссии, не перебивали друг друга. В примере 1, помимо импликации о более высоком по отношению к собеседникам статусе говорящего, присутствует импликация отрицательного отношения адресанта к собеседникам. Эта импликация возникает за счёт отрицательной характеристики адресатов, осуществляемой с помощью нелицеприятного сравнения вербальных действий собеседников со змеиными укусами (выделено подчёркиванием): *яд, яд, лучше проникает через аккуратно, тщательно сделанные прокусы, а не через хаотично сотворённые царапины*. В данном случае просьба была воспринята как требовательная, поскольку говорящий субъект стремится управлять поведением своих собеседников в условиях равенства ролей, что не предписано говорящему в виду его роли в этом контексте: он является одним из собеседников. Именно это порождает импликацию представления о более высоком статусе говорящего лица в отношении своих собеседников. Свидетельством того, что *намёк-просьба* была проинтерпретирована именно как требовательная, является соответствующая реакция слушающего (выделено полужирным шрифтом): – *Вы не командуйте, Александр Глебович!*

Особенностями контекстов *намёка-просьбы*, представленных в ИТР *метафорического сравнения*, является наличие дискурсивных маркеров, представляющих собой апелляции к модусу знания слушающих: *Я хочу напомнить, что <...>*, – а также клишированных форм привлечения внимания собеседников: *Я <...> хочу обратиться к присутствующим*, – создающих формальный тон общения и настраивающих слушающих на восприятие некоторой информации особой значимости. Метафорическое сравнение, как показывает пример, входит в правую часть высказывания, содержащего апелляцию к модусу знания собеседников. В левом контексте *сложного*

высказывания содержится расшифровка *намёка-просьбы*. Отметим, что в рассмотренном случае высказывание, содержащее расшифровку *намёка-просьбы*, представляет модальную ситуацию «некатегориальной косвенной императивности» (Бондарко 1990: 87), при которой императивный смысл передаётся с помощью лексико-грамматической конструкции *лучше не inf, а inf* (выделено полужирным шрифтом и подчёркиванием). Специфической просодической особенностью указанного контекста является наличие частых пауз, свидетельствующих «об авторитарности выступающего» (Сомова 2006: 266), что также способствует восприятию такого контекста как требовательной, настоятельной просьбы, почти равной приказу.

Более явному *намёку* на просьбу изменить своё речевое поведение способствует *ИТР апелляции к мнению собеседника*. Такие способы по преимуществу представлены речевыми клише (в примерах 1-5 выделены полужирным шрифтом) и используются с целью побуждения собеседника к выражению мнения на определённую тему.

Таким образом, *дискурсивным фактором*, способствующим проявлению *ИТР апелляции к мнению собеседника*, является необходимость изменить ход разговора, побудив конкретного собеседника к некоторому речевому действию. В этом случае мотив говорящего и составляет желание перенаправить дискуссию, что предопределено ролью говорящих в данных условиях общения: как правило, говорящими, прибегающими к *ИТР апелляции к мнению собеседника*, являются ведущие телевизионной передачи.

Рассмотрим такие контексты:

1) – *Вы ж понимаете, Андрей Иванович, что Ваше мнение сейчас всем интересно. //*

НП с Маргаритой Симоньян

НТВ, 00:27:55

2) – **У меня** несколько неожиданный провокационный **вопрос**. // **А не кажется ли Вам, / что у нас люди плохо работают? / Понимаете? /**

ОС: «Работа и зарплата»,
5 канал (СПб), 01:10:02

3) – **Вам не кажется, / что Вы / сейчас / говорите как сторонник однополюсного мира, / и полюс этот не находится в России? //**

НП с Дмитрием Rogozinym
НТВ, 00:18:41

4) – Алексей Алексеевич, / **объясните мне**, / действительно, будет готов, может быть, сейчас Брюссель / к тому, чтобы помочь Украине и активно закупать туда, / отменив таможенные пошлины, / всё продовольствие? // Я, правда, не знаю, почему это должно произойти, / если Прибалтика, / которая сегодня полноценный член Евросоюза, / речь идёт о Литве, Латвии, Эстонии, / они не знают, куда деть свою молочку, например, / потому что Евросоюз им даёт совсем небольшие квоты, / а на остальное говорит: нет, спасибо, / у нас своё. //

– Безусловно. / Реалии, что называется, разбивают лодку любви о быт. //

ОС: «Евроинтеграция»,
5 канал (СПб), 00:17:50

5) – Алексей Алексеевич, / **подскажите, пожалуйста**, / неужели Европейский Союз, / подписывая этот документ, / не собирается начать все-таки финансировать эти процессы? / Денег-то даст Европа? //

ОС: «Евроинтеграция»,
5 канал (СПб), 00:09:50

Как видно из примеров 4 и 5, в ИТР апелляции к мнению собеседника могут быть использованы средства с семантикой сомнения: наряду с запросом

информации (*объясните мне*) в контексте примера 4 также присутствует модальный показатель сомнения *может быть*; в примере 5 таким показателем является *неужели* наряду с *подскажите, пожалуйста*.

Явным *намёком* на просьбу изменить речевое поведение, очень близким по форме к косвенному речевому акту, но, тем не менее, в отличие от него, находящим обоснование, является ***ИТР субъективной оценки поведения собеседника***. Дискурсивным фактором, мотивирующим выбор говорящим *ИТР субъективной оценки поведения собеседника*, является фактор вежливости, не позволяющий прямо эксплицитовать просьбу. Такой тип *ИТР* реализуется преимущественно при помощи так называемых «подлежащно-сказуемых предложений с некоординируемыми главными членами» (РГ 1980: 315). Мотив говорящего в таком случае, как видно из примера 1, составляет желание изменить речевое поведение собеседников.

Приведём такой пример:

1) – *Господа, / вас трудно чуть-чуть перекрикивать.* //

ОС: «Русские или россияне»,

5 канал (СПб), 01:10:53

Приведённый контекст можно описать как «*Я намекаю на то, чтобы Вы говорили тише и спокойнее*».

Выводы

Применительно к устному межличностному дискурсу телевизионного формата *намёк* в плане содержания требует категоризации и, таким образом, оказывается представленным интенциями говорящего, которые должен распознать слушающий. Такими интенциями являются *указание, осуждение, убеждение, возражение, согласие* и *просьба*, осуществление которых достигается при помощи соответствующих речевых действий непрямым способом, то есть в форме *намёка*.

Сущностным признаком *намёка* следует признать то, что говорящий обязательным образом рассчитывает на *догадку* собеседника в отношении реализуемой говорящим интенции. В устном межличностном дискурсе телевизионного формата *намёк* обладает четырьмя признаками: нетривиальностью, обоснованностью, интенциональностью и выводимостью. При этом *намёк* отличается от косвенного речевого акта как в содержательном, так и в структурном отношении, поскольку косвенный речевой акт, в отличие от *намёка*, является необоснованным, отличается несовпадением передаваемого и буквального смысла, а также представлен изолированным высказыванием, в то время как *намёк* может быть представлен не только отдельным высказыванием, но и сложным высказыванием, а также реализовываться в нескольких, прерываемых собеседником, репликах говорящего.

Намёк – это форма осуществления речевых действий, предполагающая передачу интенциональных смыслов от говорящего к слушающему с расчётом на их извлечение последним в виде импликаций, представляющая собой контекст разной протяжённости, в котором могут быть выделены типичные лексико-грамматические, просодические и композиционные черты.

Высказывание в аспекте изучения *намёка* оказывается представленным единицей, с помощью которой в рассматриваемом типе устного дискурса удаётся реализовать соответствующую коммуникативную задачу. Выделение высказывания опирается на ряд принципов: 1) принцип коммуникативной достаточности высказывания, реализующего речевой поступок, интенцию говорящего; 2) принцип перформативной направленности; 3) принцип опоры на функциональную согласованность языковых средств. Поскольку перформативные смыслы оказываются выражены имплицитным способом, то необходимо рассматривать всё высказывание как пропозициональную структуру, в отношении которой на уровне глубинной структуры выявляется *имплицитная перформативная рамка*. Имплицитный смысл высказываний, содержащих *намёк*, оказывается представленным двумя планами: основной целью сообщения и сопутствующими выражению основного смысла импликациями, среди которых

могут быть ироничное, пренебрежительное, подчеркнуто вежливое и другие виды отношений говорящего к собеседнику или к теме сообщения.

Наиболее правильным подходом при лингвистическом описании *намёка* является подход с точки зрения стратегий и тактик речи. При реализации *намёка* говорящий придерживается *стратегии вуалирования* как частной стратегии устного межличностного дискурса, стратегии «локальной когерентности», посредством которой обеспечивается связность диалогического построения. *Тактика* представляет собой способ организации как вербальных средств для реализации модуса говорящего. При этом термин *иллокутивная тактика речи* более удобен при описании ситуаций непрямого воздействия в виду непрозрачности своего «имени», поскольку одна тактика может быть использована в разных прагматических целях, то есть в разных типах *намёка*. Это позволяет развернуть анализ тактик в сторону функциональной организации средств языка, обычно не получающей должного внимания со стороны исследователей тактик речи.

Интенциональные смыслы перформативного характера в русском устном межличностном дискурсе проявляются в двух сферах: *сфере изменения информационного состояния собеседника* и *сфере изменения акционального состояния собеседника*.

В результате проведенного анализа контекстов *намекания* удалось выяснить, что в *сфере изменения информационного состояния собеседника* распространены такие типы *намёков* как *намёк-указание*, *намёк-осуждение*, *намёк-убеждение*, *намёк-возражение* и *намёк-согласие*. В *сфере изменения акционального состояния собеседника* был выделен один тип *намёка*: *намёк-просьба*. Всего анализу подверглись 97 контекстов *намекания*.

В области действия *намёка-указания* были определены два типа ситуаций: 1) ситуация, при которой коммуникативную цель субъекта речи составляет *указание* на конкретные лица/объекты/события действительности; 2) ситуация, при которой коммуникативную цель субъекта речи составляет *указание* на классы лиц/объектов/событий действительности, обладающими однородными

признаками. Таким образом, *имплицитная перформативная рамка (ИПР)* оказывается представленной двумя вариантами: «Я указываю на конкретные факты действительности: лица, объекты, события»; «Я указываю на классы лиц, объектов, событий действительности, обладающих однородным набором признаков».

Намёк-указание оказывается мотивирован *дискурсивными факторами* социокультурной ситуации (*иллокутивная тактика (ИТР) наводящего вопроса, ИТР неназывания*) и возможностью акцентировать внимание слушающих на наиболее значимых социальных вопросах (*ИТР риторического вопроса*).

Мотив говорящего при *ИТР наводящего вопроса* либо совпадает с основной целью (указанием), либо, помимо указания, нацелен на переключение темы общения. В последнем случае в контексте *намёка-указания ИТР наводящего вопроса* поддерживается действием других тактик. Мотив говорящего при *ИТР неназывания* совпадает с основной целью: указанием; при *ИТР риторического вопроса* мотив говорящего сводится к желанию акцентировать внимание слушающих на наиболее значимых социальных вопросах.

ИПР «Я указываю на конкретные факты действительности: лица, объекты, события» реализуется в *ИТР наводящего вопроса, ИТР неназывания и ИТР риторического вопроса*. При этом *ИТР наводящего вопроса* реализуется посредством: 1) вопросительных конструкций, содержащих акцентно выделенные вопросительные местоимения, представляющих некоторую ситуацию в индикативе прошедшего времени; 2) указания на лицо или объект при помощи лексемы *один* в контексте модальности предположения. Лингвистическим средством *ИТР неназывания* является указание на лица и объекты через актуализацию их признаков. *ИТР риторического вопроса* представлена такими вопросительными конструкциями, отрицание вводимой пропозиции которых стимулирует слушающего к определённым выводам на основе имеющихся у него фоновых знаний о ситуации.

ИПР «Я указываю на классы лиц, объектов, событий действительности, обладающих однородным набором признаков» реализуется в *ИТР наводящего*

вопроса. При этом *ИТР наводящего вопроса* реализуется посредством вопросительных конструкций, содержащих акцентно выделенные вопросительные местоимения, представляющих некоторую ситуацию в индикативе настоящего времени. Особенностью контекстов *намёка-указания* в таком случае является наличие в правой части контекста расшифровки *намёка*.

При обоих типах *ИПР* маркерами иллокутивной силы указания выступают различные речевые клише в функции привлечения внимания собеседника.

В области действия *намёка-осуждения* были выделены три типа ситуаций: 1) осуждение по отношению к обсуждаемым наполнителям фрейма; 2) осуждение собеседника; 3) осуждение обсуждаемой ситуации в целом. Таким образом, при *намёке* на осуждение *ИПР* можно представить как «*Я осуждаю некоторые события действительности, собеседника или обсуждаемую ситуацию в целом*». *Намёк-осуждение* оказывается мотивирован *дискурсивными факторами* невозможности прямого осуждения в виду этических соображений (*ИТР цитирования, ИТР замалчивания, ИТР метафорического сравнения, ИТР констатации*) и возможностью провоцирования собеседников и их стимулирования к дискуссии (*ИТР субъективной интерпретации, ИТР явного сравнения*).

Мотив говорящего при *ИТР цитирования* определяется боязнью потерять лицо, а также желанием дискредитировать цитируемые лица. Мотив говорящего при *ИТР замалчивания* сводится к желанию продемонстрировать высокую компетентность в обсуждаемых вопросах, поскольку, замалчивая информацию, свою оценку, он ожидает дальнейших расспросов со стороны собеседника. В случае *ИТР метафорического сравнения* мотив говорящего может состоять в желании оказать наибольший эффект на собеседника через использование негативного образа, а также желание представить осуждение некоторой ситуации не с личной точки зрения, а с всеобщей, то есть снять с себя ответственность за реализацию предосудительной цели (осуждения). При *ИТР констатации* мотив говорящего совпадает с основной целью, а при *ИТР субъективной интерпретации* и *явного сравнения* состоит в дискредитации обсуждаемых лиц.

При *ИТР цитирования* пропозициональная структура высказываний, содержащих *намёк* на осуждение, представляет собой прямое цитирование чужих слов. *ИТР замалчивания* в ситуации осуждения в отношении обсуждаемых наполнителей фрейма представлена: 1) конструкциями резюмирующего характера, содержащими действительные местоименные комплексы; 2) высказываниями, структура которых организована зеркальным повторением пропозиции, в частях которого акцентное выделение меняет семантику сопоставляемых идентичных объектов, противопоставляя их по какому-либо одному признаку; 3) конструкциями с модусом знания, где информация о конкретных лицах замалчивается при помощи относительных местоимений в начальной позиции придаточных предложений. Дополнительным мотивом говорящего в последнем случае выступает продемонстрировать пренебрежение к обсуждаемым лицам. *ИТР замалчивания* может быть использована говорящим в целях осуждения некоторой ситуации в целом. В этом случае средствами ее оформления выступают речевые высказывания-клише резюмирующего характера. Отличительной особенностью *ИТР метафорического сравнения* является наличие в правой части контекста, а именно, за высказыванием, непосредственно содержащим *намёк*, расшифровки говорящим того смысла, на который он намекал. *ИТР констатации* имеет отличительную просодическую черту, а именно: выделение констатируемых наполнителей фрейма с помощью акцентного выделения. *ИТР субъективной интерпретации* реализуется посредством ввода пропозиции словами с семантикой сожаления. *ИТР явного сравнения*, в основном, реализуется с помощью лексических средств.

Намёк-убеждение реализуется в ситуации, при которой говорящий стремится убедить собеседника в своей точке зрения. При этом *ИПР* сводится к: «Я убеждаю Вас в своей точке зрения, уверяю Вас в своей правоте».

Намёк-убеждение оказывается мотивирован *дискурсивным фактором* необходимости убеждать собеседников в своей точке зрения, используя различные средства. Мотив говорящего в этом случае составляет желание казаться наиболее убедительным. В рамках этого *намёка* была выделена только

одна ИТР: *ИТР метафорического сравнения*, – поскольку это средство предоставляет говорящему возможность представить упрощенную модель обсуждаемой ситуации. Особенностью контекста намекания в этом случае является то, что метафора в контексте *намёка* предшествует либо расшифровке *намёка* самим говорящим субъектом, либо его расшифровке собеседником.

Намёк-возражение предполагает ситуацию возражения против мнения собеседника. ИТР в данном случае представляет собой: «*Я возражаю против Вашего мнения*». В этом типе *намёка* были выделены следующие ИТР: *ИТР обманутого ожидания*, *ИТР выдвижения предположений*, *ИТР мягкого возражения*, *ИТР частичного согласия с собеседником*, *ИТР явного возражения*. Дискурсивными факторами *намёка-убеждения* являются: 1) фактор вежливости, и в то же время фактор невозможности смолчать, не выразить своё несогласие (*ИТР мягкого возражения*, *ИТР частичного согласия с собеседником*); 2) необходимость возражать или соглашаться с собеседником, предопределенная прагматическим контекстом общения (*ИТР обманутого ожидания*, *ИТР выдвижения предположений*); 3) повышение общего эмоционального фона дискуссии и необходимости для говорящего выразить возражение в таких условиях (*ИТР явного возражения*).

Мотивом при *ИТР обманутого ожидания* выступает желание говорящего оказать как можно больший прагматический эффект на слушающего за счёт эффекта неожиданности согласия с его мнением; при *ИТР выдвижения предположений* – желание стимулировать дискуссию; при *ИТР мягкого возражения* – желание говорящего перенаправить беседу; при *ИТР частичного согласия с собеседником* и *ИТР явного возражения* мотив говорящего совпадает с основной целью, – возражением.

ИТР обманутого ожидания создается за счёт эксплицитных средств, настраивающих на восприятие точки зрения говорящего, в данном случае – *возражения*. *ИТР выдвижения предположений* представлена периодом, где в роли анафорических компонентов выступают показатели модальности предположения. Маркерами иллокутивной силы возражения при *ИТР мягкого возражения*

являются: 1) показатели различных типов модуса говорящего в сочетании с частицами и наречиями; 2) выражение симпатии к собеседнику, маркирующей верхнюю границу контекстов намека; при *ИТР частичного согласия с собеседником*: 1) лексемы с общим значением положительной оценки мнения собеседника, которые оказываются отмечены акцентным выделением и наличием после них паузы; при *ИТР явного возражения*: 1) сочетания частицы *да* с вопросительными местоимениями; 2) конструкция *Я+глагол мнения (полагания)* в соответствующей форме при обязательном акцентном выделении местоимения; 3) обращения, представляющие собой этикетные клише, несоответствующие по своей форме ситуации общения; 4) лексические средства с семантикой сомнения; 5) повтор фрагмента реплики собеседника, с помощью которого обозначается область возражения, при обязательной акцентной выделенности некоторых компонентов; 6) при помощи отсылок ко всеобщему знанию.

Намёк-согласие предполагает ситуацию поддержки мнения собеседника. При этом *ИПР* является: «*Я согласен с Вашим мнением, поддерживаю его*». *Намёк-согласие* оказывается мотивирован *дискурсивными факторами* возможности реализовать какую-либо скрытую цель, обычно дискредитирующую собеседника (*ИТР рефрейминга*), необходимости возражать или соглашаться с собеседником, predetermined прагматическим контекстом общения (*ИТР обманутого ожидания*). Мотив говорящего при *ИТР рефрейминга* всегда сводится к манипулированию и предполагает наличие некоторой скрытой от собеседника цели. Мотив при *ИТР обманутого ожидания* состоит в желании говорящего оказать как можно больший прагматический на слушающего за счёт эффекта неожиданности возражения. Указанные тактики функционируют за счёт следующих особенностей: 1) при *ИТР рефрейминга* говорящий выдвигает на первый план некоторые общие черты двух похожих фреймов, выделяя, актуализируя, в них общие признаки, в то время как наиболее частотными показателями иллокутивной силы выступают маркеры, создающие впечатление совместного со слушающими построения гипотезы; 2) при *ИТР обманутого ожидания* пропозиция вводится при помощи эксплицитных средств выражения

поддержки говорящего, согласия с его мнением; отдельный случай оформления такой *ИТР* представляют контексты, в которых настоящая *ИТР* строится за счёт игры семантическими компонентами значений слов, входящих в пропозицию, которыми обозначаются ключевые точки фрейма.

Намёк-просьба оказывается представленным в ситуации, при которой основную коммуникативную цель говорящего составляет склонение слушающего к выполнению какого-либо действия. Среди *дискурсивных факторов* этого типа *намёка* выделяются: 1) необходимость соблюдать нормы общения в соответствии со статусом каждого из собеседников (*ИТР метафорического сравнения*); 2) необходимость изменить ход разговора, побудив конкретного собеседника к некоторому речевому действию (*ИТР апелляции к мнению собеседника*); 3) фактор вежливости, не позволяющий прямо эксплицировать просьбу (*ИТР субъективной оценки поведения собеседника*). Мотивом говорящего при *ИТР метафорического сравнения* выступает желание осуществить просьбу, не задев тем самым своего собеседника, но при использовании отрицательного метафорического образа мотив преобразуется в желание говорящего акцентировать внимание слушающих на более высоком по отношению к своим собеседникам статусе. При *ИТР апелляции к мнению собеседника* мотив говорящего составляет желание перенаправить дискуссию, а при *ИТР субъективной оценки поведения собеседника* мотив говорящего составляет желание изменить речевое поведение собеседников. В *ИТР метафорического сравнения* маркеры иллокутивной силы оказались представлены апелляциями к модусу знания слушающих, а также клишированными формами привлечения внимания собеседников. При *ИТР апелляции к мнению собеседника* такими маркерами являются речевые клише с семантикой побуждения, а также средства с семантикой сомнения. *ИТР субъективной оценки поведения* реализуется при помощи подлежащно-сказуемых предложений с некоординируемыми главными членами.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В результате проведенного исследования найдено подтверждение гипотеза о том, что: в условиях устного русского межличностного дискурса *намёк* представляет собой форму осуществления речевых действий, получающую выражение в контексте посредством характерных для определённого типа *намёка* тактик речи, что мотивировано особенностями ситуации: определёнными дискурсивными факторами и мотивами говорящего. Предпосылками к подтверждению этой гипотезы послужил ряд теоретических выводов, сделанных в результате анализа теоретической литературы. Так, было установлено, что *намёк* представляет собой сложный когнитивный феномен, особенности функционирования которого в речи можно вскрыть лишь в соотношении с ситуационными характеристиками, влияющими на его проявление: дискурсивными факторами и мотивами говорящих. При этом сложность исследования заключается в том, что с помощью *намёка* может передаваться разное содержание, что находит разнообразие и в плане выражения. Таким образом, исследование этого явления представляется невозможным без комплексного подхода к его изучению: прежде всего, с позиций дискурсивного, функционально-семантического, коммуникативного подходов к анализу, что обуславливает необходимость рассматривать *намёк* в рамках прагматической семантики.

В результате исследования, проведенного на материале устного русского межличностного дискурса полемической направленности, было установлено, что содержание *намёка* к этому типу дискурса сводится к определённым интенциям говорящего, что выражается в непрямых способах реализации соответствующих речевых действий, – то есть их осуществлению в форме *намёка*. При этом понятие *намёка* не совпадает с понятием косвенного речевого акта, который отличается несовпадением буквального смысла и смысла передаваемого. *Намёк* же связан с творческим характером использования средств языка. *Намёк* также отличается от косвенного речевого акта в структурном аспекте: *намёк* может выражаться одним высказыванием, сложным высказыванием или разрозненными

репликами говорящего, в то время как косвенный речевой акт представляет собой изолированное от ситуации отдельное высказывание. Выделение единицы речи (высказывания), с помощью которой реализуется *намёк*, оказалось возможным произвести с помощью опоры на принципы *коммуникативной достаточности для выражения интенции, перформативной направленности, опоры на функциональную согласованность языковых средств*. Всё это позволило говорить о том, что *намёк* реализуется в контекстах разной протяжённости. При этом другие способы передачи непрямых смыслов, такие как метафора, ирония и аллюзия, могут быть трансляторами *намёка*, входить в его контекст, а также являться источниками дополнительно возникающих импликаций.

Анализ материала устного межличностного дискурса с указанных позиций позволил выделить среди интенций-целей воздействия говорящего на собеседника следующие: *указание, осуждение, убеждение, возражение, согласие и просьбу*, которые оказалось возможным представить в двух сферах: изменения информационного состояния собеседника (*указание, осуждение, убеждение, возражение, согласие*) и изменения его акционального состояния (*просьба*). При этом указанные действия реализуются в форме *намёка* в высказывании, основной характеристикой которого является перформативность. Перформативный характер высказываний оказалось возможным выявить при помощи имплицитной перформативной рамки. Каждый тип *намёка* представлен определенным набором тактик, мотивированных определенными дискурсивными факторами, а также мотивами говорящего. Анализ материала с точки зрения применяемых тактик в каждом типе *намёка* позволил установить их градацию в аллокутивном аспекте, то есть с точки зрения снижения оказываемой иллокутивной силы. Так, выделенные типы *намёка* оказываются представленными *иллокутивными тактиками речи* в следующей последовательности:

1. *Намёк-указание: ИТР наводящего вопроса, ИТР неназывания, ИТР риторического вопроса.*

2. *Намёк-осуждение: ИТР цитирования, ИТР замалчивания, ИТР метафорического сравнения, ИТР констатации, ИТР субъективной интерпретации, ИТР явного сравнения.*

3. *Намёк-убеждение: ИТР метафорического сравнения.*

4. *Намёк-возражение: ИТР обманутого ожидания, ИТР выдвигения предположений, ИТР мягкого сравнения, ИТР частичного сравнения, ИТР явного возражения.*

5. *Намёк-согласие: ИТР рефрейминга, ИТР обманутого ожидания.*

6. *Намёк-просьба: ИТР метафорического сравнения, ИТР апелляции к мнению собеседника, ИТР субъективной оценки поведения собеседника.*

Как видно из приводимого соотношения типов *намёка* и тактик, с помощью которых они реализуются, наиболее разнообразно с точки зрения плана выражения оказываются представлены такие типы *намёков* как *намёк-осуждение* (6 способов) и *намёк-возражение* (5 способов); менее разнообразными средствами располагают *намёк-указание* и *намёк-просьба* (по 3 способа); небогатым арсеналом средств выражения располагают *намёк-согласие* (2 способа) и *намёк-убеждение* (1 выявленный способ). В то же время, по степени распространенности определенного типа *намёка* в русском устном межличностном дискурсе, от наиболее широко представленного к наименее распространенному, выделенные типы *намёка* распределились следующим образом: контексты *намёка-возражения* составили 30 % от всех употреблений, *намёка-осуждения* – 27 %, *намёка-указания* – 20 %, *намёка-просьбы* – 17 %, *намёка-согласия* – 4 %, *намёка-убеждения* – 2%.

Наиболее универсальным способом, с помощью которого в рассматриваемом типе устного межличностного дискурса оказывается возможным реализовать сразу три вида *намёка*, оказывается *ИТР метафорического сравнения* (*намёк-осуждение, намёк-убеждение, намёк-просьба*).

В заключение скажем о перспективах использования результатов проведенного исследования. Так, результаты исследования могли бы быть

использованы в сопоставительном аспекте при привлечении данных, полученных таким же способом на материале других национальных речевых культур. Особенно интересным при исследовании не прямых способов воздействия в межличностном дискурсе, а также и других типов дискурса, могло бы оказаться сопоставление с азиатскими культурами, в которых, по свидетельствам лингвистических исследований (Yum 1988; Tsujimura 1987), не прямые способы воздействия являются более широко распространёнными, чем в западных речевых культурах. Интересным представляется и выявление распределения зон не прямой коммуникации: например, что в сопоставляемых культурах могло бы оказаться *намёком*, а что косвенным речевым актом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андреева, С.В. Разговорная русская речь и её единицы / С.В. Андреева // Труды первого междисциплинарного семинара «Анализ разговорной русской речи» (АР³-2007). – СПб.: ГУАП, 2007. – С. 37-42.
2. Андреева, С.В. Универсальные основания выделения структурных единиц дискурса / С.В. Андреева // Труды второго междисциплинарного семинара «Анализ разговорной устной речи» (АР³-2008). – СПб.: ГУАП, 2008. – С. 4-9.
3. Аникин, В.П. Долгий век пословицы / В.П. Аникин // Русские пословицы и поговорки. – М.: Художественная литература, 1988. – С. 3-12.
4. Апресян, Ю.Д. Перформативы в грамматике и словаре / Ю.Д. Апресян // Изв. АН СССР, Сер. литературы и языка. – 1986. – Т. 45, № 3. – С. 209-223.
5. Апресян, Ю.Д. Избранные труды. Т. II. Интегральное описание языка и системная лексикография / Ю.Д. Апресян. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. – 765 с.
6. Арнольд, И.В. Интертекстуальность – поэтика чужого слова / И.В. Арнольд // Структура и семантика предложения и текста в германских языках: межвуз. сб. науч. трудов. Вып. II. – Новгород: Изд-во НГПИ, 1992. – С. 3-13.
7. Арнольд, И.В. Импликация как прием построения текста и предмет филологического изучения / И.В. Арнольд // Арнольд И.В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность: Сб. статей. – СПб, 1999. – С. 77-92.
8. Арнольд, И.В. Стилистика декодирования: курс лекций / И.В. Арнольд. – Ленинград: ЛГПИ, 1974. – 76 с.
9. Арутюнова, Н.Д. Дискурс / Н.Д. Арутюнова // Большой энциклопедический словарь: Языкознание / гл. редактор В. Н. Ярцева. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1998-а. – С. 136-137.
10. Арутюнова, Н.Д. Перформатив / Н.Д. Арутюнова // Большой энциклопедический словарь: Языкознание / гл. редактор В. Н. Ярцева. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1998-б. – С. 372-373.

11. Арутюнова, Н.Д. Лингвистические проблемы референции / Н.Д. Арутюнова // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XIII. Логика и лингвистика (Проблемы референции). – М.: Радуга, 1982. – С. 5-40.
12. Арутюнова, Н.Д. Образ, метафора, символ в контексте жизни и культуры / Н.Д. Арутюнова // RES PHILOLOGICA. Филологические исследования. – Москва; Ленинград: Наука, 1990. – С. 71-88.
13. Арутюнова, Н.Д. Понятие пресуппозиции в лингвистике / Н.Д. Арутюнова // Изв. АН СССР, Сер. литературы и языка. – 1973. – Т. XXXII. Вып. I. – С. 84-89.
14. Арутюнова, Н.Д. Язык и мир человека / Н.Д. Арутюнова. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 896 с.
15. Арутюнова, Н.Д., Падучева Е.В. Истоки, проблемы и категории прагматики / Н.Д. Арутюнова, Е.В. Падучева // Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск XVI. Лингвистическая прагматика. – М.: Прогресс, 1985. – С. 3-42.
16. Арутюнова, Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт / Н.Д. Арутюнова. – М.: Наука, 1988. – 341 с.
17. Балли, Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка / Ш. Балли. – М., 1955. – С. 43-59.
18. Баранов, А.Н. Лингвистика намёка / А.Н. Баранов // Язык как материя смысла: сборник статей к 90-летию академика Н.Ю. Шведовой. – М.: Издательский центр «Азбуковник», 2007. – С. 443-461.
19. Баранов, А.Н., Крейдлин, Г.Е. Иллокутивное вынуждение в структуре диалога / А.Н. Баранов, Г.Е. Крейдлин // Вопросы языкознания. – 1992. – № 2. – С. 84-99.
20. Бенвенист, Э. Общая лингвистика / Э. Бенвенист. – М.: URSS, 2002. – 446 с.
21. Бешукова, Ф.Б. Медиадискурс современного культурного пространства / Ф.Б. Бешукова // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. Филология. – 2008. – №10. – С. 112-118.

22. Богданов, В.В. Молчание как нулевой речевой акт и его роль в вербальной коммуникации / В.В. Богданов // Языковое общение и его единицы: межвуз. сб. науч. тр. – Калинин, 1986. – С. 12-18.
23. Богданов, В.В. Предложение и текст в содержательном аспекте / В.В. Богданов. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2007. – 280 с.
24. Бондарко, А. В. Грамматическое значение и смысл / А.В. Бондарко. – Л.: Наука, 1978. – 175 с.
25. Бондарко, А.В. К анализу категориальных ситуаций в сфере модальности: императивные ситуации / А.В. Бондарко // Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность / отв. ред. Бондарко А.В. – Л., 1990. – С. 80-89.
26. Борботько, В.Г. Принципы формирования дискурса: от психолингвистики к лингвосинергетике / В.Г. Борботько. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011. – 288 с.
27. Борисова, И.Н. Русский разговорный диалог: Структура и динамика / И.Н. Борисова. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 320 с.
28. Бронник, Л.В. В поисках единицы речевого общения (когнитивно-синергетический фильтр идей) / Л.В. Бронник // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. – 2009. – №106. – С.83-88.
29. Брудный, А.А. Подтекст и элементы внетекстовых знаковых структур / А.А. Брудный // Смысловое восприятие речевого сообщения (в условиях массовой коммуникации) / отв. ред. Т.М. Дридзе, А.А. Леонтьев. – М., 1976. – С. 152-158.
30. Васильев, Л.В. Модальные слова в их отношении к структуре предложения / Л.В. Васильев // Синтаксис и интонация. Межвузовский сборник. – Уфа, 1973. – С. 55-56.
31. Вендлер, З. Иллокутивное самоубийство / З. Вендлер // // Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск XVI. Лингвистическая прагматика. – М.: Прогресс, 1985. – С. 238-250.

32. Верещагин, Е.М., Ротмайр, Р., Ройтер, Т. Речевые тактики «призыва к откровенности» / Е.М. Верещагин, Р. Ротмайр, Т. Ройтер // Вопросы языкознания. – 1992. – №6. – С. 82-93.
33. Виноградов, В.В. О категории модальности и модальных словах в русском языке / В.В. Виноградов // Виноградов В.В. Избранные труды. Исследования по русской грамматике. М., 1975, с. 55-56
34. Виноградов, В.В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика / В.В. Виноградов. – М.: Наука, 1963. – 255 с.
35. Винокур, Г.О. Филологические исследования / Г.О. Винокур. – М., 1990. – С. 26-27.
36. Владимирова, Т.Е. Призванные в общение: Русский дискурс в межкультурной коммуникации / Т.Е. Владимирова. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. – 304 с.
37. Вольперт, Р.Х. Лингвистическая основа подтекста / Р.Х. Вольперт // Системный и функциональный анализ языка: межвуз. сб. науч. трудов. – Рига: Латв. гос. ун-т им. Д. Стучки, 1987. – С. 32-39.
38. Воронцова, Т.А. О соотношении понятий *публичный дискурс* – язык СМИ – *публичная речь* / Т.А. Воронцова // Вестник Удмуртского университета. Сер. История и филология. – 2008. – Вып. 3. – С. 17-22.
39. Всеволодова, М.В. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса. Фрагмент прикладной (педагогической) модели языка. Учебник / М.В. Всеволодова. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2000. – 501 с.
40. Гак, В.Г. Высказывание и ситуация / В.Г. Гак // Проблемы структурной лингвистики. – М.: Наука, 1973. – С. 349-372.
41. Гак, В.Г. Теоретическая грамматика французского языка / В.Г. Гак. – М.: Добросвет, 2000. – 832 с.
42. Гак, В.Г. Языковые преобразования / В.Г. Гак. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. – 768 с.

43. Галактионова, И.В. Средства выражения согласия / И.В. Галактионова // Идеографические аспекты русской грамматики / под ред. В.А. Белошапковой и И.Г. Милославского. – М.: Изд-во МГУ, 1988. – С. 145-168.

44. Грайс, Г.П. Логика и речевое общение / Г.П. Грайс // // Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск XVI. Лингвистическая прагматика. – М.: Прогресс, 1985. – С. 217-237.

45. Дейвисон, Алиса. Лингвистическое или прагматическое описание: размышления о парадоксе перформативности / Алиса Дейвисон // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVII. Теория речевых актов. – М.: Прогресс, 1986. С. 235-250.

46. Дейк, Т.А. ван. Язык. Познание. Коммуникация / Т.А. ван Дейк. – Б.: БГК им. И. А. Бодуэна де Куртенэ, 2000. – 308 с.

47. Дейк, Т.А. ван, Кинч, В. Стратегии понимания связного текста / Т.А. ван Дейк, В. Кинч // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIII. Когнитивные аспекты языка. – М.: Прогресс, 1988. – С. 153-211.

48. Дементьев, В.В. Непрямая коммуникация / В.В. Дементьев. – М.: Гнозис, 2006. – 374 с.

49. Демьянков, В.З. Прагматическая интерпретация имплицитности и избыточность / В.З. Демьянков // Текст и подтекст: Поэтика эксплицитного и имплицитного: материалы международной конференции ИРЯ им. В.В. Виноградова РАН, 20-22 мая 2010 г. – М.: Издательский центр «Азбуковник», 2011. – С. 11-16.

50. Добросклонская, Т.Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ: современная английская медиаречь / Т.Г. Добросклонская. – М.: Наука, 2008. – 264 с.

51. Долинин, К.А. Имплицитное содержание высказывания / К.А. Долинин // Вопросы языкознания. – 1983. – № 6. – С. 37 - 47.

52. Долинин, К.А. Интерпретация текста: Французский язык / К.А. Долинин. – М.: КомКнига, 2010. – 304 с.

53. Ермакова, Е.В. Имплицитность и подтекст: термины и понятия, стоящие за ними / Е.В. Ермакова // Изв. Волгоград. гос. пед. ун-та. Сер. «Филол. науки». – 2010-а. – № 549. – С. 15-19.
54. Ермакова, Е.В. Имплицитность в художественном тексте (на материале русскоязычной и англоязычной прозы психологического и фантастического реализма): Автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Е.В. Ермакова. – Саратов, 2010-б. – 48 с.
55. Жинкин, Н.И. Речь как проводник информации / Н.И. Жинкин. – М., 1982. – 157 с.
56. Зайнуллин, М.В. Модальность как функционально-семантическая категория / М.В. Зайнуллин. – Издательство Саратовского университета, 1986. – 123 с.
57. Залевская, А.А. Психолингвистические исследования. Слово. Текст: Избранные труды / А.А. Залевская. – М.: Гнозис, 2005. – 543 с.
58. Звегинцев, В.А. Предложение и его отношение к языку и речи / В.А. Звегинцев. – М., 1976. – 307 с.
59. Земская, Е.А., Китайгородская, М.В., Ширяев, Е.Н. Русская разговорная речь: Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис / Е.А. Земская, М.В. Китайгородская, Е.Н. Ширяев. – М.: Наука, 1981. – 276 с.
60. Золотова, Г.А. Композиция и грамматика / Г.А. Золотова // Язык как творчество: Сб. науч. тр. к 70-летию В. П. Григорьева. – М.: ИРЯ РАН, 1996. – С. 284-296.
61. Золотова, Г.А., Онипенко, Н.К., Сидорова, М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка / Г.А. Золотова, Н.К. Онипенко, М.Ю. Сидорова. – М., 2004. – 544 с.
62. Ивин, А.А. Импликации и модальности / А.А. Ивин. – М.: ИФ РАН, 2004. – 126 с.
63. Ильенко, С.Г. Что такое предикативная единица? / С.Г. Ильенко // Теоретические проблемы функциональной грамматики. – СПб: Наука, 2001. – С. 25-27.

64. Имплицитность в языке и речи / отв. ред. Е.Г. Борисова, Ю.С. Мартемьянов. – М.: «Языки русской культуры», 1999. – 200 с.
65. Иссерс, О.С. Что говорят политики, чтобы нравиться своему народу / О.С. Иссерс // Вестник Омск. ун-та. – 1996. – №1. – С. 71-74.
66. Иссерс, О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О.С. Иссерс. – М.: Издательство ЛКИ, 2008. – 228 с.
67. Иссерс, О.С., Кузьмина, Н.А. Этикет и антиэтикет как лингводидактическая проблема / О.С. Иссерс, Н.А. Кузьмина // *Rossica Ostraviensca-97: lingua rossica in sphaera mercaturae* / Ostrava, 1997. – С. 109-113.
68. Капанадзе, Л.А. Развитие речевых жанров в русском языке / Л.А. Капанадзе // *Голоса и смыслы. Избранные работы по русскому языку.* – М., Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, 2005. – С. 290-305.
69. Карасик, В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В.И. Карасик. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.
70. Караулов, Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов. – М., 1987. – 261 с.
71. Кибрик, А.А. Обосновано ли понятие «дискурс СМИ»? / А.А. Кибрик // *Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе: сб. науч. тр.* – Орёл: ОГИИК, 2008. – С. 6-11.
72. Кильмухаметова, Е.Ю. Риторические вопросы как косвенные речевые акты (на материале французского языка) / Е.Ю. Кильмухаметова // *Вестник Томского государственного педагогического университета. Серия: Гуманитарные науки (филология).* – 2006. – Выпуск 4 (55). – С. 77-82.
73. Кириченко, М.А. Намёк и аллюзия как механизмы создания иронии в диалогических коммуникациях (на материале французского языка) / М.А. Кириченко // *Древняя и Новая Романия.* – 2013. – Т. 12. – № 2. – С. 122-128.
74. Клобуков, Е.В. Уровни категоризации и строение системы семантических категорий (из наблюдений над концептуальной базой функциональной грамматики) / Е.В. Клобуков // *Теоретические проблемы функциональной грамматики.* – СПб: Наука, 2001. – С. 36-44.

75. Клюканов, И.Э. Перформативное прочтение некоторых неперформативных глаголов / И.Э. Клюканов // Языковое общение: Единицы и регулятивы. – Калинин, 1987. – С. 85-89.

76. Кобозева, И.М., Лауфер, Н.И. Об одном способе косвенного информирования / И.М. Кобозева, Н.И. Лауфер // Изв. АН СССР, Сер. литературы и языка. – 1988. – Т. 47. – № 5. – С. 462-471.

77. Кодзасов, С.В., Кривнова, О.Ф. Фонетические возможности гортани и их использование в русской речи / С.В. Кодзасов, О.Ф. Кривнова // Проблемы теоретической и экспериментальной лингвистики. – М., 1977. – С. 180-209.

78. Кожемякин, Е.А. Массовая коммуникация и медиадискурс: к методологии исследования / Е.А. Кожемякин // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия «Гуманитарные науки». – 2010. – Вып. 11. – №2. – С. 13-21.

79. Колшанский, Г.В. Контекстная семантика / Г.В. Колшанский. – М.: Наука, 1980. – 149 с.

80. Коротаев, Н.А., Кибрик, А.А., Подлеская, В.И. Полипредикативность и интеграция в устном нарративном дискурсе / Н.А. Коротаев, А.А. Кибрик, В.И. Подлеская // Труды первого междисциплинарного семинара «Анализ разговорной русской речи» (АР³-2007). – СПб.: ГУАП, 2007. – С. 14-20.

81. Краже, С.Г. Текстовая импликация и разные планы повествования / С.Г. Краже // Системный и функциональный анализ языка: межвузовский сборник научных трудов / под ред. Б.Л. Лихтеровой. – Рига: ЛГУ им. П. Стучки, 1987. – С. 57-61.

82. Крейдлин, Г.Е. Невербальная семиотика: Язык тела и естественный язык / Г.Е. Крейдлин. – М.: Новое литературное обозрение, 2002. – 592 с.

83. Крысин, Л.П. Социальная маркированность синтаксических конструкций / Л.П. Крысин // Коммуникативно-смысловые параметры грамматики и текста. Сборник статей, посвященный юбилею Г. А. Золотовой. – М.: Эдиториал УРСС, 2002. – С. 340-344.

84. Крысин, Л.П. Социальный компонент в семантике языковых единиц / Л.П. Крысин // Русский язык в школе. – 1983. – №3. – С. 78-84.
85. Лаптева, О.А. Живая русская речь с телеэкрана. Разговорный пласт телевизионной речи в нормативном аспекте / О.А. Лаптева. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 510 с.
86. Лаптева, О.А. Русский разговорный синтаксис / О.А. Лаптева. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. – 400 с.
87. Лотман, Ю.М. Устная речь в историко-культурной перспективе / Ю.М. Лотман // Избранные статьи. – Таллин, 1992-а. – Т. 1. – С. 184-190.
88. Лотман, Ю.М. Текст и структура аудитории / Ю.М. Лотман // Избранные статьи. – Таллин, 1992-б. – Т. 1. – С. 161-166.
89. Ляпон, М.В. К вопросу о языковой специфике модальности / М.В. Ляпон // Изв. АН СССР, Сер. литературы и языка. – 1971. – Т. XXX. – Вып. 3. – С. 230-239.
90. Масленникова, А.А. Импликация как один из способов организации текста / А.А. Масленникова // Вестник Ленинградского ун-та. Сер. История, язык, литература. – 1985. – Вып. 9. – С. 109-112.
91. Масленникова, А.А. Лингвистическая интерпретация скрытых смыслов / А.А. Масленникова. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 1999. – 264 с.
92. Матулевич, Т.Г. Знание. Намёк, аллюзия (на материале The Economist) / Т.Г. Матулевич // Актуальные проблемы филологии и методики преподавания иностранных языков. – 2009. – № 4. – С. 40-58.
93. Мелехова, Н.А. Теоретические подходы к анализу телевизионного дискурса / Н.А. Мелехова // Вестник Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова в сфере гуманитарной науки. – 2009. – №4. – С. 90-92.
94. Мигирин, В.Н. Проблемы грамматики коммуникации (текста или устного сообщения) с позиции теории языковой сегментации действительности / В.Н. Мигирин // Изучение языкового строя в свете ленинской теории отражения. – Кишинёв, 1984.

95. Михель, Г. Основы теория стиля / Г. Михель // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. IX. Лингвостилистика. – М.: Прогресс, 1980. – С. 271-296.
96. Муханов, И.Л. О текстообразующей функции имплицитных смыслов высказывания (диалог) / И.Л. Муханов // Имплицитность в языке и речи / отв. ред. Е.Г. Борисова, Ю.С. Мартемьянов. – М.: «Языки русской культуры», 1999. – С. 88-94.
97. Николаева, Т.М. О принципе «некооперации» и/или о категориях социолингвистического воздействия / Т.М. Николаева // Логический анализ языка: Противоречивость и аномальность текста. – М.:Наука,1990. – С.225-235.
98. Николаева, Т.М. Речевые, коммуникативные и ментальные стереотипы: социолингвистическая дистрибуция / Т.М. Николаева // Язык как средство трансляции культуры / отв. ред. М.Б. Ешич. – М.: Наука, 2000. – С. 112-131.
99. Николаева, Т.М. Семантика акцентного выделения / Т.М. Николаева. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 104 с.
100. Николаева, Т.М. Текст / Т.М. Николаева // Большой энциклопедический словарь: Языкознание / гл. редактор В. Н. Ярцева. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. – С. 507.
101. Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVII. Теория речевых актов. – М.: Прогресс, 1986. – 424 с.
102. Олешков, М.Ю. Моделирование коммуникативного процесса: монография / М.Ю. Олешков. – Нижний Тагил: РИО НТГСПА, 2006. – 336 с.
103. Остин, Джон Лангшо. Слово как действие / Джон Лангшо Остин // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVII. Теория речевых актов. – М.: Прогресс, 1986. – С. 22-130.
104. Остин, Джон Лангшо. Перформативы – констативы / Джон Лангшо Остин // Философия языка. М., 2004. – С. 23-34.
105. Падучева, Е.В. Высказывание и диалог [Электронный ресурс] / Е.В. Падучева // Электронный еженедельник «Русский язык». – 2001. – № 37. – Режим доступа: <http://rus.1september.ru/article.php?ID=200103702>.

106. Падучева, Е.В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью (референциальные аспекты семантики местоимений) / Е.В. Падучева. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 288 с.
107. Падучева, Е.В. Говорящий как наблюдатель: об одной возможности применения лингвистики в поэтике / Е.В. Падучева // Изв. АН СССР. Сер. литературы и языка. – 1993. – №3. – Т.52. – С.33-44.
108. Падучева, Е.В. Прагматические аспекты связности диалога / Е.В. Падучева // Изв. АН СССР, Сер. литературы и языка. – 1982. – Т. 41. – № 4. – С. 305-313.
109. Попова, Т.И. К вопросу о системе дискурсов в современном русском языке / Т.И. Попова // Русский язык на рубеже тысячелетий. 26-27 окт. 2000 г. Том II. Филологический факультет СПбГУ. – СПб, 2001. – С. 45-51.
110. Поройкова, Н.И. Функционирование средств выражения согласия – несогласия в диалоге / Поройкова Н.И. // Функциональный анализ грамматических категорий и единиц. – Л., 1976. – С. 102-113.
111. Почепцов, Г.Г. Нестандартное употребление перформативных высказываний / Г.Г. Почепцов // Коммуникативно-прагматические и семантические функции речевых единств. – Калинин, 1980. – С. 106-111.
112. Прохоров, Ю. Е., Стернин, И. А. Русские: коммуникативное поведение / Ю.Е. Прохоров, И.А. Стернин. – М.: Флинта: Наука, 2006. – 238 с.
113. Прямая и непрямая коммуникация. Сб. науч. ст. – Саратов: «Колледж», 2003. – 354с.
114. Пушкарева, Н.В. Подтекстовые смыслы в прозаическом тексте (лингвистический аспект) / Н.В. Пушкарева. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2012. – 316 с.
115. Розенталь, Д. Э. Справочник по русскому языку. Практическая стилистика / Д.Э. Розенталь. – М., 2007. –С. 414.
116. Русская грамматика. – М., 1980. – т.2. – 712 с.
117. Рогова, К.А. Теория текста как сфера изучения речи / К.А. Рогова // Мир Русского Слова. – 2009. – № 2. – С. 7-13.

118. Рябцева, Н.К. Мысль как действие, или риторика рассуждения / Н.К. Рябцева // Логический анализ языка. Модели действия / Институт языкознания РАН. – М.: Наука, 1992. – С. 60-69.
119. Санников, В.З. Русский язык в зеркале языковой игры / В.З. Санников. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 552 с.
120. Сёрль, Дж. Р. Что такое речевой акт / Дж. Р. Сёрль // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVII. Теория речевых актов. – М.: Прогресс, 1986. – С. 151-169.
121. Сёрль, Дж. Р., Вандервекен, Д. Основные понятия исчисления речевых актов / Дж. Р. Сёрль, Д. Вандервекен // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVIII. Логический анализ естественного языка. – М.: Прогресс, 1986. – С. 242-263.
122. Сидоров, Е.В. Онтология дискурса / Е.В. Сидоров. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 232 с.
123. Смирницкий, А.И. Синтаксис английского языка / А.И. Смирницкий. – М.: Издательство ЛКИ, 2007. – 285 с.
124. Сомова, Е.Г. Функционирование звуко-символизма в радиоречи / Е.Г. Сомова // Фонетический аспект общения на неродном языке: Коллективная монография / Науч. ред. Н.А. Любимова. – СПб, Филологический факультет СПбГУ, 2006. – С. 260-268.
125. Сорокин, Ю.А. Неканоническая русистика: статьи, заметки и реплики / Ю.А. Сорокин. – М.: Изд-во Института проблем риска, Информационно-издательский центр «Бон Анца», 2009. – 223 с.
126. Стернин, И.А. Введение в речевое воздействие / И.А. Стернин. – Воронеж. Полиграф, 2001. – 227 с.
127. Стросон, П.Ф. Намерение и конвенции в речевых актах / П.Ф. Стросон // // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVII. Теория речевых актов. – М.: Прогресс, 1986. – С. 131-150.

128. Тарасов, Е.Ф. К построению теории речевой коммуникации / Е.Ф. Тарасов // Теоретические и прикладные проблемы речевого общения / отв. ред. А.А. Леонтьев. – М., 1979. – С. 15-147.
129. Торсуева, И.Г. Интонация и смысл высказывания / И.Г. Торсуева. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 112 с.
130. Федосюк, М. Ю. Исследование средств речевого воздействия и теория жанров речи / М.Ю. Федосюк // Жанры речи. – 1997. – № 5. – С. 66–87.
131. Формановская, Н.И. О коммуникативно-семантических группах и интенциональной семантике их единиц / Н.И. Формановская // Языковое общение и его единицы: межвуз. сб. науч. тр. – Калинин, 1986. – С. 19-27.
132. Формановская, Н.И. Речевое взаимодействие: коммуникация и прагматика / Н.И. Формановская. – М.: Издательство «ИКАР», 2007. – 480 с.
133. Фортунатов, А.Н. О некоторых особенностях «телевизионного мышления» в обществе информационного потребления / А.Н. Фортунатов // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2008. – №6. – С. 256-258.
134. Шатуновский, И.Б. 6 способов косвенного выражения смысла / И.Б. Шатуновский // Семантика и прагматика языковых единиц. – Калуга, 2004. – С. 262-274.
135. Шведова, Н.Ю. Очерки по синтаксису разговорной речи / Н.Ю. Шведова // Институт русского языка РАН / отв. ред. В.В. Виноградов. – М.: Азбуковник, 2003. – 378 с.
136. Шендельс, Е.И. Имплицитность в грамматике / Е.И. Шендельс // Вопросы романо-германской филологии. Синтаксическая семантика. Сб. науч. тр. МГПИИЯ. Вып.112. – М., 1977. – С. 109-120.
137. Ширяев, Е.Н. Семантико-синтаксическая структура русского разговорного диалога / Е.Н. Ширяев // Русский язык в научном освещении. – 2001. – № 1. – С. 132-147.
138. Шмелёв, А.Д. Русский язык и внеязыковая действительность / А.Д. Шмелёв. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 496 с.

139. Шмелев, Д.Н. Русский язык в его функциональных разновидностях: (К постановке проблемы) / Д.Н. Шмелёв. – М.: Наука, 1977. – 168 с.
140. Шмелева, Т.В. Модус и средства его выражения в высказывании / Т.В. Шмелёва // Идеографические аспекты русской грамматики / под ред. В.А. Белошапковой, И.Г. Милославского. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1988. – С. 168-202.
141. Шунейко, А.А., Авдеенко, А.А. Тактики речевого поведения / А.А. Шунейко, А.А. Авдеенко // Русская речь. – 2010. – №2. – С. 57 – 63.
142. Янко, Т.Е. К типологии иллокутивных актов / Т.Е. Янко // Сокровенные смыслы. Слово. Текст. Культура. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 880 с.
143. Якобсон, Р.О. Лингвистика и поэтика / Р.О. Якобсон // Структурализм: "за" и "против". – М., 1975. – С. 193-230.
144. Якобсон, Р.О. Речевая коммуникация / Р.О. Якобсон // Избранные работы: пер. с англ., нем., фр. яз. – М.: Прогресс, 1985. – С. 306-318.
145. Якубинский, Л.П. О диалогической речи / Л.П. Якубинский // Русская речь. Сборники статей под ред. Л.В. Щербы. – Пг.: Издание Фонетического института практического изучения языков, 1923. – Т. 1. – 330 с.
146. Brown, P., Levinson, S. Politeness: Some Universals in Language Usage / P. Brown, S. Levinson. – Cambridge: University Press, 1987. – 345 p.
147. Fairclough, N. Media discourse / N. Fairclough. – Great Britain: Bloomsbury Academic, 2010. – 224 p/
148. Haverkate, H. Impositive Sentences in Spanish: Theory and Description in Linguistic Pragmatics / H. Haverkate. – Amsterdam, 1979. – 194 p.
149. Lyons, J. Semantics. / J. Lyons. – Cambridge University Press, 1978. – V. I-II. – 897 p.
150. Ross, J.R. On declarative sentences / J.R. Ross // Readings in English transformational grammar. – Waltham Mass, 1970. – P. 377-397.
151. Sadock, Jerrold M. Toward a Linguistic Theory of Speech Acts / Jerrold M. Sadock. – New York, 1974. – 168 p.

152. Searle, John R. How Performatives Work? / John R. Searle // *Linguistics and Philosophy*. Vol. 12. – 1989. – P. 535-558.

153. Tsujimura, A. Some characteristics of the Japanese way of communication / A. Tsujimura // *Communication theory: Eastern and Western perspectives*. – New York: Academic Press, 1987. – P. 115-126.

154. Yokoyama, O.T. Disbelieve, Lies and Manipulations in a Transactional Discourse Model / O.T. Yokoyama // *Rhetoric of Lying (Argumentation 2.1)*. – 1988. – P. 131-149.

155. Yum, J.O. The impact of Confucianism on interpersonal relationships and communication patterns in East Asia / J.O. Yum // *Communication monographs*, vol. 55, n. 4. – 1988. – P. 374-388.

СПИСОК СЛОВАРЕЙ И ИСТОЧНИКОВ И ИХ УСЛОВНЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ

156. Ашукин, Н.С., Ашукина, М.Г. Крылатые слова: Литературные цитаты. Образные выражения: Словарь. 4-е изд., доп. / Н.С. Ашукин, М.Г. Ашукина. – М.: Художественная литература, 1988. – 528 с.

157. Ахманова, О.С. Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова. – М.: Издательство «Сов. энциклопедия». – 1966. – 608 с.

158. Бабичев, Н.Т., Боровский, Я.М. Словарь латинских крылатых слов: 2500 единиц. 4-е изд., испр. и доп. / Бабичев Н.Т., Боровский Я.М. – М.: Русский язык, 1999. – 784 с.

159. Балакай, А. Г. Словарь русского речевого этикета / А.Г. Балакай. – М.: АСТ-ПРЕСС, 2001. – 672 с. – СРРЭ.

160. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб: «Норинт», 2000. – 1536 с. – БТС.

161. Даль, В. Пословицы русского народа. Сборник пословиц, поговорок, речений, присловий, чистоговорок, прибауток, загадок, поверий и пр. / В. Даль. Т.I. – СПб., М.: 1879. – 685 с.

162. Егоров, В. Терминологический словарь телевидения. Основные понятия и комментарии / В. Егоров. – М.: Институт повышения квалификации работников телевидения и радиовещания, 1995. – 92 с.

163. Жуков, В.П. Словарь русских пословиц и поговорок / В.П. Жуков. – М.: Русский язык, 2000. – 544 с.

164. Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / РАН. Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова / под общей ред. Н. Ю. Шведовой. – М.: «Азбуковник», 2003. – РСС.

Том 3: Имена существительные с абстрактным значением. Бытие. Материя, пространство, время. Связи, отношения, зависимости. Духовный мир. Состояние природы, человека. Общество. – М.: «Азбуковник», 2003. – 720 с.

165. Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / РАН. Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова / под общей ред. Н. Ю. Шведовой. – М.: «Азбуковник», 1998. – РСС.

Том 4: Глагол. Глаголы с ослабленной знаменательностью: глаголы-связки и полужнаменательные глаголы, глаголы фазовые, глаголы модальные, глаголы связей, отношений и именованя. Дейктические глаголы. Бытийные глаголы. Глаголы со значением собственно активного действия, деятельности, деятельностного состояния. – М.: РАН Ин-т рус. яз., 2007. – 952 с.

166. Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений: ок. 5000 синонимических рядов. Более 20000 синонимов / Н. Абрамов. – М.: Русские словари, 1996. – 502 с. – СРС.

167. Словарь современного русского литературного языка: В 17-ти т. / под ред. В.И.Чернышева. – Том седьмой Н., Изд-во АН СССР, 1958. – БАС.

168. Словарь социолнгвистических терминов. – Москва, 2006. – 312 с. – ССТ.

169. Национальный корпус русского языка. – Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru>, свободный. – НКРЯ.

170. Официальный сайт Пятого канала петербургского телевидения, видеоархив программы «Открытая Студия». – Режим доступа: <http://www.5-tv.ru/video/programs/1000006/>, свободный. – ОС.

171. Сайт с видеоархивом программы «Нереальная Политика», выходившей в эфире каналов РЕН ТВ и НТВ. – Режим доступа: http://www.youtube.com/watch?v=vfd_1Ez8QPw&feature=plcp, свободный. – НП.